

63.3(4700)
0-924

РОУНЬ

РОУНЬ

9 ✓
K-78 ✓
25

РАЗСКАЗЫ
О ПОЛЬСКОЙ СТАРИИЩѢ

Рівненська обласна бібліотека

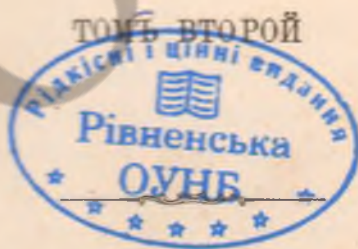
ІНВ № 12004

ЗАПИСКИ XVIII ВѢКА

ЯНА ДУКЛАНА ОХОТСКАГО

съ рукописей, послѣ него оставшихся, переписанныя и изданныя

І. КРАШЕВСКИМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5

1874

РОУНБ

СОДЕРЖАНІЕ

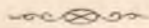
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Главы.	Стр.
I. Дорога и пребываніе въ Смоленскѣ. . .	1
II. Обратный путь. Житомиръ и Сидачевка .	12
III. Львовъ въ 1795 году. Положеніе города и общества въ 1795—96 годахъ. . . .	15
IV. Возвращеніе домой и провинціальныя дѣла.	25
V. Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ. . . .	28
VI. Волянь въ 1797 году и намѣстничество Изяславское	37
VII. Императоръ Павелъ I, губернія Волынская и возвращеніе сосланныхъ: абата Охотскаго, графа Дзялынскаго и другихъ .	42
VIII. Принцъ Конде, дѣла Волыни, Бонапартъ и Императоръ Александръ I.	48
IX. Домашнія дѣла и выборы 1805 года . .	55
X. Комбурлей губернаторъ	63
XI. Княжество Варшавское, 1812 г. и плѣнные.	70
XII. Депутаты въ Петербургъ, масоны и Житомиръ	87

Главы.	Стр.
XIII. Императоръ Александръ I въ Житомирѣ .	85
XIV. Интриги. Выборы 1816—1817 г. и смерть Александра I-го	89
XV. Андржейковичъ губернаторъ. Смерть Ги- жидкаго	96
XVI. Событія на Волыни; конюшій Козенсъ и его фамилія	104
XVII. Генераль Потемкинъ губернаторъ и послѣ- дующія событія	107
XVIII. Нравоописательный очеркъ.	108
XIX. Романовъ. Имѣніе сенатора Иллинскаго .	123

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изъ записокъ абата Охотскаго	129
Изъ записокъ Северина Букара	164
Выдержки изъ мемоаровъ Хржонстовскаго . . .	231
Ксенздъ Дмоховскаго.	291
Отъ переводчика	305

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Дорога и пребываніе въ Смоленскѣ.

Къ губернатору въ Житомирѣ меня требовали 8 іюля стараго стиля, и выѣхалъ я на другой день утромъ, т. е. девятаго числа. Офицеръ Подольскій, долженствовавшій сопровождать меня, родомъ малороссіянинъ, ѣхалъ со мною въ моемъ экипажѣ, а солдаты ѣхали на перекладной телѣгѣ. Такимъ порядкомъ проѣхали мы всю дорогу до самого Смоленска. Почты тогда не были еще такъ хорошо устроены, какъ нынче: станціи права уже были, но лошади на нихъ находились только крестьянскія; стояло одновременно по нѣскольку десятковъ лошадей. Но ѣхать очень скоро все-таки было невозможно. Къ вечеру мы пріѣхали однакоже въ Ясногурку — имѣніе княгини Шуйской. Княгиня съ дочерьми и гостями именно въ это время выходила на прогулку. Мнѣ, какъ знакомому, слѣдовало представиться княгинѣ. Она сейчас же догадалась въ какомъ я былъ положеніи и пригласила офицера и меня на ужинъ во дворецъ. Но принять приглашеніе мнѣ было невозможно, въ такомъ ужасномъ положеніи я находился. Отъ самаго выѣзда изъ дому я ничего

не ѣлъ и теперь просилъ княгиню прислать мнѣ только горячаго кофе въ трактиръ, гдѣ мы остановились. Мнѣ принесли и кофе и ужинъ. Кофе я выпилъ со вкусомъ, но ужинать снова не могъ. Затѣмъ, попросивъ офицера остаться здѣсь на ночлегъ, проспалъ десять часовъ, что называется на одномъ боку. Меня не будили. На утро въ 8 часовъ, княгиня снова прислала кофе и двадцать червонцевъ. Но денегъ я не принялъ, не имѣя еще нужды въ нихъ.

Отсюда мы направились къ Кіеву. Съ Бѣлогородки существовала уже настоящая казенная почта. До сихъ поръ о такой почтовой ѣздѣ я еще не имѣлъ понятія; мы просто догоняли вѣтеръ и рано утромъ пріѣхали въ Кіевъ. Офицеръ мой отправился къ губернатору прописывать дорожную; я съ нимъ тоже пошелъ и пока онъ былъ у губернатора прохаживался по саду. Возвратившись на почтовую станцію, пришлось согласиться на предложеніе обѣдать, такъ какъ уже четыре дня я ничего не ѣлъ и чувствовалъ необходимость подкрѣпить себя пищей. Но Кіевъ того времени не былъ похожъ на нынѣшній Кіевъ. Въ немъ не было не только хорошей гостинницы, но даже порядочнаго трактира. Къ счастью провожатый мой зналъ хорошо мѣстность, и мы нашли что только можно было найти лучшаго. Хозяинъ харчевни, старовѣръ Филипонъ при насъ пекъ блины на постномъ маслѣ. Я просилъ его: нельзя ли для меня спечь на скоромномъ, или на салѣ. Но была пятница и мнѣ отказали, не соглашаясь ни за какія деньги оскоромить трактиръ скоромной пищей въ постный день.

— Что у васъ еще есть съѣстнаго? спрашиваю Филипона. Онъ отвѣчаетъ, что есть еще соленая осетрина, изготовленная съ кислою капустою. Легко можете догадаться какъ это кушанье было приготовлено. Но я съѣлъ этой осетрины очень

много. Послѣ капусты вино, какъ всѣмъ извѣстно, ядовито; не смотря на это я велѣлъ подать двѣ бутылки шампанскаго и пригласивъ Подольскаго началъ пить. Капитанъ выпилъ всего двѣ-три рюмки, я кончилъ обѣ бутылки. Я былъ тогда такъ здоровъ, что мнѣ все это вовсе не повредило. Какъ выѣхали изъ Кіева, не помню: я былъ очень ужъ пьянъ. На утро къ обѣду мы были уже въ Черниговѣ. Угрождая мнѣ, капитанъ отыскивалъ въ этомъ городѣ трактиръ лучше. Но такого не оказалось. И мы должны были обѣдаться вареной свининой. На первой станціи за Черниговымъ случилась большая непріятность. Подольскій вышелъ расплачиваться и вдругъ осмотрѣлся, что выронилъ дорогою казенныя деньги, данныя на прогоны. Съ плачемъ вернулся онъ ко мнѣ, отчаяваясь и сѣтуя, что долженъ идти подъ судъ. Предстояла надобность снова возвратиться въ Черниговъ, гдѣ бы вѣроятно дали инаго провожатаго — что было вовсе непріятно для меня. Одна надежда у капитана была, что вблизи живущій одинъ его знакомый можетъ быть поможетъ ему въ несчастіи. Съ этой цѣлью мы и свернули съ почтоваго тракта. Знакомый капитана жилъ въ своей деревнѣ, очень большой, имѣвшей больше двухсотъ дворовъ. Еще другая такой же величины принадлежала ему. Но господскій домъ, къ которому мы подъѣхали, ничѣмъ не отличался отъ крестьянской избы. Хозяина мы застали въ халатѣ; хозяйка была въ грязной юбкѣ, съ платкомъ на головѣ и въ простыхъ сапогахъ. Товарищъ мой рекомендовалъ меня и я долженъ былъ эту жирную бабу поцѣловать въ руку, а она меня поцѣловала въ лице. Изба, гдѣ жилъ помѣщикъ, была безъ пола. Въмѣсто всякой мебели въ углу висѣлъ образъ, богато оправленный въ серебро, съ горящею лампадою. По сторонамъ еще висѣло нѣсколько иконъ и стоялъ узенькій столъ, покрытый

толстою скатертью и больше ничего. Смеркалось. Внесли самоваръ и стали пить чай, сперва чистый, потомъ подали арабъ и дѣлали „медвѣдя“. Съ непривычки къ такому напиту, я обливался имъ и обжигался. Мнѣ позволили подъ конецъ не пить.

Помѣщикъ назывался Богуславскимъ и былъ отставной поручикъ. У него было огромное количество всякаго рода скота и цѣлые табуны лошадей. Все говорило о достаткѣ и даже богатствѣ. Я началъ надѣяться, что онъ выручитъ своего знакомаго, который почти со слезами признался ему въ своемъ несчастіи и просилъ помочь. Богуславскій поклялся намъ, что наличными больше не имѣетъ, какъ рублей сто асигнаціями, которые и отдалъ капитану. Только эта сумма для насъ ничего не значила. Мы брали по семи лошадей и должны были еще проѣхать семьдесятъ миль (490 верстъ). Приходилось возвращаться въ Черниговъ. Но на это я не хотѣлъ рискнуть: теперешній мой офицеръ-проводникъ былъ хорошій человекъ, а мнѣ могли замѣнить его дурнымъ человекомъ—могла произойти исторія. Жаль было и капитана Подольскаго.

— Знаете, говорю ему, вы возьмите себѣ на расходы эти сто руб., а я почтовые прогоны буду уже самъ уплачивать. Даже трудно и описать, какъ бѣдняга обрадовался услышавъ мое предложеніе. Далѣе мы поѣхали уже не спѣша, ночуя и останавливаясь гдѣ было поудобнѣе. Всего продолжалась эта дорога двѣнадцать дней. Но возвратимся еще разъ къ пребыванію нашему у Богуславскихъ. Намъ подали ужинать: сама хозяйка внесла торжественно сковороду съ яичницей, но увы, подожженной и пахнувшей дымомъ до того, что ѣсть не было возможности. За яичницей слѣдовали пироги съ сыромъ. По крайней мѣрѣ фунтъ сыру былъ

запиртанъ въ каждомъ пирогѣ. Пирогѣ принесла дочь Богуславскаго—пятнадцатилѣтняя дѣвочка, одѣтая въ какой-то широкій капотъ, вѣроятно материнскій, вовсе не подходившій ни къ фигурѣ, ни даже къ росту дѣвочки. За сестрой вбѣжали двое мальчиковъ, годъ или много два моложе ея; они возвращались изъ школы отъ дѣяка. А такъ какъ было лѣто, одежда ихъ была самая легкая: на нихъ оказались только рубашки и подштанники. Отецъ побранилъ ихъ и выгналъ, зачѣмъ они явились неодѣтые, когда были въ домѣ гости. Мальчики исчезли и снова пришли уже одѣтые: старшій въ пестрядномъ халатѣ, меньшой въ какомъ-то сѣромъ жупанѣ. На закуску подали печенаго пѣтуха, вѣроятно ради спѣха, плохо обжареннаго и сожженнаго на уголь. Просто можно было умереть съ голоду, смотря на это угощеніе!

Хозяинъ почти совсѣмъ не отличался отъ крестьянъ; говорилъ и поступалъ не утонченнѣе мужиковъ; хозяйка стояла его. Но мой капитанъ съ ними проводилъ время весело. Предъ всякимъ кушаньемъ и послѣ всякаго кушанья они пили. Я едва могъ отпроситься отъ питья, и занялся обгрызаньемъ пѣтушиныхъ костей, переданныхъ въ концѣ концовъ на мою тарелку.

Видя, что я водки не пью, хозяинъ велѣлъ подать наливку. Этотъ напитокъ мнѣ очень понравился, и я выпилъ цѣлую бутылку.

— Эта наливка приготовленіе моей жены, сказалъ тогда мой хозяинъ съ гордостію.

Я разумѣется послѣ такого заявленія еще больше сталъ хвалить наливку. И Богуславскіе такъ меня за это полюбили, что дали даже на дорогу четыре бутылки. Подольскій даже не пробовалъ этихъ наливокъ. Легши спать, я долго думалъ, какъ это судьба слѣпа, осылая однихъ своими да-

рами и не давая ничего другимъ; какъ мало нужно одному человѣку и какъ другой ничѣмъ недоволенъ. Въ головѣ у меня родился вопросъ: что лучше: наша ли жизнь въ Польшѣ, или здѣшняя простота? Только разрѣшить этого вопроса мнѣ не удалось.

Отъ Богуславскихъ мы выѣхали утромъ. Черезъ всю Малороссію дороги были прекрасныя, выровненныя и обсаженныя деревьями. Черезъ каждыя три станціи, рядомъ съ почтовымъ домомъ, стояли большія двухъ-этажныя зданія, прекрасно по царски меблированныя. Онѣ были выстроены въ 1787 году для проѣзда императрицы Екатерины II въ Кіевъ на свиданіе, на которомъ, какъ извѣстно, присутствовали Іосифъ II Австрійскій и Станиславъ-Августъ. Ёхали мы не очень-то скоро по этой прекрасно устроенной странѣ. Выѣхавъ въ Витебскую губернію, подъ Кричевомъ ¹⁾, мы остановились обѣдать на станціи. Въ это время къ станціи подъѣхала карета, запряженная почтовыми лошадьми. Въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ, украшенный орденомъ. Познакомившись и узнавъ отъ моего провожатаго кто я такой, онъ отрекомендовался здѣшнимъ помѣщикомъ, ротмистромъ гвардіи Викентіемъ Голынскимъ, возвращающимся изъ Италіи домой. Послѣ небольшого разговора о разныхъ вещахъ, Голынскій вдругъ досталъ бумажникъ и началъ просить меня принять отъ него асигнаціи. Я отказался. Но такъ какъ предложеніе сдѣлано было съ искренностію и необычайною добротою, я растроганный заявилъ ему, что никогда не забуду имени

¹⁾ Нынѣшняя Могилевская губернія.

такого гуманнаго и добраго дворянина. Я было думалъ сначала записать, для памяти, его имя и фамилію, но потомъ отказался отъ этого намѣренія: записку могли найти у меня въ Смоленскѣ и изъ этого могла произойти непріятность для новаго моего знакомаго. Онъ усиленно упрасивалъ меня захватить въ Холоблинѣ—имѣніе, лежавшее неподалеку отъ Кричева, въ которомъ жили его родители.

— Я не господинъ моей воли, отвѣтилъ я и указалъ на Подольскаго, отъ котораго все зависѣло. Голынский переговорилъ съ нимъ и уѣхалъ, получивъ наше обѣщаніе быть. Переночевавъ въ Кричевѣ, мы все еще были въ нерѣшимости: продолжать-ли путь нашъ, или захватить въ Холоблинѣ. Капитанъ боялся отвѣтственности. Въ это время явились лошади изъ Холоблина для моего экипажа и письма ко мнѣ и къ Подольскому, приглашавшія насъ посѣтить Голынскихъ. Въ Холоблинѣ мы застали человѣкъ пятнадцать родственниковъ, съѣхавшихся встрѣтить ротмистра, возвратившагося изъ путешествія. Домъ былъ барскій; вездѣ были видны признаки богатства: надворная музыка, великолѣпный пріемъ и т. п. Отецъ Викентія Голынскаго, старикъ лѣтъ шестидесяти, витебскій губернский маршалъ, былъ человѣкъ очень милый и достойный уваженія. Мать, имѣвшая лѣтъ пятьдесятъ, еще сохраняла слѣды замѣчательной красоты, пощаженной даже временемъ. Принимали меня пышно, даже съ какою-то торжественностью; за обѣдомъ принудили сѣсть на первое мѣсто, а послѣ обѣда, подъ предлогомъ выкурить трубку, повели въ кабинетъ старика маршала. Остальное общество съ madame Голынской и моимъ капитаномъ въ это время отправились на прогулку. Въ кабинетѣ маршалъ просилъ меня рассказать о себѣ все искренно. Не было у меня ни желанія, ни поводовъ секретничать, и я рассказалъ все

меня касавшееся и причины, по которымъ на меня падало подозрѣніе.

— Что вы думаете дѣлать? спросилъ меня старикъ Голынской. И когда я началъ пояснять какъ думаю поступить, онъ бросился обнимать меня; сынъ Викентій тоже обнялъ меня.

— Будь же покоенъ, говорили они. На тебя правда надаютъ подозрѣнія, но доказательства виновности нѣтъ и тебя навѣрное освободятъ. Но нѣтъ ли у тебя кого-нибудь знакомаго изъ русскихъ вельможъ. Протекція очень бы пригодилась, чтобы сократить время тяжелаго испытанія!

Увы, я напрасно старался вспомнить кого-нибудь. Въ Петербургѣ я не бывалъ, а русская армія вышла изъ Польши еще въ 1788 г. Наконецъ мнѣ пришла на мысль фамилія Румянцова — теперь уже фельдмаршала, стоявшаго нѣкогда въ Полонномъ и въ чинѣ полковника бывавшаго въ нашемъ домѣ и хорошо знакомаго съ моимъ отцомъ. Меня, тогда еще пяти или шестилѣтняго мальчика, онъ часто бралъ на руки и одѣвалъ въ мундиръ своего полка.

— Прекрасно! воскликнулъ Голынской, всѣ россияне имѣютъ одно общее хорошее качество: любятъ помогать своимъ знакомымъ и чтутъ старыя дружескія связи. Пиши къ фельдмаршалу, я ручаюсь за хорошія послѣдствія.

Но я былъ не въ состояніи писать. Голынскіе написали письмо вмѣсто меня; я только рассказалъ имъ обстоятельства дѣла. И парочный полетѣлъ въ Фокшаны, тогдашнюю резиденцію фельдмаршала. Еще второй день прожили мы въ Холобинѣ и только на третій отправились въ путь. 20 іюля стараго стilia мы были уже въ Смоленскѣ. Проѣхавъ каменные Малаховскія ворота мы остановились у большой гауптвахты. Явился плацъ-маіоръ и препроводилъ меня на жи-

тельство въ какое-то большое каменное зданіе. Вещи всё были мнѣ оставлены, книгу — молитвенникъ тоже оставили по моей просьбѣ. На утро снова посѣтилъ меня плацъ-маіоръ Ганичевъ. Онъ былъ выслужившійся изъ солдатскихъ дѣтей. Но и человѣкъ изъ знатнаго рода, получившій самое лучшее воспитаніе, не могъ быть болѣе человѣчнымъ и учтивымъ, чѣмъ онъ. Комиссія засѣдала во дворцѣ, и я поутру явился въ комиссію для допроса. Предсѣдателемъ былъ покрытый орденами генераль-аншефъ Осиповъ, управлявшій Смоленскою губерніею съ титуломъ намѣстника, что тогда равнялось нынѣшнему званію генераль-губернатора. Вторымъ членомъ былъ сенаторъ Мамоновъ, третьимъ генераль-поручикъ Мезенцевъ, далѣе засѣдали два генераль-маіора и два бригадира—все люди очень добрые и основательные. Столъ, за которымъ засѣдала комиссія, былъ покрытъ пунцовымъ бархатнымъ покровомъ, на немъ лежали книги законовъ, тоже въ пунцовый бархатъ оправленные, и стояло великолѣпное зеркало. Два секретаря работали за особыми столиками. Должно быть и они имѣли значительные чины, такъ какъ ихъ шляпы были съ плюмажами. Къ составу комиссіи принадлежалъ также полякъ, маіоръ Гавловскій. Сестра его была замужемъ за генераломъ польской артиллеріи Сераковскимъ. Онъ, все время стоя, задавалъ вопросы допрашиваемымъ по польски и тутъ же переводилъ отвѣты на русскій языкъ.

Разсказывать весь ходъ моего дѣла я не буду. Оно тянулось очень долго. Цѣлыя десять недѣль просидѣлъ я одиноко въ моемъ помѣщеніи. Прихода маіора Ганичева всегда я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Онъ былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ, утѣшалъ меня и ободрялъ. Сердце у него было самое доброе. Подъ конецъ я заболѣлъ. Сенаторъ Мамановъ

первый сдѣлалъ предложеніе о перемѣнѣ моего помѣщенія. Позволено было мнѣ также брать обѣдъ на свои деньги, въ квартирѣ итальянца Чапы. Это меня поддержало, и я началъ понемногу поправляться.

Новая квартира моя была въ домѣ бригадирши Швейковской, въ нижнемъ этажѣ, — чистыя и просторныя три комнаты. Нѣсколько рекрутовъ прислуживало мнѣ. Я точно отжилъ, когда опять вокругъ меня сдѣлалось чисто и просторно, къ чему я уже привыкъ издавна. Не запрещалось мнѣ створять окна на улицу и покупать что мнѣ было нужно. Хозяйка моя, въ первый же день, возвращаясь съ прогулки, подошла къ моему окну и заявила, что столъ, чай, мытье бѣлья и все прочее беретъ на себя. На другой день былъ балъ у Осипова, на который приглашена была и Швейковская. Уѣзжая, она обѣщала мнѣ ходатайствовать за меня. Мнѣ позволено было выкупаться и прислали цирюльника. Послѣ всего этого я даже какъ будто бы помолодѣлъ. Ганичевъ продолжалъ навѣщать меня ежедневно, привозя мнѣ когда рубль, когда два или три, согласно моимъ требованіямъ. Съ нимъ мы иногда выпивали, для подкрѣпленія силъ, по бутылкѣ портера или шампанскаго. И хотя жить въ Смоленскѣ было мнѣ не худо, но я очень тосковалъ по своей сторонѣ и семьѣ. Плацъ-маіоръ все утѣшалъ меня, что скоро уже наступитъ освобожденіе, но освобожденіе все таки не наступало. 5 ноября онъ явился ко мнѣ съ веселымъ лицомъ.

— Поздравляю! Высочайшимъ повелѣніемъ вы освобождены.

Господи! даже описать невозможно мою радость. Я тогда же заявилъ въ комиссіи желаніе видѣться съ дядею абатомъ Охотскимъ и моимъ братомъ. У меня былъ еще особый поводъ видѣть абата. Я ему далъ 200 червонцевъ при

выздѣ. Теперь, когда его высылали дальше, слѣдовало чтобы онъ выдалъ мнѣ документъ на эти деньги, или сдѣлалъ распоряженіе возвратить мнѣ ихъ изъ доходовъ имѣній аббатства. Я едва узналъ его, такъ выросшая борода перемѣнила его наружность. Мы обнялись и заплакали.

Въ комиссіи дядя сказалъ, что деньги 200 червонцевъ дѣйствительно даны были ему мною. И комиссія уполномочила его выдать мнѣ документъ. Прощаніе наше было такое сердечное и трогательное, что сенаторъ Мамоновъ глядя на насъ воскликнулъ: грустное зрѣлище это! Онъ почти раздѣлялъ съ нами наше горе. Съ братомъ я тоже видѣлся и передалъ для него на руки комиссіи 40 червонцевъ, платье, бѣлье и все прочее ему необходимое, такъ какъ его ссылали. Для себя я оставилъ столько, чтобы доѣхать домой. Мнѣ выдали на руки пакетъ генералу Шереметьеву и дорожную. Особенно ему было уже дано знать о моемъ увольненіи и объ отдачѣ мнѣ моего имѣнія. Изъ комиссіи я и Ганичевъ отправились ко мнѣ на квартиру, гдѣ этотъ честный и добрый человѣкъ посчитался со мной до копѣйки во всѣхъ издержкахъ, сдѣланныхъ изъ бывшихъ у него моихъ денегъ. Оставалась еще значительная сумма; я рѣшился просить его оставить ее у себя. Но онъ ни за что не согласился. Едва можно было его уговорить взять отъ меня на память мои золотые часы—подарокъ эксъ-воеводы. Онъ ихъ принялъ, но только съ условіемъ, чтобы я принялъ въ обмѣнъ его часы. Рѣдко можно встрѣтить въ человѣкѣ столько благородства, доброты и честности. Кромѣ Ганичева и всѣ прочіе подчиненные генерала Осипова безъ исключенія отличались добротою, справедливостію и ласковостію. Выборъ его всегда былъ примѣрный.

Хозяйка моя Швейковская, урожденная Даниловичъ, вдова

бригадира, имѣла лѣтъ 30-ть и была еще очень не дурна. Я ей очень многимъ былъ обязанъ; цѣлыя пять недѣль она заботилась о всѣхъ удобствахъ моихъ и я не зналъ, какъ ей отблагодарить. Когда я уѣзжалъ, при прощаньи, по совѣту плацъ-маіора, такъ какъ было уже порядочно холодно, я купилъ себѣ черныя бараньи тулупчики, за 18 рублей. Ночью только выѣхалъ я изъ Смоленска, снова чрезъ Малаховскія ворота, но не съ тѣми уже чувствами съ какими проѣзжалъ ихъ въ первый разъ: я былъ на этотъ разъ свободенъ! Почему эти ворота называются Малаховскими—не знаю. Одни говорятъ, что ихъ строилъ какой то Малаховъ, другіе—будто защищалъ ихъ какой то Малаховскій, во время штурма. У самихъ воротъ, подъ небольшою крышею, стояли, я видѣлъ, двѣ небольшія пушки чрезвычайной длины. Каждая имѣла длины около десяти локтей.

Ночь была такъ темна, хотъ глазъ выколи, какъ говорятъ русскіе. Я выѣхалъ въ поле и направился къ Крпчеву. Первою моею обязанностью было посѣтить Голынскихъ и поблагодарить ихъ за облегченія въ моей судьбѣ, происшедшія, безъ сомнѣнія, по ихъ вліянію и хлопотамъ. Маршала Михаила Голынского и его жену Варвару я засталъ въ Витебскѣ и оттуда съ ними вмѣстѣ всѣ мы поѣхали въ Холобинь.

II. Обратный путь. Житомиръ и Сидачевка.

Голынскіе приняли меня какъ своего роднаго. Ихъ сердце могло только объяснить мнѣ что я чувствовалъ. На третій день были именины самой Голынской—Варвары; гостей собралось до двухсотъ человѣкъ, и всѣ помѣщики Бѣлоруси,

съ которыми я здѣсь познакомился, отнеслись ко мнѣ съ чрезвычайнымъ дружествомъ.

Цѣлыхъ семь дней пришлось прожить въ Холоблинѣ; мнѣ было трудно оставить ихъ, и имъ очевидно не хотѣлось со мною разставаться. На седьмой день съ вечера я простился съ хозяевами и плакалъ, такую глубокую благодарность я чувствовалъ къ этому семейству. Они тоже простились со мною съ волненіемъ. На утро, очень рано, я хотѣлъ уѣхать. Прихожу въ свою комнату и застаю два пакета и кромѣ того еще медвѣжью шубу, куртку, зеленую подшитую смушками, бумажникъ съ двумя тысячами рублей асигнаціями. Человѣкъ мой (камердинеръ моего дяди, возвращавшійся въ Овручъ) держалъ реестръ и принималъ отъ камердинера всѣ эти вещи. Въ пакахъ было бѣлье, платье и нныя вещи. Я просто за голову схватился, увидя все это.

— Скажи господамъ, что я завтра еще не поѣду, передай я камердинеру. Я далъ ему при этомъ четыре червонца, но едва насильно заставилъ ихъ взять. Наутро я пошелъ къ Голынскимъ и выговорилъ имъ зачѣмъ они меня осыпали подарками. Мнѣ, увѣрялъ я ихъ, совершенно хватитъ средствъ возвратиться домой. Имѣніе мое мнѣ тоже возвратять, и при этомъ я показалъ пакетъ на имя Шереметьева, заключавшій распоряженіе о возвратѣ мнѣ имѣнія. Я ничего не хотѣлъ взять; оставилъ только на память зеленую куртку на баранкахъ, райтузы, одну рубашку, полотенце и фракъ. Остальныя вещи и деньги я возвратилъ обратно. Вещи оставленныя на память сгорѣли во время пожара въ новомъ домѣ въ Спдачевкѣ. На другой день, послѣ обѣда, я наконецъ уѣхалъ. Передъ выѣздомъ камердинеръ взялъ мою табакерку, насыпалъ табаку и возвратилъ. Тогда я на это обстоятельство не обратилъ вниманія. Въ экипажъ Го-

лынскіе велѣли мнѣ положить ящикъ съ дорожными съѣстными припасами. Противъ этого также нельзя было спорить.

Всю ночь пришлось мнѣ ѣхать. Когда уже миль пятнадцать было сдѣлано, въ табакеркѣ осталось табаку очень немного. И чтоже! пальцы мои вдругъ ощупали четыре червонца, данные мною камердинеру. Честный человекъ этого очевидно ни за что не хотѣлъ брать денегъ отъ меня и употребилъ хитрость, желая возвратить деньги, отягочавшія его совѣсть. Мнѣ хотѣлось ѣсть; я велѣлъ подать ящикъ съ припасами, отворяю и вижу: на самомъ верху лежатъ двѣ тысячи рублей асигнаціями съ запискою: «Пожертвованія людей, пріязныхъ вамъ, возвращать не слѣдуетъ». Это новое доказательство вниманія и дружбы очень меня тронуло. День и ночь я ѣхалъ, спѣша къ женѣ. Дорога была плоха; подъ экипажъ мой, идущій почти на легкѣ, мнѣ однакоже приходилось брать шесть лошадей. Только на четвертый день пріѣхалъ я въ Житомиръ и прямо подѣхалъ къ квартирѣ генерала Шереметьева. Прочитавъ указъ о возвращеніи мнѣ имѣнія, губернаторъ сейчасъ же приказалъ освободить Сидачевку отъ надзора и администраціи. Генералъ сказалъ мнѣ, что мою жену не заставляли выѣзжать изъ имѣнія, и это было слава Богу! Затѣмъ я былъ у Моржковскихъ и благодарилъ за доброту ко мнѣ во время моей высылки. У Шереметьева я выпросилъ себѣ паспортъ въ Львовъ. Всѣ эти хлопоты заняли цѣлый день, и я переночевалъ въ Житомирѣ.

Жену, удивленную и обрадованную, я засталъ живущею еще въ старомъ домѣ. Въ день моего пріѣзда мы перешли въ новый. Сейчасъ же посланы были письма къ Мартину Букару, Антону Гижицкому, Бержинскому и инымъ друзьямъ моимъ. Всѣ съѣхались и три дня прогостили у меня. Раз-

говоры тянулись отъ утра до вечера; всѣ меня спрашивали и не могли надивиться моимъ приключеніямъ.

Черезъ нѣсколько дней я и жена были въ Бердичевѣ. У Chaudoir'a куплены были нѣсколько хорошенькихъ игрушекъ и все это нанатыми лошадьми отправлено въ Холобинъ Голыньскимъ. Честному камердинеру я послалъ на нѣсколько червонцевъ сукна и казимирку (шерстяная матерія). Въ письмѣ своемъ я выражалъ имъ мою глубокую благодарность и расположеніе къ нимъ. Въ отвѣтъ на письмо Голынскіе осыпали меня новыми подарками. Но меня уже не было дома, когда эти послѣдніе подарки были присланы. Въ Дубнѣ, на контрактахъ, только одинъ Бержинскій отдалъ мнѣ половину процентовъ. За эти деньги я накупилъ женѣ подарковъ и послалъ ихъ домой чрезъ Мартина Букара, а самъ поѣхалъ въ Львовъ, только съ семьюдесятью червонцами въ карманѣ.

Въ Львовъ я пріѣхалъ очень рано и прямо въ квартиру брата Семяновскаго. Оба брата были дома и дивились глядя на меня и не вѣря глазамъ своимъ. Они еще ничего не знали о моей судьбѣ и о возвращеніи моемъ изъ Смоленска.

III. Львовъ въ 1793 году. Положеніе города и общества въ 1793—96 годахъ.

Когда я пріѣхалъ, въ Львовѣ начинались контракты; съѣздъ помѣщиковъ съ цѣлой Польши былъ такъ великъ, что подобнаго даже не могли запомнить. Послѣднія событія были поводомъ многочисленныхъ посѣщеній и даже переселеній на жительство въ этотъ городъ. Мѣстное правительство отличалось кротостію и терпимостію. Многимъ это было на руку; другіе слѣдовали ихъ примѣру.

Братья Семяновскіе предложили мнѣ поѣхать съ визитомъ къ Потоцкому, воеводѣ Бельзкому. Магнатъ этотъ чрезъ два дня давалъ балъ. Я одѣлся во все черное, начиная съ фрака и оканчивая черными чулками, жилетомъ и чернымъ платкомъ на шеѣ. Гилярій Семяновскій меня представилъ и разсказалъ мою исторію. Воевода сейчасъ же потребовалъ, чтобы я представился его женѣ. Жена его пришла и мнѣ нѣтъ надобности описывать ея любезность и ласковость—эти качества мадаме Потоцкой извѣстны всѣмъ. Меня пригласили на балъ и просили бывать у нихъ, какъ можно чаще.

На утро воевода явился ко мнѣ съ визитомъ—честь великая для меня. Въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Львовъ, визитъ этотъ сдѣлался сейчасъ же всѣмъ извѣстенъ и послужилъ мнѣ паспортомъ въ моихъ дальнѣйшихъ знакомствахъ. Но воевода не ограничился этимъ однимъ. Я какъ-то намекнулъ, что хочу быть у губернатора—венгерскаго магната Юрмени, честнаго человѣка, немного черезъ чуръ венгерца, но любившаго поляковъ и хорошо говорившаго по польски. Воевода сейчасъ же пригласилъ меня съ собою и повезъ сперва къ губернатору, потомъ къ архіепископу Кицкому, къ кастеляншѣ Каминской, г-жѣ Гумецкой—женѣ короннаго мечника и въ другія значительнѣйшіе дома. Къ балу мнѣ приготовили новую, гораздо болѣе элегантную фракную пару и прочія принадлежности гардероба—все рѣшительно было черное. Когда я пріѣхалъ на балъ, Потоцкая не только приняла меня ласково, но даже посадила рядомъ съ собою и сама представила близъ сидящимъ дамамъ—Косаковской и Гумецкой. Юрмени, встрѣтившись со мною, проговорилъ нѣсколько минутъ. Воевода Потоцкій задержалъ меня и тоже разговаривалъ... Всѣ начали шептаться; спрашивая: кто это? что это за черныи незнакомецъ?

Вскорѣ у меня нашлись и знакомые изъ Варшавы, Люблина и временъ лагерной жизни. Въ городѣ, въ послѣдствіи, знакомыхъ нашлось еще несравненно болѣе.

— Что вы не танцуете? спросила меня Потоцкая.

— Я здѣсь никого почти не знаю, почтительно отвѣтилъ я.

— Я сейчасъ дамъ паспортъ для знакомства! И съ этими словами она сѣла со мною въ первомъ ряду танцующихъ паръ. Протанцовавъ съ хозяйкою—женою воеводы, я имѣлъ уже право брать всѣхъ дамъ. На другой день я былъ у воеводы на обѣдѣ, гдѣ было не болѣе двадцати osób. Послѣ обѣда сѣли играть въ вистъ: графъ Тарновскій, староста Калиновской, Потоцкій и я. Во время игры я и генералъ сюрентъ черенцъ играли картами, а генералъ сюрентъ черенцъ игралъ въ вистъ. Я имѣлъ интересъ въ томъ, чтобы выиграть, а генералъ сюрентъ черенцъ имѣлъ интересъ въ томъ, чтобы проиграть. Я находившись въ моемъ карманѣ, хватилъ бы во всякомъ случаѣ уплатить проигрышъ.

На балу у архіепископа я снова игралъ и снова выигралъ. Цѣлый годъ, что я прожилъ въ Львовѣ, я игралъ каждый день, и не помню, чтобы когда-нибудь проигрывалъ. У архіепископа на балу было уже не двадцати членовъ, а сорокъ. Въ это время еще употреблялись карты. Львовъ имѣлъ въ себѣ много нравственности, въ описываемое же время нравственность была повсюду въ упадкѣ. Женщины, отъ великаго патриотизма, бросались въ любовныя интриги, что называется безъ оглядки: перемѣняли любовниковъ, отнимали ихъ другъ у друга, давали отставку однимъ, какъ лакеямъ, брали новыхъ—какъ простыхъ наемниковъ. Мужья поступали совершенно также. Съ одной стороны жены тратили все что могли на своихъ любовниковъ, съ другой—мужья съ азартомъ разорялись на любовницъ, Богъ вѣсть на какихъ женщинахъ.

на минуту только поправившихся имъ. Не имѣть любовника считалось безчестіемъ. Жена самого бѣднаго сапожника на биргеръ-балѣ (мѣщанскій балъ) не смѣла явиться безъ чичисбея. Напрасно нѣкоторыя дамы—Потоцкая, Каменская, Косаковская и Гумецкая, съ архіепископомъ Кицкимъ, старались поддержать нравственность. Ихъ старанія не приносили пользы. Это было наводненіе порока и никакая плотина не могла удержать волнъ въ ихъ бурномъ стремленіи. И я подобно всѣмъ погрузился въ омутъ наслажденій. Трудно одному оставаться добродѣтельнымъ, когда всѣ порочны. Счастливая игра подняла мои финансы, и я вскорѣ имѣлъ собственную карету, пару англезированныхъ лошадей, двухъ верховыхъ, камердинера, грума и домъ, устроенный самымъ приличнымъ образомъ. Надо сознаться, что потонувъ въ этомъ хаосѣ развратной жизни Львова, я совсѣмъ забылъ о моей наилучшей женѣ и ребенкѣ. Ко мнѣ можно было когда примѣнить стихи Сарбіевскаго:

Demon dum languebat monachus esse volebat,
Ast uti convaluit mansit ut ante fuit.

(Заболѣвъ, чортъ, схиму даже принять обѣщался,
Выздоровѣвъ,—остался по прежнему чортомъ).

Братья жены не только не удерживали меня, но напротивъ сами молодые люди, жадные на удовольствія, поощряли къ такой жизни. Я былъ, какъ Телемакъ на островѣ Калипсы, но со мною не было мудраго ментора. Въ іюлѣ я было думалъ поѣхать домой. Но какъ нарочно въ это время составилъ проектъ ѣхать въ Тренчинъ и Бардіовъ (минеральныя воды); женщины втянули и меня въ эту поѣздку. Чего женщины не въ силахъ сдѣлать съ нами! Все наше обще-

ство помѣщалось въ одиннадцати экипажахъ. Въ Тренчинѣ встрѣтились со мною гродненскіе депутаты Янъ Л. и Іосифъ Z. съ женою, моею пріятельницею Франусей. Проживъ двѣ недѣли здѣсь, мы поѣхали въ Бардіовъ. Игра и любовь по прежнему шли миѣ очень удачно. Въ Бардіовѣ мы познакомились съ венгерскими магнатами, ѣздили къ нимъ въ имѣнія—дома и вся обстановка тамъ были дорогіе и пышныя. У нѣкоторыхъ къ десерту подавали старое венгерское вино до того густое, что его надо было, какъ желе, ѣсть ложечкою. Вкусъ этого вина дивный. Ни прежде, ни послѣ я ничего подобнаго никогда не пробовалъ. Возвращаясь въ Львовъ мы заѣзжали по дорогѣ къ графамъ Боваровскимъ и графамъ Ольшевскимъ и въ два дома родственниковъ—Семеновскихъ. Только къ концу ноября пріѣхали въ Львовъ. Сейчасъ же я порѣшилъ ѣхать къ женѣ; но отъѣздъ все отлагался и отлагался, пока не подошли праздники. Тутъ снова въ городѣ стѣхалось множество народу; одни ѣхали изъ Вѣны, другіе съ водъ, третьи — прямо изъ деревень. Городъ переполнился, и я остался провести праздники и наступающіе контракты. Счастье въ игрѣ было прежнее, и это много вдѣло на мое рѣшеніе оставаться. Жена писала, и письма я получалъ аккуратно. Ея доброта и терпѣніе были безпримѣрны. „Паниши миѣ, писала она, здоровъ ли ты и этого миѣ будетъ достаточно — я буду покойна“. Она если и жаловалась на одиночество, то всегда очень мягко и кротко. Львовъ въ это время не только былъ многолюднымъ и пышнымъ городомъ, но даже славился обиліемъ денегъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ жизни я видѣлъ здѣсь множество людей, миліоны были сюда привезены и тутъ остались. Князь Адамъ Понинскій одинъ столько выигралъ, что кромѣ безумныхъ тратъ на роскошную жизнь, лошадей, домъ и пріемы, на

которые ежедневно собирались по нѣскольку десятковъ чело-
вѣкъ, на ужины съ шампанскимъ, лившимся рѣкою, у не-
го еще въ сундукахъ лежало 94.000 червонцевъ (около трех-
сотъ тысячъ руб. сер.). Ему многіе совѣтовали оставить игру.
Онъ не слушалъ, говоря, что только тогда бросить, когда
выиграетъ сто тысячъ червонцевъ. Но... счастье измѣнило.
Болѣе счастливые начали рвать у него сумму за суммою, и
онъ выѣхалъ изъ Львова только съ 20.000 червонцевъ.

Жизнь и нравы тогдашняго Львова тѣмъ болѣе замѣчатель-
ны, чѣмъ еще очень недавно; будучи въ Варшавѣ, я былъ
свидѣтелемъ жизни совершенно особаго настроенія и иныхъ
нравовъ. Въ Львовѣ, хотя весь городъ наполненъ былъ по-
ляками, хотя чуть не всѣ провинціи республики выслали
сюда все свое населеніе—интеллигентнѣйшую, богатѣйшую и
наилучше воспитанную часть, никто даже устъ не открылъ
о недавнихъ бѣдствіяхъ отечества и о его настоящемъ груст-
номъ положеніи. Казалось за нами не было никакого прош-
лаго, впереди—не было будущаго, никакого завтра; не
было ничего, чтобы стоило оплакать или чего слѣдовало бы
бояться; не было ничего необходимое совершить. Веселились
всѣ безъ перерыва; влюблялись на смерть, какъ говорится; игра-
ли въ карты безъ памяти, пили смертельно и гуляли, какъ
въ хорошія старыя времена. Но въ огромномъ обществѣ, на-
полнявшемъ городъ, надо было отдать справедливость, го-
сподствовало такое братство и согласіе, что въ теченіе полу-
тора года, что я прожилъ въ немъ, не случилось ни одной
ссоры, поединка или какого бы то ни было скандала. Гла-
вами молодежи считались Казимиръ Ржевускій, польный ко-
ронный писарь (должность равная начальнику канцеляріи
главнаго штаба) и генералъ Михаилъ Вельгорскій. На слу-
чай какой-нибудь непріятности или ссоры, ихъ посредни-

чество примиряло противниковъ. Открытыми домами жили: Юрмени губернаторъ, архіепископъ Кицкій, Потоцкіе, Гумецкіе, Косаковскіе, графъ Міеровъ, графъ Боваровскій, Голашевскіе, Дульскіе, К. Ржевускій, Вельгорскій, графы Забѣльскіе, Ольшевскіе и т. д. Всѣ эти дома имѣли свои партіи, но всѣ партіи всегда готовы были соединиться для достиженія общей цѣли: получше веселиться и веселиться безъ перерывовъ. Причина всеобщаго равнодушія въ отечеству, я полагаю, крылась въ томъ положеніи, что всѣ здѣсь (въ Львовѣ) нашли минутное пристанище, покойное убѣжище и совершенную свободу дѣйствій и, какъ будто, забыли о томъ что дѣлалось на свѣтѣ. Идеи человечества имѣютъ ту особенность, что чѣмъ они большому удару подвергаются, тѣмъ сильнѣе противодѣйствуютъ. Здѣсь же никто никого не стѣснялъ.

Всѣмъ извѣстно, что послѣ битвы при Маціовичахъ, многіе обвиняли Понинскаго, тогда еще бывшаго генераломъ, въ томъ, что онъ не явился въ пору съ помощью, и поражение это приписывали ему. Адамъ Понинскій явился въ Львовъ почти одновременно со мною, но сначала на него косились: въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ его не только не приглашали бывать, но даже избѣгали его визитовъ. Молодежь отъ него сторонилась. Неизвѣстно уже сами ли по собственному желанію, или по просьбѣ Понинскаго, только Вельгорскій и К. Ржевускій однажды на большомъ обѣдѣ заговорили о поведеніи Понинскаго во время прошлой кампаніи.

— Если бы общество согласилось, сказалъ Ржевускій, я и Вельгорскій предложили бы бывшимъ офицерамъ арміи, находящимся въ городѣ, разобрать фактъ: неприбытіе въ пору корпуса Понинскаго было ли случай, или случилось по его винѣ.

— Просимъ! просимъ! крикнули всѣ.

Послѣ обѣда попойка продолжалась; бутылки звенѣли чаще и чаще. Вдругъ входитъ Понинскій. Господа Ржевускій и Вельгорскій при всѣхъ высказали ему о своемъ намѣреніи обсудить его поведеніе. Онъ сейчасъ же согласился подчиниться этому суду и всѣхъ присутствовавшихъ пригласилъ быть арбитрами дѣла. Назначено было собираться на другой день въ огромной залѣ у Гехта.

Все огромное помѣщеніе у Гехта на другое утро было до того переполнено народомъ, что на галлерей не велѣно было пускать опоздавшихъ дамъ, за тѣсною. Около двадцати человѣкъ офицеровъ высшихъ чиновъ засѣдали вокругъ стола, а Понинскій излагалъ свое дѣло и предъявилъ данные ему приказы и контръ-приказы. Всѣ бумаги, могущія объяснить подробности, даже самыя маловажныя, тоже были имъ представлены. Въ глубочайшемъ молчаніи выслушали его рѣчь. Затѣмъ обсудили факты и объявили резолюцію: что князь Понинскій исполнилъ все по смыслу приказовъ главнокомандующаго (Костюшко), ни въ чемъ не виноватъ и сохраняетъ честь воина безупречною. Дамы захлопали въ ладоши, мужчины крикнули: поздравляемъ!

Послѣ разбора дѣла началась попойка и продолжалась до поздней ночи. Я полагаю, что выпили тысячу бутылокъ одного шампанскаго, не считая кушаньевъ, котлетъ, сыра, жаркихъ всякаго рода, устрицъ и прочаго. Я даже не понимаю откуда все это могли достать. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ носили все что только кто нибудь велѣлъ подавать. День этотъ стоилъ Повинскому болѣе двухъ тысячъ червонцевъ. Первые визиты онъ сдѣлалъ въ общество Ржевускаго и М. Вельгорскаго, затѣмъ открылъ домъ, и играя очень счастливо, поддерживалъ его роскошно и богато все время

пребыванія его въ Львовѣ. Онъ былъ счастливъ; дружбѣ и случаю обязанъ тѣмъ, что подозрѣнія съ него были сняты, и онъ сталъ снова въ приличное ему положеніе. Но еще счастливѣе тотъ, кто не имѣетъ нужды опровергать даже и несправедливыхъ подозрѣній.

Съ Ржевускимъ я познакомился еще въ Варшавѣ, чрезъ моего хорошаго знакомаго Ржевускаго — каштеляна витебскаго. Въ Львовѣ я еще тѣснѣе съ нимъ сблизился. Его расположеніе и милости ко мнѣ опирались въ особенности на то, что я хорошій былъ знатокъ въ лошадяхъ. Онъ почти ежедневно катался съ молодежью и однажды сказалъ:

— Если бы я не ѣздилъ верхомъ такъ, какъ ѣзжу, я желалъ бы ѣздить, какъ Охотскій. Отзывъ этотъ сдѣлалъ мнѣ репутацію. Я всегда ѣздилъ хорошо, но теперь для улучшенія посадки и поддаваясь тогдашней модѣ, бралъ уроки (по 3 злотыхъ въ часъ) у знаменитаго берейтора, державшаго тогда труппу въ городѣ. У него всегда столько являлось охотниковъ учиться, что необходимо было съ вечера заявлять о своемъ желаніи взять урокъ, иначе не оказывалось свободныхъ лошадей. Ржевускій ежедневно являлся въ манежъ. Тогда онъ добивался популярности — такова была мода времени. Но гордость иногда, хотя и на минуту, пробивалась въ его манерахъ и рѣчахъ. Впрочемъ онъ старался скрывать свои чувства и успѣвалъ въ этомъ.

Въ городѣ было два театра—польскій и нѣмецкій; играли оперы, комедіи, давали балеты и пантомимы. М. Мотіе содержалъ три залы восковыхъ фигуръ и звѣринецъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ публики было множество. Богуславскій, изъ пустой Варшавы, со всей своей труппой и балетомъ, переѣхалъ въ Львовъ. Онъ условился съ нѣмецкимъ антрепренеромъ, чтобы играть попеременно: день польской труппы и день

нѣмецкой. Но нѣмецкія представленія всегда были пусты и въ концѣ концовъ антрепренеръ нѣмецъ уступилъ свой день Богуславскому за большую сумму денегъ. Цѣлую зиму ежедневно играла польская труппа, и всегда зрителей было достаточно. Лучшія пьесы того времени были: Краковяне и Горцы, оригинальная комедія, и король Ормуса Акзуръ. Постановка обѣихъ пьесъ была очень роскошна, гардеробъ актеровъ блистательный, и этимъ очень часто покрывался недостатокъ таланта. У Богуславскаго было собрано нѣсколько красавицъ дѣвушекъ. Они не знали правилъ мимики и жестовъ, не умѣли играть и пѣть, даже танцовали плохо; это были скорѣе фигурантки, такъ какъ самыя маленькія роли субретокъ исполнялись ими неудовлетворительно. Но ради своей молодости и красоты, онѣ очень нравились публикѣ. Сначала играли въ костелѣ Кармелитовъ, передѣланномъ правительствомъ на театръ. На слѣдующій годъ въ саду іезуитскаго монастыря Богуславскій выстроилъ огромный сарай, покрытый парусиною, и игралъ въ немъ.

Всѣ архитектора строя театры стараются прежде всего, чтобы тамъ соблюсти акустику, чтобы всѣ зрители могли слышать. Въ театрѣ Богуславскаго напротивъ архитекторъ стремился только къ одному, чтобы зрителей помѣстилось какъ можно больше. Половина сидѣла подъ открытымъ небомъ и дождикъ разгонялъ всѣхъ; третья часть ничего не могла слышать. Но считалось грѣхомъ не бывать въ театрѣ, и всѣ бывали. Богуславскій долженъ былъ собрать большое состояніе. Но надо впрочемъ помнить, что ему много стоило: многочисленная труппа, богатая декораций, гардеробъ, платежъ городу, плата нѣмецкой труппѣ и другіе расходы.

Во всю зиму въ контракты и масленную, каждый день бывали публичные балы, пикники, биргеръ-балы—и вездѣ было

переполнено народомъ. Кромѣ того въ частныхъ домахъ ежедневно собирались; каждый день въ четырехъ пяти мѣстахъ бывали прошенныя обѣды и балы — и все таки вездѣ было переполнено. Вообразите же сколько народу проживало тогда въ Львовѣ. Тѣ, которые уѣхали послѣ контрактовъ, не сдѣлали большаго ущерба въ публикѣ. Въ великій постъ утромъ всѣ костелы бывали наполнены, а затѣмъ слѣдовало по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ домовъ приглашеніе: на гренки ¹⁾! На страстной недѣлѣ увеселенія какъ будто прекращались и дома закрывались. Что дѣлалось при навѣщаніи гроба господняго (площаницы) — страшно сказать. Церковь навѣрное отреклась отъ безбожниковъ... Взгляды служили началомъ новыхъ интригъ, у алтарей бывали rendez-vous и присяги любить. И все это только на нѣсколько часовъ. Легкомысліе этой толпы было даже непонятно, а распушенность переходила всякія границы. Я теперь даже понять не въ силахъ какъ насъ на всѣ эти увеселенія хватало. Это были наши несчастныя заговенья, вслѣдъ за которыми для насъ наступилъ великій постъ и жестокое бичеваніе.

IV. Возвращеніе домой и провинціальныя дѣла

Я давно уже собирался покинуть Львовъ, но все не могъ рѣшиться окончательно. Наконецъ въ одинъ день со мною случилось два такія приключенія, которыя заставили выѣхать немедленно. Не надо забыть и того, что мнѣ уже начинали наскучать всѣ эти ежедневныя удовольствія; совѣсть тоже напоминала о необходимости ѣхать домой. Утромъ я поссорился съ моею

¹⁾ Въ Польшѣ къ постнымъ кушаньямъ съ супомъ подаютъ гренки—сухари поджаренные на маслѣ. Прошу на гренки значить: на постную закуску.

последнею любовницею, и вечеромъ сѣвши въ вистъ проигралъ всѣ двѣнадцать роберовъ и всѣ заклады игры. Сто десять червонцевъ убыли изъ кармана, и я сейчасъ же понималъ, что счастье въ любви и въ игрѣ мнѣ измѣнили. Надо было ѣхать. Лошадей своихъ я продалъ, лишнихъ людей отпустилъ и вмѣстѣ съ Евзебіемъ Семяновскимъ, въ обоихъ моихъ экипажахъ, на нанятыхъ лошадяхъ, уѣхалъ изъ Львова. За исключеніемъ всего что мнѣ стоила моя роскошная жизнь и всѣ покупки, которыхъ я везъ множество, въ карманѣ было при выѣздѣ 500 червонцевъ. Въ Львовѣ чрезъ мои руки прошло не менѣе 80.000 злотыхъ (12.000 р.) въ теченіе полутора года. Но деньги легко нажитыя также легко и тратились. Въ Сидачевкѣ жена меня встрѣтила со слезами; дочь Эмилія, выросшая и начинавшая уже говорить, не узнала отца и испугалась его. Жена, сначала неохотно принимавшая мои подарки, чрезъ нѣсколько дней простила меня. Но madame Букаръ и генеральша Карвицкая задали-таки мнѣ хорошую головомойку. Надо было смириться; опустить скромно уши и переносить все. Здѣсь, откровенною исповѣдью, я такъ сказать снова наказываю себя за свое легкомысліе. Раздѣлъ Польши совершенно измѣнилъ положеніе нашего края. Краковъ достался австрійцамъ, Варшава принадлежала пруссакамъ, а къ Россіи присоединены земли до Буга включительно. Станиславъ Августъ отрекся отъ трона и ему первоначально назначили Гродно резиденціей; пенсіонъ положенъ былъ эксъ-королю въ годъ 300.000 р., каждая изъ державъ уплачивали по сто тысячъ. Генералъ Добровскій, послѣ сдачи Варшавы, силой пробился съ семью тысячами польскихъ войскъ во Францію и образовалъ изъ нихъ польскій легионъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого войска я не буду рассказывать — это дѣло исторіи. Еще послѣ втораго раздѣла въ

1793 году, Екатерина дозволила явиться ко двору делегатамъ вновь присоединенныхъ земель. Выбрали изъ намѣстничества Изяславскаго двухъ князей Сангушковъ, князя Антона Яблоновскаго, Михаила Любомирскаго, Иосифа Августа, Иллинскаго и Михаила Валевскаго. Императрица приняла ихъ очень милостиво, осыпала чинами, орденами и подарками. Они бывали въ эрмитажѣ, гдѣ императрица переставала быть государыней и являлась въ избранномъ обществѣ любезнѣйшей и остроумнѣйшей женщиной своего времени. Князя Сангушко получили генеральскіе чины, а Иллинскій сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ. Кромѣ того каждый получилъ еще подарки.

Всѣ старія учрежденія, возобновленныя Тарговицкой конфедераціей, существовали до 1797 года, а въ этомъ году были введены губерніи. Намѣстничество Изяславское разделено было, въ административномъ отношеніи, на пятнадцать округовъ и правительство назначило въ этихъ округахъ временнаго начальника (предводителя) шляхты и окружнаго начальника. Въ пудновскомъ округѣ такимъ предводителемъ былъ сдѣланъ возвратившійся изъ Петербурга Иллинскій, а окружнымъ начальникомъ майоръ Всевоольскій. Возвратившись изъ Львова, я нашелъ уже порядокъ этотъ установившимся. Вскорѣ дворянство было созвано на съѣздъ въ Пудновъ, и Иллинскій долженъ былъ предсѣдательствовать на немъ. Мнѣ было уже нѣсколько извѣстно какое значеніе имѣютъ въ Россіи губернскіе предводители дворянства. Поэтому на съѣздѣ я и предложилъ дворянамъ просить правительство назначить намъ губернскаго предводителя, такъ какъ уѣздныхъ мы уже имѣли. По моему совѣту рѣшено подать объ этомъ просьбы намѣстнику Туголмину и губернатору Шереметьеву, прося утвердить нашимъ губер-

скимъ предводителемъ камергера Иллинскаго. Съ просьбою къ Тутолмину меня послали; у меня были и свои дѣла къ нему, и я охотно поѣхалъ въ Несвижъ, а Мартинъ Букаръ поѣхалъ къ Шереметьеву. Тутолминъ принялъ предложеніе съ удовольствіемъ; онъ былъ личный другъ Иллинскаго и сейчасъ наименовалъ его губернскимъ маршаломъ, а мѣсто уѣзднаго маршала цудновскаго уѣзда былъ назначенъ генералъ Карвицкій.

Каждый легко повѣрить, что при введеніи новыхъ порядковъ, Иллинскій встрѣчалъ тысячи затрудненій, былъ осыпаетъ тысячею просьбъ, но неуспынными стараніями для пользы общества, онъ такъ умѣлъ всѣхъ привлечь къ себѣ, что когда губернія Изяславская была окончательно образована, его единогласно опять выбрали уже предводителемъ. На это мѣсто много было охотниковъ изъ знатныхъ и богатыхъ помѣщиковъ; но все дворянство было на сторонѣ Иллинскаго. Этимъ выборомъ началась его впослѣдствіи столь блестящая карьера.

V. Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ.

Въ мое отсутствіе случилась непріятность. Описывать подробно не буду. Скажу только, что случилось это въ Краснопольѣ у Гижицкихъ, а виновникомъ былъ Варѣоломей Гижицкій; вспыльчивость подтолкнула его къ поступку совершенно непозволительному съ духовною особою... Дѣло это непріятное, тяжелое, запутанное грозило огромною отвѣтственностію. Гижицкій былъ уже преданъ суду и все это тянулось уже года полтора, когда я возвратился изъ-за границы. Въ Молочкахъ собралась вся фамилія Гижицкихъ очень опечаленная; дѣло оказывалось въ весьма дурномъ положеніи.

Не знали, что и дѣлать. Во время разговора о моемъ пребываніи въ Смоленскѣ, мнѣ пришла на мысль всемогущая протекція графа Румянцева, избавившая меня отъ бѣды. Явился проектъ просить протекціи Румянцева въ дѣлѣ Гижицкихъ. Фельдмаршалъ во время своей долгой стоянки въ Польшѣ зналъ мать Гижицкихъ и былъ очень расположенъ къ молодымъ и ихъ отцу. Антонъ соглашался ѣхать, но не иначе, какъ вмѣстѣ со мною. Двѣ причины заставили меня согласиться ему сопутствовать: во первыхъ: долгъ требовалъ чтобы я поблагодарилъ лично графа за освобожденіе изъ Смоленска, и во вторыхъ, нельзя было оставить товарища. Паспортовъ не было нужно; въ то время ихъ никто и нигдѣ не спрашивалъ. Графъ Румянцевъ жилъ въ Ташанахъ въ 12—14 миляхъ за Кіевомъ и на пятый день поутру, я и Гижицкій были уже тамъ, а черезъ часъ въ кабинетѣ фельдмаршала. Узнавъ, что въ пріемной находятся двое поляковъ, желающихъ ему представиться, фельдмаршалъ сейчасъ велѣлъ насъ позвать въ кабинетъ. Гижицкій представился ему какъ сынъ его стараго знакомаго. Онъ былъ одѣтъ въ форму и имѣлъ орденъ; я сказалъ чувствительную рѣчь, благодаря за протекцію. Графъ принялъ насъ любезно, обнялъ Гижицкаго и меня. Въ кабинетѣ были три генерала, и такой пріемъ сдѣлалъ на нихъ впечатлѣніе.

— Я очень цѣню вашъ пріѣздъ ко мнѣ, сказалъ Румянцевъ, радъ видѣть васъ у себя и вспомню при этомъ случаѣ польскій языкъ, который всегда любилъ, равно какъ страну и людей, съ которыми пріятно провелъ такъ много времени. Позвонивъ онъ велѣлъ дворецкому отвести намъ квартиру во дворцѣ. Мы нѣсколько повеселѣли отъ такого пріема. Часа два мы оставались въ кабинетѣ и фельдмаршалъ разспрашивалъ насъ о многихъ знакомыхъ ему польскихъ фа-

миліяхъ. Послѣ этого насъ отвели въ наше помѣщеніе—очень хорошее, гдѣ наши люди уже разложили вещи.

Къ часу выхода графа въ комнаты, намъ дали знать и мы присутствовали на выходѣ. Онъ намъ подаль руку и обратился къ присутствовавшимъ генераламъ, сказалъ: это **поляки**, сыновья моихъ старыхъ знакомыхъ. Карты намъ подали въ одной партіи съ графомъ и мы сыграли три этикетальные робера вѣста. Въ свитѣ были генералы Бишовъ, Чечеринъ, Безбородко, Сабуровъ и князь Дашковъ. Послѣднихъ двоихъ я очень хорошо зналъ. Изъ офицеровъ низшихъ чиновъ, изъ числа стоявшихъ въ Польшѣ, оказалось то же нѣсколько знакомыхъ. Возвратясь въ свои комнаты мы одна-коже раздумывали какъ довѣе начать хлопотать по дѣлу Гижицкаго. Но графъ самъ устранилъ это затрудненіе. На другой день при сдачѣ рапортовъ, когда зала была полна офицеровъ, графъ вышелъ въ десять часовъ и снова очень ласково привѣтствовалъ насъ. Послѣ сдачи рапортовъ и смѣны карауловъ, отворились двери залы, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ. Фельдмаршалъ пригласилъ сперва насъ, а потомъ уже свою свиту и мы пошли вслѣдъ за нимъ первые. Послѣ завтрака, онъ, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ!

Мы отправились. Тамъ онъ ко мнѣ первому обратился со словами:

— А что, милостивый государь, вы высидѣли то что называется по польски вѣжа (тюрьма).

— Милость и протекція вашего сіятельства избавили меня отъ нея.

— И еще отъ кое чего похуже, прибавилъ Румянцевъ.

Послѣ этихъ словъ я началъ горячо благодарить фельд-

маршала и разчувствовавшись до слезъ высказалъ ему все что сердце мнѣ подсказывало. Онъ ласково выговаривалъ мнѣ и окончилъ словами:

— Если вы хотите, чтобы императрица была къ вамъ милостива и предоставила вамъ ваши права, сидите спокойно и не сходите съума. Я очень радъ, что мнѣ удалось доказать поляку мое расположеніе къ цѣлому польскому народу и въ особенности я доволенъ, что сдѣлалъ это ради памяти вашего отца.

Теперь наступила удобная минута изложить дѣло Гижицкаго. И Антонъ Гижицкій началъ, но говорилъ не все, не ясно и только печальныя слѣдствія по этому дѣлу для его фамиліи описалъ подробно и энергически.

Графъ, слушая, кивалъ головой и повторялъ:

— Худо! очень худо!

Когда Гижицкій кончилъ, онъ выразился:

— Не какъ къ великой Государынѣ буду писать, а скорѣе какъ къ нашей всемилостивѣйшей матери, буду просить горячо, но прежде мнѣ необходимо знать все дѣло какъ случилось, со всѣми подробностями. Прошу васъ рассказать мнѣ все открыто. Изъ словъ Гижицкаго я еще не вижу необходимости въ моей протекціи, я вижу только притѣсненія, презирающія вину. Мнѣ кажется, что дѣло происходило иначе. Неправильнаго представленія дѣлать не буду, и оно Гижицкому ни въ какомъ бы случаѣ не помогло и скорѣе бы даже повредило. Хочу знать всю правду, и изъ нея выведу заключеніе долженъ ли я просить у Государыни милости, или только правосудія.

Гижицкій стоялъ какъ нѣмой. Я выручилъ его, воскликнувъ:

— Милосердія надо просить, ваше сіятельство!

— Если такъ, вы расскажите мнѣ все, но только искренно и ничего не скрывая.

Не было возможности промолчать. И я высказалъ все что зналъ и что по этому дѣлу открыли слѣдствія. Графъ сердился, топалъ ногой и повторялъ: сумасшествіе! своеволие! развратъ!

— Таковъ былъ и его отецъ—Каэтанъ и такой же былъ его дядя Фадей, которыхъ я очень хорошо зналъ, прибавилъ графъ, когда я кончилъ.—Вы теперь оставайтесь здѣсь, а я вышлю курьера и надѣюсь, что Государыня моя не откажетъ мнѣ въ моемъ ходатайствѣ.

Двѣнадцать дней прожили мы въ Такшанахъ, колебаясь между надеждой и страхомъ. Постараюсь дать небольшое понятіе о тамошней жизни. Графъ Румянцевъ былъ уже сѣдой старикъ, очень пріятный лицомъ и милый въ обращеніи. На лицѣ его всегда почти была улыбка. Онъ умѣлъ привязывать людей и внушить имъ уваженіе къ себѣ. Всѣ окружающіе были ему очень преданы. Самъ я, проживъ въ Такшанахъ, почувствовалъ къ нему почтеніе и привязанность. Дворецъ графа былъ огромный съ нѣсколькими флигелями, богато и со вкусомъ меблированный; столъ очень хорошій русско-французской кухни. На обѣдахъ обыкновенно бывали чело-вѣкъ шестьдесятъ, ужинали стоя. Вина было много и прекрасное. На громадномъ дворѣ караулъ содержала цѣлая рота со знаменемъ. Тамъ же стояли нѣсколько пушекъ. Въ десять часовъ вся свита фельдмаршала, числомъ чело-вѣкъ шестьдесятъ отправлялась завтракать. Послѣ завтрака графъ уходилъ въ кабинетъ, куда уже сходились секретари. Въ это время въ залахъ желающіе играли въ карты. Я почти всегда участвовалъ въ игрѣ; ничего правда не выигралъ, но и не проигралъ во все время пребыванія въ Такшанахъ. Въ два

часа подавали обѣдъ. Съ правой стороны фельдмаршала садился генераль-лейтенантъ Бишовъ, Безбородко, князь Дашковъ и я; по лѣвую сторону Гжицкий, какъ кавалеръ ордена высшей степени, послѣ него генералы, полковники, адъютанты, ординарцы и т. д. — Перемѣнъ никогда и никакихъ не случалось. Послѣ обѣда графъ спалъ часа два. Въ пять часовъ подавали двѣ линейки, запряженныя шестерками, и всѣ ѣхали на прогулку. Мы всегда ѣздили въ той же линейкѣ, въ которой ѣхалъ фельдмаршалъ. Желающіе садились верхомъ; лошади верховые всегда были готовы для прогулки. Я тоже часто ѣздить верхомъ.

Послѣ возвращенія съ прогулки начинался этикетальный вистъ, затѣмъ чай и ужинъ. Около дворца былъ великолѣпный садъ. Графъ очень часто, въ пять часовъ утра, уже прогуливался по аллеямъ и въ саду завтракалъ. Мы во все время пребыванія дѣлали визиты, принимали гостей, приглядывались ко всему и забавлялись. Трудно даже передать какъ была къ намъ учтива вся свита. Каждый день мы должны были быть въ чулкахъ и башмакахъ. Я только собираясь ѣхать верхомъ надѣвалъ сапоги, а возвратившись сейчасъ же снималъ ихъ.

Графъ въ теченіе этихъ двѣнадцати дней никогда ни однимъ словомъ не напомнилъ о дѣлѣ Гжицкаго; точно онъ о немъ и не зналъ. Что касается меня, онъ очень часто меня подразнивалъ, спрашивая: что я ѣлъ въ Смоленскѣ? съ кѣмъ водилъ компанію и т. п. Иногда графъ рассказывалъ анекдоты изъ временъ своего пребыванія въ Польшѣ, но никогда не называлъ никого по именамъ. На двѣнадцатый день утромъ мы узнали, что курьеръ изъ Петербурга прибылъ. Идти узнавать въ канцеляріяхъ новости, намъ было неприлично; тамъ кромѣ того могли и не знать ничего. Въ кабинетъ къ графу

насъ не звали; самъ фельдмаршалъ, въ 10 часовъ, противъ обыкновенія, къ выходу не былъ. Что за причина этому мы не могли узнать. Ровно въ часъ отворились двери, и графъ вышелъ въ залъ въ парадномъ мундирѣ фельдмаршала, покрытый орденами; за нимъ шли секретарь и полковникъ. Всѣ склонили голову. Фельдмаршалъ обратился къ Гижицкому:

— Я получилъ отъ ея Величества Всепресвѣтлѣйшей Государыни указъ по вашему дѣлу, сударь! Затѣмъ, по знаку его, секретарь началъ читать указъ — рескриптъ, начинавшійся словами: «Отцу отечества отказывать нельзя...» Далѣе въ указѣ заключалось полное прощеніе и приказъ, чтобы не входя въ дальнѣйшее сужденіе и разборъ поступковъ Гижицкихъ и Варооломея въ особенности, освободить ихъ отъ всякой отвѣтственности; дѣло ихъ предать вѣчному забвенію, а того, кто былъ начальною причиною всего безпорядка, наказать примѣрно...

Мы расплакались отъ волненія, радости и благодарности. Фельдмаршалъ, увидя это, сказалъ намъ:

— Сочувствуйте только нашей Великой Государинѣ, и она васъ полюбитъ какъ своихъ дѣтей.

Отворили двери въ обѣденную залу, и мы увидѣли столь убранный по праздничному. Обѣдать сѣло человѣкъ болѣе ста. Пили за здоровье Государыни, и при этомъ гремѣли орудія на дворѣ. Вечеромъ я и Гижицкій просили позволенія уѣхать.

— Нѣтъ, сказалъ графъ, — вы должны еще остаться здѣсь десять дней; я тѣмъ временемъ отправлю курьеровъ къ намѣстнику Тутолмину и къ Шереметьеву съ копіями указа и рескрипта, дабы они остановили дѣйствія по этому дѣлу. Вы господинъ Гижицкій пишите къ вашей матери, а сами погостите у меня. Я хочу, пользуясь вашимъ пребываніемъ,

взять нѣсколько уроковъ вашего языка. Вы у меня будете свидѣтелями годовичнаго торжества побѣды подъ Полтавою (27 іюня).

Мы остались и было намъ такъ хорошо, какъ въ небесахъ. Фельдмаршалъ былъ милостивъ, а за нимъ безконечно учтивы были и всѣ окружающіе. Обыкновенный порядокъ жизни ни въ чемъ не нарушался. За три дня передъ праздникомъ пришли въ Ташаны два пѣшіе полка, два конные и артиллерійскій паркъ. Войска расположились лагеремъ на равнинѣ близъ Ташанъ, около рѣчки Ташанки. На другой день фельдмаршалъ дѣлалъ смотръ; мы были въ свитѣ. Войска производили различныя эволюціи, и смотръ продолжался отъ 4 часовъ до 11 утра. Въ этотъ день у графа обѣдало чело-вѣкъ около ста офицеровъ и генераловъ. Въ самый день торжества, войска вошли въ Ташаны и выстроились, пѣхота и кавалерія, въ линію между дворцомъ и церковью. Въ церкви за литургіей пѣли пѣвчіе, а когда начался Те Деум (Тебя Бога хвалимъ!) раздался сто одинъ пушечный выстрѣлъ. Во время крестнаго хода по всей пѣхотной линіи шель бѣглый ружейный огонь. Служилъ пріѣхавшій изъ Кіева архіерей. Послѣ крестнаго хода духовенство отправилось въ церковь, а войска пошли ко дворцу. Тамъ между линіями ходилъ фельдмаршалъ со свитой. Войска привѣтствовали его, и музыка играла. Множество дамъ, женъ и дочерей мѣстныхъ помѣщиковъ, стѣхавшихся въ Ташаны, были приглашены вечеромъ на балъ. Приготовлялись иллюминація и фейерверкъ. Обѣдали въ нѣсколькихъ палаткахъ, соединенныхъ въ одну, всего за столомъ сидѣло чело-вѣкъ двѣсти слишкомъ. При этомъ я видѣлся съ моимъ давнимъ знакомымъ, генераломъ Сабуровымъ, и съ корпуснымъ командиромъ Хрущовымъ. Къ сумеркамъ начали съѣзжаться дамы. Между ними

были красавицы, но замѣтенъ былъ у всѣхъ недостатокъ воспитанія, манеры и туалеты были у нихъ самые странные. Не больше десяти одѣлись сносно и умѣли найдтись; прочія—выглядѣли какъ чучелы. Иллюминація была по истинѣ царская; цѣлый садъ пылалъ, и въ немъ были во множествѣ разсыпаны гроты, вензеля и храмы Славы, Побѣдъ, Мира и т. д.

Когда начались танцы, я отличался; вѣдь мнѣ было всего 28 лѣтъ, и кровь горячая текла въ жилахъ. Въ часть гости вышли въ садъ и ужинали вокругъ стола, которому казалось и конца не было. Графъ и еще нѣкоторая часть гостей не сѣли къ столу. Меня послали къ разнымъ красавицамъ, и я долженъ былъ разсыпать имъ любезности. Балъ окончился феерверкомъ. На другой день все вошло въ нормальную колею, и во дворцѣ былъ только обыкновенный приемъ. Войска выступили изъ Ташанъ, и мы начали готовиться къ выѣзду. Прощаясь, графъ обвиняя насъ, сказалъ:

— Я люблю поляковъ, но больше не дѣлайте вашихъ штукъ, я вамъ уже не стану помогать.

Фельдмаршалъ, какъ я уже сказалъ, былъ очень старый человекъ, съ пріятнымъ лицомъ, которое въ обществѣ и при разговорахъ оживлялось и приобрѣтало выраженіе важное и виѣстѣ съ тѣмъ возбуждавшее довѣріе. Къ нему очень легко было примѣнить слова Теренція и Цицерона *Facis liberalis*. Изъ Кіева Гижицкій долженъ былъ ѣхать прямо въ Краснополе, а я въ Житомиръ. Мнѣ выдали подорожную и дали письмо къ Шереметьеву. Съ имѣніями Гижицкихъ, взятыми въ секвестръ, были хлопоты, но мнѣ все кое какъ удалось въ Житомирѣ уладить, и нехорошее дѣло, грозившее непріятностями и бѣдой цѣлому семейству, такимъ образомъ счастливо покончилось.

VI. Волинь въ 1797 году и намѣстничество Изяславское.

Изяславское намѣстничество установлено было еще послѣ втораго раздѣла Польши, и резиденцію его назначенъ былъ Заславль; подольское намѣстничество имѣло главнымъ городомъ Каменецъ, а Браславское—Виницу. Послѣ смерти Кречетникова, намѣстникомъ сдѣланъ Долгоруковъ, тоже вскорѣ умершій. Тимофей Ивановичъ Тутолминъ, третій намѣстникъ, перевелъ резиденцію въ Житомиръ. Контракты переведены были изъ Дубна въ Заславль. Въ Житомирѣ начали строить огромный, деревянный двухъ-этажный дворецъ; нынче на его мѣстѣ, у самаго берега рѣки, стоитъ домъ Піотровскихъ. Двѣсти плотниковъ изъ Россіи цѣлый годъ трудились около постройки. Въ зданіи было три огромныхъ залы; одна имѣла тридцать сажень длины и занимала оба этажа, а потолокъ былъ еще выше поднять, чѣмъ стѣны втораго этажа. Въ ней была большая галерея для музыкантовъ. Во дворцѣ кромѣ залъ имѣлось еще шестьдесятъ комнатъ. Всѣ постройки и меблировки стоили правительству триста тысячъ рублей. Изъ трехъ конфискованныхъ домовъ у Левандовскаго (умершаго въ Смоленскѣ) устроили присутственныя мѣста, а изъ поіезуитскаго монастыря—острогъ. Въ этомъ зданіи также помѣстилось: Управление намѣстничества (нынѣшнее Губернское Правленіе), Казенная Палата, Палаты Уголовная и Гражданская и Высшій Земскій Судъ. День 20 іюля 1797 г. предначазначенъ былъ для открытія намѣстничества и введенія новаго порядка. Дворянство съѣхалось съ женами и дочерьми. Губернаторъ, вице-губернаторъ и важнѣйшіе чиновники поѣхали встрѣчать Тутолмина. Изъ молодыхъ дворянъ, по одному съ уѣзда, выбраны были пятнадцать почетныхъ адъютантовъ къ особѣ намѣстника. Они были въ мундирахъ намѣст-

ничества; фракъ бронзоваго цвѣта, съ палевымъ воротникомъ, отворотами и выпусками; серебрянное шитье на воротникѣ, рукавахъ и около кармановъ. Брюки и жилеты бѣлые. Какъ адъютанты они еще имѣли эполеты и аксельбантъ на правомъ плечѣ. Карета намѣстника, окруженная адъютантами и запряженная цугомъ гнѣдыхъ лошадей, въѣхала въ городъ, сопровождаемая болѣе чѣмъ сотнею экипажей. Отъ заставы до дворца, войска выставленныя въ двѣ шеренги привѣтствовали поѣздъ батальнымъ огнемъ, а съ валовъ стараго замка сдѣлано сто одинъ пушечный выстрѣлъ. Во дворцѣ, Тутолмина ожидало болѣе тысячи дворянъ; съ нимъ прибыло около четырехъ сотъ—и все это собраніе помѣстилось во дворцѣ и даже не очень было тѣсно. Съ Тутолминымъ я уже былъ прежде знакомъ, какъ по дѣламъ собственнымъ и Гжицкихъ, такъ и по сношеніямъ въ Романовѣ (имѣніе Илинскихъ) на свадьбѣ Вареолюея Гжицкаго, женившагося на Илинской. Въ Романовѣ на этой свадьбѣ давались любительскіе спектакли, въ которыхъ участвовали я, мой братъ Маріанъ, Евзеби Семяновскій и молодая жена В. Гжицкаго. Въ свитѣ Тутолмина въ Житомірѣ пріѣхалъ Михаилъ Андржейковичъ, почетный адъютантъ отъ губерніи Минской. Онъ познакомился съ нимъ, а впоследствии ему же привелось быть волынскимъ губернаторомъ.

На утро по прибытіи намѣстника назначено было открытіе учрежденія намѣстничества. Выбраны были два губернскихъ и тридцать уѣздныхъ церемоніемейстеровъ, съ жезлами такими же, какіе носили въ Польшѣ великіе маршалы коронные. На обязанности ихъ лежало смотрѣть за порядкомъ. Торжество открылось шествіемъ на молебствіе: сперва шель самый младшій уѣздъ, предшествуемый своими церемоніемейстерами, за нимъ слѣдующій уѣздъ, потомъ попарно корон-

ные чиновники, совѣтники, вице-губернаторъ, губернаторъ и напослѣдокъ генералъ Тутолминъ. Во время шествія выстроенныя въ два ряда войска стрѣляли по батальонно, а на валахъ замка гремѣли пушки. Изъ церкви пошли въ костель, а оттуда возвратились во дворецъ. Тамъ уже былъ приготовленъ завтракъ, въ которомъ участвовало болѣе полуторы тысячи человѣкъ. Кресла были померованы. Тутъ же намъ розданы были билеты, тоже номерованные, на завтрашній обѣдъ и потомъ на балъ. Трудно вообразить, какъ могли помѣститься во дворцѣ двѣ тысячи человѣкъ, а между тѣмъ на балу они всѣ помѣстились и никакого безпорядка не было. Въ танцевальной залѣ кресла были поставлены въ три ряда съ каждой стороны. Въ каждомъ ряду стояло сто шестьдесятъ креселъ (480 креселъ по обѣмъ сторонамъ). На стѣнѣ висѣлъ портретъ Екатерины въ богатыхъ рамахъ, а подъ нимъ, на возвышеніи стояло кресло обитое малиновымъ бархатомъ съ золотыми галунами, изображавшее тронъ. На немъ никто не садился. Англезъ танцовали сто паръ вмѣстѣ и самъ намѣстникъ открывалъ его; кадрили и мазурку танцовали въ двѣнадцати кругахъ. На галереяхъ залы помѣщалось двѣсти музыкантовъ и пѣвцовъ. Въ двухъ сосѣднихъ залахъ подавали ужинъ, а четыре большія комнаты и два кабинета предназначены были для картежныхъ игроковъ. Играли не только въ коммерческія игры, но и въ фараона. На нѣкоторыхъ столикахъ лежали громадныя кучи золота. Дамъ и дѣвицъ пріѣхавшихъ съ родителями въ Житомиръ было множество. Кто не могъ найти помѣщенія въ городѣ, квартировалъ въ окрестностяхъ. Князь Чарторыйскій и Сангушко помѣстились въ корчмѣ Красной.

На обѣдѣ за разъ бывало только триста человѣкъ. Съ уѣздовъ пригласили только тѣхъ, кто имѣлъ чины или званія

польскіе или русскіе. По два уѣзда приглашались на обѣдъ; затѣмъ другіе два и т. д. Обѣды эти заняли восемь дней. На девятый день всѣмъ намъ повѣстили, чтобы мы въ девять часовъ собрались во дворецъ. Тамъ уже нашли мы болѣе 1.200 креселъ установленныхъ рядами, номерованныхъ и предназначенныхъ для всѣхъ уѣздовъ. Для намѣстника, возлѣ трона, подѣ портретомъ, стояло отдѣльное кресло. Въ сосѣднихъ залахъ заготовленъ уже былъ обильный завтракъ. Закусивъ мы вошли въ большую залу и заняли мѣста. При этомъ церемоніймейстеры строго наблюдали, чтобы всякій занималъ непремѣнно свой номеръ. Антонъ Богдановичъ прочиталъ указъ объ установленіи намѣстничества, переведенный на польскій языкъ, и это составило подготовленіе къ дворянскимъ выборамъ, назначеннымъ быть завтра. Выборы шли по уѣздамъ и начинались съ низшихъ должностей. Мы очень мало понимали сущность новыхъ должностей. Меня выбрали капитанъ-исправникомъ, и при этомъ я получилъ больше голосовъ въ сравненіи съ моими конкурентами Красевскимъ и майоромъ Перекладовскимъ. Затѣмъ выбирали уѣздныхъ маршаловъ (предводителей) и житомирскимъ выбрали Илинскаго. Во всѣхъ уѣздахъ выбирали людей почтенныхъ; даже въ нижніе земскіе суды были выбраны помѣщики осѣдлые и почтенные. Согласно нашему старому обыкновенію мы условились надѣть почетные мундиры въ честь Тутолмина. Въ этихъ мундирахъ потомъ представлялись ему и бывали на балахъ. Губернскіе выборы начались такимъ же сборомъ всѣхъ дворянъ въ большую залу, гдѣ уже ждали насъ номерованные кресла и завтракъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Генераль Тутолминъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, и избираемый кандидатъ становился противъ него. Въ это время ящики для шаровъ разносили по залѣ. Выборы губернскіе длились

три дня. Губернскимъ маршаломъ выбрали Августа Илинскаго; президентомъ палаты уголовной Плятера, а гражданской—Бейзима. Всѣ прочіе избранные были люди солидные, богатые и немолодые. По окончаніи выборовъ, точно такимъ же порядкомъ, какъ при открытіи губерніи, всѣхъ насъ повели присягать въ костелъ и на Те Деум (тебя Бога хвалимъ!). Въ этотъ день былъ общій обѣдъ, а вечеромъ балъ, закончившій торжество. На другой день всѣ капитанъ-исправники получили приказъ отъ намѣстника надѣть такіе же мундиры, какіе носили почетные адъютанты Тутолмина. Мундиры эти сохранились до смерти Екатерины II. Всѣмъ намъ кромѣ того велѣно было ѣхать каждому въ свой округъ и ожидать до открытія его. На этихъ же выборахъ были избраны депутаты къ Государствѣ и между ними А. Илинскій. Уѣзды открывались точно такимъ же образомъ, только вмѣсто намѣстника открывалъ губернаторъ Шереметьевъ. Я въ цудновскомъ уѣздѣ долженъ былъ дать одинъ обѣдъ губернатору и чиновникамъ. Съ этого времени я и мое семейство переселились на постоянное жительство въ Цудновъ. На открытіе губерніи, какъ говорили, казна истратила 500 000 руб. ассигнаціями. Кромѣ расходовъ на приемы во дворцѣ, на улицахъ выставлены были для простонародія въ день открытія губерніи, бочки съ водкою, медомъ и пивомъ. Посрединѣ лежалъ цѣлый жареный волъ, съ золочеными рогами. Филипоны¹⁾ отрубили голову этому волу и снесли ее намѣстнику, за что получили 100 руб. сер. Кромѣ вола для народа приготовлено было нѣсколько откормленныхъ свиныхъ тушъ, нѣсколько сотъ жаркихъ разнаго сорта, булокъ, хлѣба и т. п. Трубы дали знакъ, когда народъ могъ взяться

¹⁾ Старовѣры.

за угощеніе. Всѣ мы и намѣстникъ вышли изъ дворца поглядѣть на это зрѣлище. Смятеніе вышло такое, что и описать даже трудно.

VII. Императоръ Павелъ I, губернія Волынская и возвращеніе сосланных: абата Охотскаго, графа Дзялынскаго и другихъ.

Иллинскій будучи избранъ депутатомъ въ Петербургъ, съ перваго начала былъ принятъ императрицею очень милостиво и оставленъ въ столицѣ. Онъ бывалъ на частныхъ собраніяхъ въ эрмитажѣ и даже хлопоталъ о вознагражденіи за принадлежавшій ему полкъ. Но вдругъ государыня охладѣла въ расположеніи къ нему. Онъ приблизился тогда къ наслѣднику, жившему въ Гатчинѣ, и сдѣланъ былъ камергеромъ гатчинскаго двора. По смерти Екатерины II, когда Павелъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Иллинскій былъ при немъ постоянно. Государь спросилъ его: чего онъ желаетъ въ вознагражденіе за свою преданность? Иллинскій просилъ только свободы своимъ согражданамъ, сосланнымъ и заключеннымъ въ крѣпости послѣ 1794 года.

Просьба его была исполнена, а благородство характера еще сильнѣе привязало къ нему Павла I, который собственноручно возложилъ на него знаки ордена Св. Александра Невскаго. Извѣстно, что Павелъ самъ поѣхалъ освободить Костюшко изъ заключенія и возвратилъ ему саблю. Всѣ политическіе преступники были тоже освобождены. Нѣкоторымъ даже возвратили имѣнія. Между прочимъ получили имѣнія обратно Чидкій, дочь старосты Богуша и другіе. Потоцкіе Игнатій и Станиславъ были освобождены, но за Игнатія, который обвиненъ былъ въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, требовалось поручительство, котораго, къ стыду фамиліи По-

тоцкихъ, никто изъ нихъ не хотѣлъ дать. И онъ оставался нѣкоторое время въ заключеніи. Узнавъ объ этомъ, Иллинскій сейчасъ же далъ требуемое поручительство, отвѣчая за Потоцкаго своимъ имуществомъ и лично. Поступокъ этотъ очень понравился Павлу и еще болѣе приблизилъ Иллинскаго къ трону. Потоцкій былъ освобожденъ. Новый государь энергически началъ вводить преобразованія; сейчасъ же сжегъ нѣсколько сотъ милліоновъ асигнаціонныхъ рублей; это подняло курсъ ихъ такъ, что въ одинъ мѣсяць они стояли уже наравнѣ съ серебрянными рублями. Платили сто за сто и еще небольшой лажъ. Я самъ, посылая въ Тобольскъ брату деньги, платилъ сто за сто и 15 коп. за промѣнъ ста рублей. Курсъ такой стоялъ около двухъ лѣтъ, потомъ опустился немного, но все еще держался по 80 серебрянныхъ за сто асигнаціямъ.

Только послѣ аустерлицкой кампаніи курсъ упалъ до того, что платили по 25 серебр. рублей, за сто асигнаціями. Въ 1812 году въ теченіе двухъ мѣсяцевъ за сто асигнаціями давали всего семнадцать серебромъ. Потомъ курсъ поднялся. Но въ теченіе почти двадцати лѣтъ все таки платили 25 серебрянныхъ рублей за сто асигнаціями. Царствованіе Павла I сказалося повсюду большими перемѣнами. Но я буду говорить только о томъ, что къ намъ относилось: намѣстничества были уничтожены и переименованы въ губерніи. При этомъ брацлавское совершенно раскисировано; часть его присоединена къ Кіевской губерніи, а часть къ Подольской. Въмѣсто Изяславской, губернія названа Волынской; пятнадцать уѣздовъ сокращено на двѣнадцать, и границы ихъ остались неизмѣнными до настоящаго времени. Намъ возвращены были наши законы и судопроизводство на нашемъ языкѣ. Земскіе суды и трибуналы были возобновлены.

Радость всѣхъ жителей по поводу этихъ милостей трудно даже описать, а благодарность къ императору высказывалась при всякомъ случаѣ. И даже теперь въ сердцѣ моемъ, годами и жизнію охлажденномъ, благодарность къ нему еще не погасла. Всѣ коронные чиновники были перемѣнены. На мѣсто Тутолмина, съ титуломъ генераль-губернатора, былъ присланъ Беклешовъ. Впослѣдствіи онъ былъ канцлеромъ. Генерала Шереметьева смѣнилъ Миклашевскій, молодой человекъ лѣтъ тридцати. Я былъ у него въ большихъ милостяхъ. Онъ крестилъ у меня въ Сидачевкѣ сына Іозафата. На свои молодые годы онъ былъ очень дѣльный и дѣятельный человекъ, вполне безкорыстный и очень почтенный. Уѣздъ, въ которомъ я былъ исправникомъ, былъ уничтоженъ, а при новыхъ выборахъ я попалъ въ засѣдатели земскаго житомирскаго суда. Судьею былъ Трипольскій, другимъ засѣдателемъ А. Вороничъ, а писаремъ (секретаремъ) Иванъ Барановскій. И надо отдать справедливость, нашему суду ни въ чемъ нельзя было сдѣлать упрека. Губернскимъ маршаломъ (предводителемъ) выбранъ былъ Иллинскій, а уѣзднымъ Бержинскій. За отсутствіемъ же Иллинскаго, не вызвавшего изъ Петербурга, должность его постоянно исправлялъ Бержинскій. Мундиры намъ тоже перемѣнили: у капитанъ-исправниковъ отняты были эполеты и аксельбанты; фракки (мундиры) носили теперь зеленые съ палевыми воротниками и обшлагами; жилеты и брюки бѣлые.

Павелъ I перевелъ короля Станислава-Августа изъ Гродно въ Петербургъ, гдѣ его помѣстили въ Мраморномъ дворцѣ, впослѣдствіи принадлежавшемъ цесаревичу Константину. Передъ своею смертію король хотѣлъ перейти на жительство въ старый дворецъ на Вознесенской площади у Сняго моста (нынѣ дворецъ Маріи Николаевны). Въ Петербургѣ По-

нятовскій участвовалъ во всѣхъ торжествахъ придворныхъ и ему отдавали надлежащія почести. У него былъ свой многочисленный дворъ и свита; войска его встрѣчали, какъ царственную особу или вѣрнѣе, какъ члена царствующаго рода. Евзевій Семяновскій, братъ жены, былъ въ его свитѣ. Но король прожилъ въ столицѣ недолго; его тяжелое положеніе вѣроятно было причиною ускоренія смерти. Похороненъ онъ въ костелѣ св. Екатерины, что на Невскомъ проспектѣ, съ правой стороны отъ входа. Иллинскій получилъ Улановское староство, прежде бывшее у Яна Крашевскаго, всего 4.000 душъ, и кромѣ того званіе сенатора. Расположеніе императора къ нему оставалось неизмѣннымъ. Павелъ I установилъ первые въ Россіи четыре уланскіе полка; ихъ устройство, вооруженіе и мундиры были на манеръ польскихъ; даже построенія были тѣже что существовали въ польской арміи. Они назывались Польскій уланскій и Волынскій уланскій—стоявшіе на Волынѣ. Литовскій и Виленскій уланскіе стоявшіе въ Литвѣ.

Въ 1798 году возвратился изъ ссылки дядя мой абатъ Охотскій¹⁾. Онъ былъ въ Сибири въ Туринскѣ. Встрѣтилъ я его между Бердичевымъ и Коднею, на пути въ Житомиръ. Мое удивленіе и радость были неописанны. Возвратившись въ Сидачевку, я принималъ у себя почтеннаго абата вмѣстѣ какъ отца и благодѣтеля. Онъ, не смотря на ограниченность своихъ денежныхъ средствъ, привезъ намъ множество подарковъ изъ Сибири и Екатеринославскихъ горъ (Уральскихъ): камни красиво шлифованные значительной цѣнности, одежды сибирскихъ народовъ, соболь для моей

¹⁾ Въ четвертой части этого изданія, въ видѣ приложенія, помѣщены записки, веденныя въ ссылкѣ абатомъ Охотскимъ.

жены и т. п. вещи. Дядя уже былъ въ Овручѣ, гдѣ предъявлялъ указъ о возвращеніи ему всего, чѣмъ онъ владѣлъ до ссылки. Но коадьюторъ (намѣстникъ) ксендзъ Стройновскій не допустилъ его къ управленію имѣніями абатства. Еще въ 1790 году нѣкто подкоморій богскій, Стройновскій, при помощи интригъ и даже при посредствѣ королевскаго вліянія, заставилъ моего дядю дать своему двоюродному брату ксендзу Стройновскому коадьюторію абатства. Стемпковскій вѣроятно не дозволилъ бы этого, но дядя мой по добротѣ своей самъ не хотѣлъ спорить; онъ прежде уже далъ слово и мѣнять его не желалъ. Сдѣлано было только между имъ и ксендзомъ Стройновскимъ условіе, чтобы послѣдній, до смерти дяди, ни въ какія дѣла абатства не мѣшался и къ имѣніямъ претензій не заявлялъ. Онъ долженъ былъ довольствоваться ежегоднымъ жалованьемъ. Условіе сохранялось до ссылки абата Охотскаго. Затѣмъ, пользуясь отсутствіемъ, ксендзъ Стройновскій выхлопоталъ въ свѣтскомъ и духовномъ судахъ для себя право пользоваться всѣми имѣніями абатства. И теперь, по возвращеніи дяди, онъ на основаніи полученныхъ имъ позволеній отъ судовъ, не допустилъ его къ пользованію доходами съ имѣній, приносившихъ ежегодно 100.000 злотыхъ (15.000 р.). Необходимо было хлопотать и спасать состояніе дяди. Но на это нужны были большія средства, а у меня ихъ не было. Я всего на всего собралъ 1000 червонцевъ. Къ счастью и тѣ не понадобились. По случаю вступленія на тронъ императора Павла, къ 1 маю съѣхалась въ Житомиръ вся губернія. Дядя мой подалъ собранію маршаловъ (на судъ предводителей дворянства) меморіалъ съ изложеніемъ всего дѣла и просилъ ходатайства дворянъ губерніи къ генераль-губернатору, къ министру и къ графу Иллинскому о возвращеніи ему имѣній и правъ, не-

законно захваченныхъ. Подкоморій Стройновскій, бывшій на съѣздѣ, ничего не могъ сдѣлать въ пользу своего брата. Напротивъ: его самого такъ дурно приняло дворянство и онъ подвергся такому преслѣдованію отъ общества, что долженъ былъ уѣхать изъ Житомира еще до окончанія дворянскаго съѣзда. Дядѣ помогали Букаръ, Гижицкіе, генералы Карвицкій и Бержинскій, пользовавшіеся тогда большимъ вліяніемъ въ обществѣ. Вся губернія отнеслась къ почтенному абату Охотскому очень благосклонно. Согласно состоявшемуся постановленію, посланы были представленія Беклешеву въ Каменецъ и въ Петербургъ: министру Безбородко и графу Иллинскому. Именной указъ императора закончилъ это дѣло: по представленію сенатора Иллинскаго велѣно было возвратить абату Охотскому все его права и имѣнія, а ксендзу Стройновскому оставаться на условіяхъ прежняго уговора. Хлопоты однакоже продолжались: ксендзъ Стройновскій надѣлалъ долговъ болѣе 360.000 злотыхъ и еще съ согласія епископа. Снова пошли споры о законности этихъ долговъ. Дядя долженъ былъ ихъ уплатить и кромѣ того цѣлыхъ два года тревожили насъ хлопоты и старанія по поводу всѣхъ этихъ дѣлъ.

Генераль Дзялынскій былъ тоже возвращенъ изъ Березова. Онъ, вмѣстѣ съ моимъ дядею, присутствовалъ въ Москвѣ на коронаціи Императора Павла; ему предлагали вступить въ русскую службу, но слабость здоровья не дозволила воспользоваться этимъ предложеніемъ. Его имѣнія не были секвестрованы, такъ какъ были на женино имя. Но жена его, узнавъ, что генераль вызвалъ изъ Сибири тамошнюю свою служанку—простую сорокалѣтнюю пьяную бабу, сосланную за отравленіе мужа, воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы не видѣться съ нимъ и не принять его къ себѣ. Я ви-

дѣлъ женщины, помилованную по просьбѣ Дзялынскаго—лѣта и пьянство не оставили на ея лицѣ и слѣдовъ былой красоты, если только она когда либо была красива. Тобольскій губернаторъ назначилъ ее прислуживать генералу; а онъ, въ благодарность, будучи въ Москвѣ, исхлопоталъ ей помилованіе и позволеніе возвратиться. Дзялынскій былъ очень счастливо одаренный отъ природы человѣкъ; зналъ свѣтъ, былъ благороденъ, вселялъ любовь и уваженіе во всѣхъ, кого приближалъ къ себѣ; умъ имѣлъ быстрый, образованіе хорошее, но характеръ слабый и нерѣшительный. Характеръ портилъ всѣ его планы и часто нерѣшительность его заставляла поступить не такъ, какъ бы слѣдовало. Возвратившись на родину генералъ Дзялынскій жилъ очень не долго. Въ Житомирѣ онъ съ нами вмѣстѣ былъ на обѣдѣ у губернатора. Букаръ, Ледоховскій, Залѣскій и я отвели его на его квартиру, на Цудновскую улицу. Остановившись въ воротахъ, онъ велѣлъ подать себѣ рюмку водки и вдругъ упалъ и въ нѣсколько секундъ умеръ. Послали за докторами, но спасенія не было: въ мозгу у него лопнула жила и кровь залила мозгъ. Мы его очень жалѣли, особенно я, который пользовался его довѣріемъ. Похоронили его очень пышно. Генералъ-маіоръ Карвицкій собралъ, проживавшихъ въ то время въ Житомирѣ человѣкъ тридцать штабъ и оберъ-офицеровъ бывшей польской арміи, и они, заново обмундированные Карвицкимъ, проводили гробъ генерала графа Дзялынскаго.

VIII. Принцъ Конде, дѣла Волыни, Бонапартъ и Императоръ Александръ I.

Императоръ Павелъ принялъ въ Россію принца Конде, брата изгнаннаго изъ Франціи мнимаго короля Людови-

ка XVII. Онъ явился окруженный принцами крови de Berry, prince d'Enghien и другими; съ нимъ прибыло также до семи тысячъ эмигрантовъ—дворянъ французскихъ изъ лучшихъ фамилій, которые образовали не большое войско, извѣстное подъ названіемъ арміи принца Конде. Людовикъ XVIII имѣлъ свой дворъ, своихъ сановниковъ, канцлера, великихъ маршаловъ, камергеровъ—все это представляло истинную комедию. Императоръ платилъ жалованіе войску Конде и кормилъ самого ихъ короля. Конде жилъ въ Дубнѣ, и хотя считался начальникомъ арміи, но рапорты шли прямо къ Императору и отъ него получались приказанія. Одинъ солдатъ этой арміи убилъ штыкомъ своего товарища. По французскимъ военнымъ законамъ его осудили на смерть. По приговору, посланный на утвержденіе въ Петербургъ, былъ Павломъ импѣраторъ, согласно русскому законодательству, на ссылку въ Сибирь. Конде потомъ уѣхалъ въ Англію, но многіе изъ его генераловъ перешли въ русскую службу. Герцогъ Ришелье, котораго слѣдуетъ считать основателемъ настоящей Одессы, генералы Ланжеронъ, Сентъ-Приестъ и другіе служили въ русской арміи.

Губернаторъ Миклашевскій былъ переведенъ въ Черниговъ, и на его мѣсто въ Житомиръ къ намъ прислали Главанина. Миклашевскій любилъ меня и уговаривалъ ѣхать съ нимъ на службу въ Черниговъ, но дѣла не дозволили мнѣ принять этого приглашенія. Я и Андріанъ Букаръ только съѣздили въ гости къ нему изъ Кіева. Онъ насъ принялъ очень любезно, оставилъ жить въ губернаторскомъ дворцѣ и продержалъ двѣ недѣли.

Время мною описываемое было время наибольшей силы и вліянія графа Иллинскаго. Кромѣ подареннаго ему ключа Улановскаго, онъ прикупилъ еще княжество Острогское отъ

генерала Ферзена. Миліоны тратились на постройку дворца въ Романовѣ. Присылались мебель, картины, мраморы и прочія драгоцѣнныя вещи; было заведено сто англійскихъ лошадей, надворная музыка, составленная изъ виртуозовъ, домашній театръ, въ которомъ находились актеры съ замѣчательными талантами. Но о романовскомъ дворцѣ я буду говорить въ отдѣльной главѣ, а поэтому здѣсь снова перейду къ волынскимъ событіямъ. Графъ Иллинскій былъ Императоромъ назначенъ инспекторомъ нашихъ губерній. Намѣренія Павла I давали намъ возможность надѣяться всего хорошаго. Онъ желалъ знать какъ управлялись наши провинціи, а кто лучше могъ сообщить ему о ихъ положеніи, какъ не житель этихъ провинцій, владѣвшій въ нихъ огромными имѣніями и пользовавшійся его неограниченнымъ довѣріемъ. Намъ было сообщено о прибытіи Иллинскаго, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали этого дня. Я, А. Гжицкій, Чайковский, Дунинъ, Юковский и другіе, въ день пріѣзда, собрались во дворецъ и ждали съ двухъ часовъ. Явился курьеръ и увѣдомилъ, что на станціи Бобрыки сенатору-инспектору препегаютъ лошадей. Уже стемнѣло, когда явился второй курьеръ съ извѣщеніемъ, что Иллинскій уже въ Черниговѣ. Разставленная полиція донесла, что онъ уже вѣхалъ въ заставу. И колокола зазвонили въ эту минуту, а съ валовъ стараго замка загремѣли пушки. По улицамъ отъ Черниговской заставы стояли выстроенные въ линію цеховые съ своими значками и зажженными свѣчами. Большая четырехмѣстная карета, запряженная десятью лошадьми, медленно подъѣхала ко дворцу. Карету провожали исправникъ, членъ совѣта, городничій и квартальные. Губернаторъ и губернский маршалъ бросились отворять дверцы экипажа, и опираясь на нихъ взошелъ на крыльцо графъ Иллинскій. Жену его велъ Берзин-

скій. Всѣ присутствующіе имѣли орденa сверхъ мундировъ, какъ будто принимали лице изъ царствующаго семейства. Самъ Иллинскій былъ въ мундирѣ Мальтійскаго ордена, званіе командора котораго недавно ему пожаловалъ Павелъ. Съ нимъ явились, въ особѣхъ каретахъ, Варѣоломей Гижицкій съ женой, огромная свита, ассистенты и канцелярія. Все это собрание вышло изъ экипажей у дворца, а впоследствии имъ были отведены квартиры. Между ассистентами нашлись двое Ганскихъ — младшій сынъ моего спасителя и его племянникъ. Изъ я пригласилъ къ себѣ въ домъ, и они у меня все цѣли квартировали. Иллинскій форменно обошелъ ряды стѣнныхъ досокъ и чиновниковъ. Я не старался попасть ему въ глаза. Но онъ уловилъ меня, подошелъ самъ, подалъ руку и заговорилъ очень благосклонно. Всѣхъ это очень поразило. Нѣкто М., до того дня не хотѣвшій даже смотрѣть на меня, сейчасъ же подошелъ и спросилъ:

— Вы вѣроятно не получили еще пригласительнаго билета на завтрашній обѣдъ ко мнѣ. Позвольте же мнѣ васъ пригласить лично!

Судьбъ Трипольскаго и остальныхъ моихъ товарищей онъ и не подумалъ звать. Послѣ этого я самъ уже подошелъ къ графинѣ Иллинской и женѣ Варѣоломея Гижицкаго; обѣ встрѣтили меня очень любезно. Иллинскій взялъ квартиру въ домѣ Ганскихъ. И на утро, часовъ въ 12-ть, Гижицкій, Букаръ и я поѣхали къ нему. Онъ пудрился въ гостиной не менѣе часу. Присутствовали губернаторъ, губернскій маршалъ и кое-кто изъ дворянъ. Формальный визитъ окончился и начали уходить. Вдругъ Иллинскій обратился ко мнѣ:

— Вы подождите немного!

На всѣхъ, какъ я замѣтилъ, слова эти произвели большое

впечатлѣніе. Остались только я и Гижицкій. Графъ намъ объявилъ:

— Вы знаете, что я назначенъ инспекторомъ этого края; я обязанъ обозрѣть его, искоренить злоупотребленія, если бы таковыя оказались. Если желаете что измѣнить, изложите все на бумагѣ и передайте другимъ объ этомъ.

По правдѣ сказать, графъ Иллинскій на все посмотрѣлъ очень поверхностно; закрывалъ глаза на злоупотребленія, стараясь этою деликатностью заставить самихъ виновныхъ исправиться. Онъ ревизовалъ всѣ присутственныя мѣста, прожилъ въ Житомирѣ двѣ недѣли и уѣхалъ.

Гостей моихъ я познакомилъ съ Бержинскимъ и Ледоховскимъ, бывшимъ тогда президентомъ перваго департамента судебной палаты. Оба они дали въ честь Голынскихъ обѣды, на которыхъ былъ и графъ Иллинскій. Мнѣ тоже слѣдовало дать обѣдъ. Я явился къ Иллинскому и сказалъ, что завтра даю обѣдъ для Голынскихъ, но его не осмѣливаюсь просить.

— А губернаторъ и губернский маршалъ у тебя будутъ?

— Ихъ я еще не просилъ.

— Ступай же проси.

Я передалъ Иллинскому чѣмъ я обязанъ Голынскимъ, и онъ былъ на моемъ обѣдѣ; были также у меня губернаторъ и губернский маршалъ. Первый тостъ разумѣется былъ за графа-инспектора, но второй я провозгласилъ за здоровье витебскаго губернскаго маршала и его семьи. Частые тосты сдѣлали обѣдъ мой веселымъ. Стоило все это мнѣ дорого; расходы такіе были выше положенія засѣдателя, но нельзя же было не исполнить своей обязанности. Уѣзжая въ Романовъ Иллинскій пригласилъ и меня. Мы — Бержинскій, Гижицкій, Букаръ и я, поѣхали вмѣстѣ. Въ Романовѣ первый

флигель дворца былъ уже оконченъ и меблированъ по царски. Гремѣла великолѣпная музыка, столь блестялъ серебромъ, пушки гремѣли и вино лилось потоками. Три дня мы праздновали и разъѣхались нѣсколько опечаленные. Варео-ломей Гижицкій, будучи немного подъ хмѣлемъ, ударилъ одного очень важнаго сановника (Глазенапа) бокаломъ. Это могло окончиться для него очень печально. Но Иллинскій сейчасъ же написалъ рапортъ обо всемъ случившемся прямо министру графу Палену, и все дѣло было прекращено.

На мѣсто генерала Глазенапа назначенъ былъ губернаторъ Курскъ, бывшій секретарь Суворова. После этого Иллинскій, изъ Житомиръ, всѣмъ сановникамъ губернскаго комитета и членамъ этого комитета сообщилъ о своемъ назначеніи. Но объ этомъ дѣлѣ я слышу впервые изъ слѣдующихъ главъ.

Когда всѣ эти дѣла совершались у насъ, за границей происходили великія перемѣны. Побѣды генераловъ французской республики Пишегрю, Моро, Журдана, распространили ея власть почти на всю Европу. Но внутри Франціи страдала—сперва терзаясь се терроръ, потомъ гражданскою войною изъ руки диктаторовъ, но безформенно и смутно продолжалась. Тогда обратили взоръ на молодого генерала Бонапарта, прославленнаго побѣдами. Онъ явился изъ Египта, разбилъ совѣтъ пятисотъ, и власть попала въ его руки. Сперва онъ сдѣлался первымъ консуломъ, потомъ получилъ власть пожизненно, а наконецъ былъ провозглашенъ императоромъ. Императоръ Павелъ, пославшій сперва въ Италію армію съ фельдмаршаломъ Суворовымъ, для противодѣйствія французамъ, приказалъ ей возвратиться въ отечество, хотя Суворовъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ.

Въ Житомирѣ, еще при жизни всѣми нами возлюбленнаго

государя Павла I, былъ присланъ, на смѣну губернатора Куриса, Гревсъ—родомъ финляндецъ, человекъ небогатый, но честный. Онъ не хотѣлъ участвовать подобно Курису въ дѣяніяхъ нашего губернскаго маршала и президента 2-го департамента судебной палаты Керженевскаго. Оба эти господина теперь очутились одни.

Смерть Императора Павла мы оплакали. Мы ему были обязаны многимъ, и еще большія надежды возлагались на продолженіе его царствованія. Преобразованія въ войскахъ были не только поверхностныя, но касались самой сущности; все было измѣнено, регулировано и подчинено строжайшей дисциплинѣ. Форма военныхъ похожа была на прусскую. Даже гражданская форма подверглась измѣненію: фракъ съ двумя рядами пуговицъ, такой же жилетъ, круглая шляпа, башмаки безъ пряжекъ и сапоги съ длинными носками подверглись изгнаію. Вступленіе на престолъ Александра оживило наши надежды и по большей части имъ суждено было исполниться. Еще при жизни Павла I-го у насъ нѣсколько разъ назначались выборы. Перемѣны въ коронной администраціи тоже продолжались: Беклешова смѣнилъ Гудовичъ, и со вступленіемъ на тронъ Александра I присланъ былъ Эссенъ. Волинскимъ губернаторомъ сдѣланъ генералъ Рѣшетовъ—человѣкъ справедливый и безкорыстный, губерnskимъ маршаломъ избрали Станислава Ворцеля¹⁾, подстоія литовскаго и владѣльца значительныхъ имѣній, имѣвшаго много польскихъ орденовъ и славившагося безукоризненною честностію. Тележнскій, выбранный президентомъ втораго Департамента Суд. Палаты, отличался энергіею и самоотверженіемъ при исполненіи обязанностей. Онъ самъ

¹⁾ Отецъ знаменитаго въ эмиграціи Ворцеля.

отлично зналъ законы и былъ хорошо образованъ. Слава о его справедливости до сихъ поръ не забыта. Онъ продалъ двѣ деревни и окончивъ службу сталъ бѣднѣе на 200.000 злотыхъ, но оставилъ послѣ себя имя, не запятнанное малѣйшимъ упрекомъ.

Съ Эссеномъ, при посредствѣ Мартна Букара, у котораго онъ бывалъ часто и гдѣ я тоже былъ домашній чловѣкъ, мнѣ удалось познакомиться довольно близко. Это былъ администраторъ учтивый, любезный, безкорыстный, вообще очень доступный и къ намъ хорошо расположенный.

IX. Домашнія дѣла и выборы 1803 года.

Послѣдніе три года я нигдѣ не служилъ. Небольшое мое хозяйство въ Сидачевкѣ позволяло мнѣ посвящать большую часть времени удовольствіямъ. Въ Житомирѣ я былъ очень рѣдко, только проѣздомъ къ дядѣ или въ свои Овруцкія имѣнія. Въ моемъ сосѣдствѣ у насъ былъ очень дружескій кружокъ, въ которомъ единственною цѣлью всѣхъ было провести время, какъ можно пріятнѣе. Къ такому кружку принадлежали генералъ Карвицкій, Мартинъ Букаръ и его мать, Антонъ Гижицкій, Юковскій, Гальскіе, Чайковскій, Домбровскій, Нудзинскій, Піотровскій, Матеей Радзивиллъ изъ Бердичева и многіе другіе. Каждый годъ я бывалъ въ Львовѣ, но никогда уже не попадалъ тамъ въ сѣти и не жилъ болѣе восьми дней. Но и Львовъ не былъ уже тѣмъ, чѣмъ бывалъ прежде. Понемногу начали тѣснить поляковъ; примѣромъ такихъ случаевъ можно указать на Трже-тицкаго, Ратиборовскаго и Дзедушицкаго. Послѣдній только болѣзнию и калѣчествомъ своимъ избавился отъ жестокой участи, а въ тюрьму все таки попалъ. Съ пріѣзжавшими

тоже въ Львовѣ обращались не совсѣмъ вѣжливо. Однажды, прибывъ въ Львовъ на нѣсколько дней, я отплавилъ свой паспортъ въ полицію. На утро меня потребовали къ директору полиціи, я засталъ его держащаго въ рукахъ мой паспортъ.

— Вы сейчасъ выѣдете изъ города, сказалъ онъ, а эти два ландрата проводятъ васъ. Я выѣхалъ разумѣется сейчасъ, и только на часъ пути за городомъ ландраты оставили меня одного.

Въ 1803 году я и генералъ Карвицкій ѣздили въ Одессу; проѣздомъ заѣзжали въ Ковалевку Климентія Потоцкаго, гдѣ шла публичная продажа всѣхъ вещей и драгоценностей магнатскаго дома. Потоцкій былъ женатъ съ принцессой де Линь, и въ Ковалевкѣ для нея великолѣпно убралъ дворецъ. На съѣздѣ для публичной продажи засѣдали наши маршалы и плутовали при продажѣ того что еще не было разворовано экономами и администраторами Потоцкихъ. Карвицкій купилъ два большія англійскія зеркала, парижскія бронзы и кое-что изъ библіотеки. Я приобрѣлъ цугъ гнѣдыхъ англезированныхъ лошадей за 205 червонцевъ; мнѣ за нихъ въ Бердичевѣ потомъ уплатили 360 червонцевъ. Въ Одессѣ мы прожили двѣ недѣли, а по возвращеніи домой къ намъ пріѣхалъ дядя и вручилъ мнѣ 800 червонцевъ — первыя деньги, данныя мнѣ послѣ возвращенія изъ ссылки. Онъ еще купилъ для насъ деревню на литовской границѣ, Медвѣдно, за 40.000 злотыхъ. Я въ ней всего одинъ разъ только и былъ и по смерти дяди въ 1808 г. продалъ ее за 54.000 злотыхъ.

Въ этомъ году жена моя ѣздила въ Львовъ со мною, чтобы познакомиться съ женою своего брата Гилярія. Тогда же мы посѣтили и всю фамилію моей жены, жившую въ

львовскомъ округѣ. На контрактахъ этого года съ большими затрудненіями удалось мнѣ получить обратно мои капиталы 40.000 злотыхъ, а какъ не представлялось случая помѣстить ихъ выгодно и безопасно, пришлось всѣ эти деньги взять домой. Въ Бердичевѣ проѣздомъ я узналъ, что лучший другъ моей юности, Антонъ Гижицкій, внезапно умеръ. Въ немъ я потерялъ истиннаго друга и теперь еще, при воспоминаніи, безъ горя не могу думать о немъ. Гижицкіе происходили изъ Мазовецкой Шляхты, родоначальникомъ ихъ былъ Вацлавъ Гижицкій, земскій судья въ Сохачевѣ въ 1400 году. Вареоломей Гижицкій, такъ часто упоминаемый въ этихъ мемоарахъ, еще при жизни Императора Павла поступилъ въ русскую военную службу, служилъ сперва въ Грузіи полковникомъ гусарскаго крестовскаго полка, потомъ стоялъ въ Кременцѣ и затѣмъ перешелъ въ драгуны. Въ 1807 году въ войнѣ противъ французовъ онъ былъ уже генераломъ и получилъ Владиміра третьей степени. Въ бытность мою въ Одессѣ съ Барвицкимъ я присмотрѣлся къ тамошнимъ торговымъ оборотамъ съ пшеницею, и мнѣ захотѣлось попробовать счастья. На слѣдующій годъ (1804 г.) я скупилъ три тысячи коренья пшеницы по девяти злотыхъ за корецъ, нанялъ чумаковъ по семи злотыхъ за доставку въ Одессу съ каждаго корца и отправилъ транспортъ въ день Св. Николая (6 Декабря). Въ май я и самъ поѣхалъ за моимъ транспортомъ. На несчастіе транспортъ мой завязъ въ грязи. Три недѣли лили дожди, въ Севериновкѣ пришлось нанимать помѣщеніе, сушить и провѣтривать замокъшій хлѣбъ, но спасти его уже было трудно; онъ отдавалъ затхлостію. Въ Одессѣ его не хотѣли покупать. Мой знакомый еще по Варшавѣ купецъ Форегеръ, которому я показалъ пробу, отказался тоже взять, мой тухлый хлѣбъ. Всѣ

кому не показывали несчастную пшеницу, пожимали плечами и не брали даже за безцѣнокъ. Помѣщеніе снова было нанято у Форегера, снова началась просушка и вѣяніе. Все это стоило дорого, а дѣлать было нечего, надо было каждый день сушить и вѣять. На мое счастье изъ Марсея прибылъ корабль и оказалось, что въ магазинахъ Одессы нѣтъ въ наличности потребнаго количества пшеницы для нагрузки корабля. При помощи Форегера мнѣ удалось тогда продать мою пшеницу. Отчисливъ всѣ расходы въ дорогѣ и въ Одессѣ, также и то, что мнѣ самому пришлось истратить, я получилъ еще 4% барыша на капиталъ. Поблагодаривъ Бога за такое счастье, я постановилъ больше не браться за подобныя предпріятія. Изъ Одессы я привезъ на 400 червонцевъ дорогихъ винъ, шампанскихъ и бургундскихъ, также прованскаго масла, и все это распродалъ моимъ сосѣдямъ. Пятая часть каждаго сорта вина мнѣ осталась въ барышахъ. Но если бы я и на 1.000 червонцевъ привезъ винъ, и то бы все было раскуплено. Въ этомъ году, возвратившись съ контрактовъ, я имѣлъ дома въ наличности 160.000 злотыхъ капитала. Приданое жены, которой кончилось въ этомъ году 24 года, по ея довѣренности я получилъ изъ комиссіи, гдѣ оно оставалось до ея совершеннолѣтія. Дядя мой далъ мнѣ еще 10.000 злотыхъ, и это было уже послѣднее его благодѣяніе. Возвращаясь домой онъ получилъ апоплексическій ударъ и хотя его на этотъ разъ спасли, но жилъ онъ уже не долго. Въ 1806 году 10 апрѣля онъ умеръ. Любовь и почтеніе наше къ этому честнѣйшему изъ людей и лучшему изъ родственниковъ были безграничны; наше горе только время могло утишить.

Моржковскій предложилъ мнѣ за 120.000 злотыхъ, взять подъ залогъ и по заставному праву (до уплаты взятыхъ де-

негъ по заставному праву, имѣніе находится въ распоряженіи кредитора) имѣніе Волицу; я согласился и выплатилъ ему деньги сполна. Онъ развелся съ женой, и ему нужно было выплатить ей приданое. Когда я взялъ въ распоряженіе Волицу, дешевизна была замѣчательная: рожь по 4 злота за корецъ. Въ Бердичевѣ на ярмаркѣ у меня было съ собою 500 червонцевъ. Помѣщики Янъ и Игнатій Велижинскіе начали набиваться, чтобы я у нихъ купилъ тысячу корцевъ ржи. Они арендовали имѣніе Симгородскъ К. Карвицкаго; хлѣба было множество, но въ деньгахъ нуждались. Сперва я предлагалъ имъ просто въ долгъ 200 червонцевъ, но какъ они настаивали непремѣнно продать — я долженъ былъ согласиться и купилъ 1000 корцевъ, уплативъ за нихъ 200 червонцевъ. Зима стояла ужасная; снѣга упали на замерзлую еще землю 18 октября и пролежали до 18 апрѣля, и всѣ озимныя посѣвы погибли; гречиха въ копнахъ, прикрытая снѣгомъ, тоже погибла. И цѣны ужасно поднялись. Съ четырехъ злотыхъ рожь поднялась по рублю за корецъ. Посылаю къ Велижинскимъ за моею рожью, но вмѣсто ея они являются сами и просятъ взять обратно 200 чер. и уничтожить контрактъ. Я не согласился, но потомъ, на усиленные просьбы, уступилъ половину. Они доставили мнѣ 500 кор. и взяли за нихъ 100 червонцевъ. Эти 500 корцевъ дали мнѣ барыша въ іюль 10.500 злотыхъ. Безъ уступки Велижинскимъ я взялъ бы барыша вдвое больше. Это былъ замѣчательный годъ. Люди, имѣвшіе запасы хлѣба, сдѣлали себѣ состояніе. Будзинская, владѣвшая только двумя имѣніями, одна продала хлѣба на 400.000 злотыхъ; Францъ Гижицкій продалъ почти на столько же. Овесъ былъ по 14 злотыхъ за корецъ; гречиха и ячмень по 18 злотыхъ. И на второй годъ былъ такой же неурожай, и цѣны оставались тѣже. Въ этомъ году Импера-

торъ Александръ помогаль австрійцамъ противъ Наполеона. Но эти дѣла политическія и къ моему разсказу не относятся. Разскажу здѣсь одинъ случай со мною: было это у Букара въ имѣніи Райкахъ! Я и Домбровскій, владѣлецъ имѣнія Янушполь, сѣли было играть въ маріажъ по червонцу фишъ. Кто-то предложилъ заложить фараонъ. Домбровскій потребоваль сейчасъ же французскія карты (въ маріажъ мы играли польскими) и заложилъ въ банкъ 30 червонцевъ. Я поставилъ семерку *va banque* и выигралъ. Домбровскій вынулъ остальные изъ бывшихъ у него съ собою сто семьдесятъ червонцевъ и бросивъ ихъ на столъ, сказалъ: сто семьдесятъ червонцевъ взять не такъ легко, какъ тридцать.

— Семерка *va banque*! отвѣтилъ я и выигралъ. Придвинувъ къ себѣ деньги я уже хотѣлъ прекратить игру. Но Домбровскій, тасуя карты, даетъ мнѣ знакъ продолжать.

— Не понтирую, когда столъ пустъ, отвѣчаю я.

— Янушполь въ банкъ! воскликнулъ Домбровскій.

— Хорошо! отвѣчаю. Дайте мнѣ кресло: или 200 выигранныхъ червонцевъ проиграю, или выиграю Янушполь. Всѣ насъ окружили. Я поставилъ на карту 200 червонцевъ — и выигралъ; загнулъ пароль и выигралъ 600 червонцевъ; перегнулъ на 1200 и снова выигралъ; перегнулъ на двѣ тысячи четыреста — и опять выигралъ. Домбровскій вытеръ себѣ вспотѣвшій лобъ и просилъ меня ставить поменьше. Я отказался и перегнулъ карту на 4800 червонцевъ. Но тутъ жена и дѣти бросились умолять его бастовать, и онъ забастоваль. Только, для любопытства, онъ просилъ меня показать карту, которую я поставилъ, прометаль талью и оказалось, что я бы и эту карту выигралъ. Съ Домбровскаго я не потребоваль уплаты всего долга: онъ далъ мнѣ обязательство на 600 червонцевъ и золотую табакерку. Мнѣ говорили, что

я уступилъ напрасно; еслибы выигралъ Домбровский, то онъ бы не былъ такъ уступчивъ. Но я больше дорожилъ другомъ, чѣмъ деньгами, и имѣлъ въ Домбровскомъ друга до смерти. Въ этомъ году сгорѣлъ осенью знаменитый казенный дворецъ въ Житомирѣ, гдѣ Тутолминъ открывалъ учрежденія намѣстничества въ губерніи. Губернаторъ Рѣшетовъ выстроилъ, прислонивъ къ задней стѣнѣ дворца, маленькую кухню, и оттуда начавшійся пожаръ въ два часа истребилъ все зданіе. Всѣ вещи Рѣшетова тоже сгорѣли. Комиссія, назначенная изслѣдовать это дѣло, нашла, что онъ былъ невиненъ, а помѣщики Волини поспѣшили помочь ему, увидя въ немъ честность и доброту.

На выборахъ въ 1805 году Мартинъ Букаръ былъ выбранъ предводителемъ въ Житомирскомъ уѣздѣ. Корженевскій желалъ быть губернскимъ маршаломъ; всѣхъ поилъ, цѣловалъ и форсировалъ сколько возможно. Станиславъ Ворцель, тоже кандидатъ на губернскаго предводителя, не позволялъ себѣ никакихъ интригъ; за него говорили только его честность и добрыя качества. Я съ Ворцелемъ почти не былъ знакомъ; бывалъ только съ визитомъ; никогда на обѣдѣ или балу. Но общее благо потребовало того, и я объявилъ себя на сторонѣ Ворцеля. Только надежды нашей партіи были не блестящи. Корженевскій имѣлъ на своей сторонѣ весь Овручскій уѣздъ, т. е. сто тридцать избирательныхъ шаровъ. У меня были въ Овручскомъ уѣздѣ связи, а самъ я тоже былъ избирателемъ, имѣя имѣніе въ немъ; братъ мой въ это время былъ избранъ въ Овручскомъ уѣздѣ засѣдателемъ. Выборы начались съ Житомирскаго уѣзда. Букаръ взялъ шаръ, и обращаясь ко всѣмъ помѣщикамъ, заявилъ:

— Противъ г. Корженевскаго нѣтъ у меня никакого частнаго неудовольствія; во время его засѣданія въ Судебной Па-

латѣ у меня не было ни одного процесса. Но въ дѣлѣ выбора между Ворцелемъ и Корженевскимъ общее благо требуетъ, чтобы я заявилъ себя на сторонѣ Ворцеля, а посему подаю голосъ открыто: кладу шаръ направо Ворцелю и налѣво Корженевскому. Всѣ одушевились, и весь уѣздъ воскликнулъ:

— Благодаримъ г. маршала за примѣръ, и всѣ послѣдуемъ за нимъ. И всѣ дали направо Ворцелю. Ганскій, Кержинскій, Залѣскій и я положили употребить всѣ старанія въ остальныхъ уѣздахъ, чтобъ тоже провести кандидатуру Ворцеля. Съ прочими уѣздами кое-какъ удавалось, но Овручскій упорно стоялъ за Корженевского. Велѣли подать въ буфетъ пятьдесятъ бутылокъ шампанскаго и пригласили туда всѣхъ овручанъ, а я остался распорядителемъ. Но увы пятьдесятъ бутылокъ только мелькнули и исчезли. Чего не достало дополнили пуншемъ. Когда призвали избирать Овручскій уѣздъ всѣ почти избиратели были уже на нашей сторонѣ и дали мнѣ честное слово выбрать Ворцеля. Букаръ заступалъ мѣсто губернскаго предводителя, Корженевскій, овручскій предводитель, не могъ по закону быть въ избирательномъ кругу, когда дѣло шло о немъ самомъ и его даже вовсе не оказалось въ залахъ. Мнѣ поручили исправлять обязанности маршала, дали въ руки шары и разумѣется всѣ положили «избирательные» Ворцелю. У Корженевского не оказалось и третьей части бѣлыхъ. Ворцель, на другой день, пріѣхалъ съ визитомъ ко мнѣ и благодарилъ за старанья. Жена М. Букара была долгое время больна; онъ не могъ самъ исправлять обязанность предводителя и передалъ мнѣ. Я заступилъ его мѣсто до самыхъ выборовъ 1808 года.

Старшую дочь нашу Эмилию Карвицкіе отвезли въ этомъ году въ пансіонъ въ Варшаву.—Возвращаясь изъ Вѣны въ

Житомиръ прїѣхалъ князь Адамъ Чарторыжскій и остано-
вился у губернатора. На другой день былъ обѣдъ, на ко-
торомъ было до сорока помѣщиковъ и я въ томъ числѣ. Мы
условились провожать князя Адама до станціи Студеницы и
взяли въ сани шампанскаго. Но Чарторыжскій пить отка-
зался и только четыре бутылки были откупорены. Ѳадѣя Чац-
каго Императоръ Александръ сдѣлалъ инспекторомъ и на-
чальникомъ образованія въ западныхъ губерніяхъ. Онъ всёмъ
пожертвовалъ, чтобы Кременецкую гимназію довести до выс-
шей степени процвѣтанія. И успѣлъ въ этомъ: Кременецкая
гимназія (лицей) равнялась съ высшими учебными заведеніями
не только нашими, но и иностранными. Неутомимо трудился
онъ, собирая средства для поддержанія этого дѣла; и надо
отдать ему справедливость: большую часть собственнаго
состоянія Чацкій тоже употребилъ на Кременецкій лицей.
Онъ установилъ комиссію воспитанія въ Кремендѣ, и эта
комиссія возобновила всѣ старыя записи и документы отъ
кого и сколько было недопложено, по находившимся въ его
рукахъ имѣніямъ. Много было безпокойства и убытковъ по-
мѣщикамъ по поводу этой комиссіи, сѣдившей безапелляці-
онно, но за то милліоны явились на народное образованіе.
Волконскій, бывшій губернаторомъ, былъ смѣненъ чрезъ во-
семь мѣсяцевъ, и на его мѣсто назначенъ Комбурлей, извѣст-
ный по своей дѣятельности въ лѣтописяхъ Волыни.

Х. Комбурлей губернаторъ.

Комбурлей, дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ
двора и кавалеръ ордена св. Владиміра III степени, человекъ
живой и пылкій, имѣлъ характеръ очень неровный и пере-
мѣнчивый: впрочемъ у него было много и хорошихъ качествъ.

Въ августѣ онъ приѣхалъ въ Житомиръ, сначала одинъ, безъ семейства. Всѣ мы служащіе были у него, и онъ на другой день пригласилъ насъ на обѣдъ. Обѣдъ былъ барскій, вина превосходныя, и послѣ обѣда сейчасъ же сѣли играть нѣ карты. Домъ, гдѣ жили губернаторы послѣ пожара, былъ небольшой. Комбурлей перешелъ въ домъ Корженевского. Потомъ онъ выстроилъ огромную залу въ два свѣта съ галлереею для музыкантовъ и буфетомъ съ одной стороны и двѣнадцатью комнатами съ другой стороны залы. Все зданіе было великолепно меблировано. И все это окончено въ два мѣсяца. Въ домѣ Корженевского Комбурлей принималъ князя Ипсиланти, господаря Валахскаго, бѣжавшаго съ семействомъ отъ присланной султаномъ петли. Князь ѣхалъ съ двумя сыновьями и сыномъ; за нимъ въ особой телегѣ, въ огромномъ кованомъ сундукѣ, везли миліонъ червонцевъ. Вся семья была въ восточныхъ плагяхъ съ бородами и въ турбанахъ. Женщины были одѣты по французски. Фамилія Ипсиланти за обѣдомъ сидѣла одна; мы стояли вокругъ. Комбурлей и свита Ипсиланти обѣдали въ другой комнатѣ. Вообще ихъ принимали какъ особъ царствующаго дома. Кареты, въ которыхъ они ѣхали, были безъ лавокъ, а только выстилались коврами и они сидѣли въ нихъ по восточному, скрестивъ ноги.

На встрѣчу жены Комбурлея, кромѣ его, выѣхали Ворцель, губернский маршалъ, я и другія лица. Жена Ворцеля ждала въ Слободкѣ Имѣніе это житомирскія губернскіе предводители держали въ арендѣ для удобства: чтобы имѣть имѣніе вблизи губернскаго города. Въ Слободкѣ былъ обѣдъ на шестьдесятъ человѣкъ. Съ губернаторшей прибыла надворная инструментальная музыка и пѣвчіе сто двадцать человѣкъ, огромная служба: шестнадцать лакеевъ, четыре камердинера и нѣсколько огромнаго роста гайдуковъ, которые

только ѣздили за каретой. Въ Житомирѣ снова началась веселая жизнь. Домъ Комбурлея былъ барскій, Ворцеля тоже; князь Четвертинскій пристроилъ тоже къ своей квартирѣ огромную залу для танцевъ и принималъ. Всѣ эти люди были народъ очень любезный, гостепріимный и держали поваровъ. Комбурлей во время масляной давалъ обѣдъ и большой балъ въ воскресенье. Ворцель во вторникъ, Четвертинскій въ четвергъ. Въ эту зиму Житомиръ кромѣ того былъ еще переполненъ пріѣзжими: жили тамъ Нарышкина, урожденная Четвертинская, Бѣлинскій, Хлюневскій, князь Казимиръ Любомирскій, Янъ Тарновскій и другіе, всего до тридцати молодыхъ и богатыхъ людей. Всѣ они давали пышные завтраки, и человѣкъ могъ затрудниться развѣ только тѣмъ, куда идти. Изъ Одессы черезъ каждые пять шесть дней привозили устрицы, сыры голандскіе и сельди, кромѣ того навезено было визиги, осетровъ, стерлядей и т. п. Комбурлей былъ всегда очень радъ, если кто приходилъ къ нему обѣдать безъ зову. Онъ обѣдалъ всегда ровно въ два часа. Однажды мы собрались, и въ числѣ сорока человѣкъ пришли ровно въ два, когда уже хотѣли подавать къ столу. Въ малой проходной залѣ обѣдъ былъ накрытъ человѣкъ на двадцать. Намъ подали закуску и водку. Едва мы закусили, какъ отворились двери въ большую залу, гдѣ мы увидѣли великолѣпно сервированный столъ на шестьдесятъ персонъ. Обѣдъ оказался великолѣпный съ десертомъ, и Комбурлей былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

У Комбурлея гостила мать его жены, генеральша Хрущова съ двумя некрасивыми, но очень милыми дѣвками. У него бывали неслыханно высокія игры. Бостонъ и вистъ по рублю серебрянному фишъ, ежедневно на восьми, а иногда и болѣе столахъ. За карты, за игру (двѣ золотообрѣзныя

талиі) платилось три руб. сер. и каждые три робера ихъ перемѣняли. За исключеніемъ расхода на свѣчи, мѣлки и марки, прислуга Комбурлея въ годъ получала съ картъ 12.000 руб. сер. дохода. Ворцель день и ночь игралъ въ бостонъ и у себя дома и въ гостяхъ. Въ фараонъ мы уговорили его не играть, такъ какъ онъ постоянно проигрывалъ. Князь Четвертинскій игралъ сильно, но хорошо и былъ въ выигрышѣ. Матеей Радзивиллъ изъ Бердичева и Домбровский всегда проигрывались, возвращались домой, собирали деньги, чтобы ихъ вновь проиграть. Понинскій у себя всегда держалъ банкъ. Но я въ эту игру не игралъ. Одинъ только разъ случилось играть. За ужиномъ у Комбурлея хозяинъ предложилъ намъ особое вино, изъ того сорта, который онъ послалъ ко двору. Былъ это «маслячъ» (венгерское), но не очень старый. «Поѣзжайте ко мнѣ, шепнулъ намъ Понинскій, я вамъ покажу вино!» Четвертинскій, Бѣлинскій, Хлоневскій, Велижинскій и я отправились. Онъ намъ дѣйствительно предложилъ великолѣпное вино; выпивъ по стакану у насъ помутилось въ головѣ, мы захотѣли выпить по второму. Понинскій сейчасъ же заложилъ фараонъ на три тысячи серебрянныхъ рублей. Пьяный Четвертинскій понтировалъ сильно, захватывая кучами изъ банка и проигралъ цѣлыхъ двѣ костюли серебрянныхъ рублей. Наконецъ онъ свалился съ кресла, какъ мертвый. Велижинскій, играя на мѣлокъ, не жалѣлъ мѣлка и проигралъ 3000 р., которые и не заплатилъ, за что мы его изгнали. Бѣлинскій проигралъ 200 червонцевъ, и я, играя осторожно, наложилъ денегъ во всѣ карманы и выигралъ 360 рублей.

Комбурлей перемѣнялъ почти всѣхъ коронныхъ чиновниковъ и привезъ своихъ. Между этими былъ вѣкто R, чудакъ, плохой наружности, но очень гордый своимъ положеніемъ.

Ему вздумалось сдѣлать статистическо-соціалогическое описаніе Волыни. Въ этомъ описаніи мы были выставлены, какъ какіе нибудь готентоты; все было оплевано и осмѣяно, жизнь и нравы, со злобой и глупо. Этого господина остановили разъ какіе то незнакомцы ночью и дали ему около ста воспоминаній, очень горячихъ, въ поученіе чтобы онъ другой разъ не писалъ ничего подобнаго. По поводу этого случая были и сатирическіе стихи, но я ихъ къ несчастію теперь неупомню. Съ разрѣшенія государя, дворянство поднесло Комбурлею золотую, осыпанную брилліантами табакерку, стоившую 5000 червонцевъ, съ надписью

*Volhynia grata recto Custodi legum
Michaelo Comburlejo.*

Всѣ съ большой охотой давали въ складку на поднесеніе ему этого подарка.

Начиналась буря. Наполеонъ угрожалъ прусскому королю. Императоръ нашъ, какъ союзникъ, обѣщалъ помощь Пруссіи. Велѣно было въ губерніи Волынской заготовить магазины. Сенаторъ Ворцель, братъ губернскаго предводителя, пріѣхалъ изъ Петербурга и предложилъ составить компанію для выполненія подряда. Компанію составили оба Ворцеля, князь Четвертинскій, Тарновскій, Букаръ, Гачинскій, Понинскій, дѣйствовавшій чрезъ Залѣскаго, Домбровскій и я. Хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а цѣны правительства не были высоки. Для залога у меня не доставало имѣнія и Д. Четвертинскій далъ за меня залогъ. На мою долю отдѣлили магазины заславскіе, константиновскіе и лабуньскіе. Сторона была хлѣбная и цѣна тамъ не была очень высока. Восемьдесятъ пять тысячъ третья часть изъ суммъ задатковъ, досталась на мою долю. Асигнаціи въ это время стояли по семидесяти пяти

за 100 рублей. Я сейчас же отправился въ Константиновъ, гдѣ стоялъ генераль Сиверсъ, желая деньгами удовлетворить полковыхъ командировъ. Но оказалось, что пришлось бы къ каждой четверти еще своихъ по 25 к. прибавить. Въ Острогѣ былъ еврей Авель Острогскій, бывалый въ подрядахъ; я обратился къ нему. Но онъ потребовалъ по 40 к. доплаты къ каждой четверти. Въ Лабунѣ было тоже самое. Отчаяніе овладѣло мною. Возвратясь домой, огорченный и опечалѣнный, я застаю Чайковского, предлагающаго мнѣ уступить ему за 2000 р. барыша мою часть подряда. Я конечно съ радостью согласился. Мы поѣхали въ Житомиръ, и все формально кончили. Всѣ прочіе участвовавшіе въ подрядѣ потеряли очень много. Домбровскийъ и Понинскій потеряли каждый по 100.000 злотыхъ; Букаръ потерялъ все состояніе; его повѣренный Строжевскій укралъ до 50.000, кромѣ ста тысячъ убытку. Но все таки подрядъ былъ выполненъ, и мы получили благодарственный рескриптъ. Ворцель сенаторъ былъ умный человѣкъ, но на этомъ дѣлѣ ошибся и потерялъ. Жена Комбурлея, урожденная Кондратьева, принесла своему мужу въ приданое 6000 душъ; она была красива лицомъ, скромна, характера тихаго и меланхолическаго. Со всѣми очень учтивая, но полежъ не любила, обвиняя ихъ въ томъ, будто онѣ кокетничаютъ съ ея мужемъ. Это впрочемъ было справедливо: одна madame В. стоила Комбурлею до ста тысячъ злотыхъ. Жена Комбурлея со скуки садилась играть въ фараонъ и закладывала сто рублей асигнаціями. Игра продолжалась пока банкъ не былъ сорванъ, что почти всегда случалось, или пока она не выигрывала сверхъ своихъ, еще сто рублей.

Весной Императоръ Александръ выѣхалъ въ Берлинъ. Въ Пулавахъ онъ осматривалъ музей древности, устроенный Чар-

торыжскими. Въ 1811 году я видѣлъ въ книгѣ посѣтителей имя государя. Онъ подарилъ стеклянную крышу для зданія музея; она была отлита на казенныхъ фабрикахъ и доставлена на счетъ казны въ Пулавы. Изъ польскихъ провинцій вся молодежь пошла въ войска. Событія этой кампаніи извѣстны; въ нѣсколько недѣль Пруссія со всѣми крѣпостями очутилась въ рукахъ Наполеона. Въ бывшую Польшу вошли пять тысячъ легіонеровъ и эрцъ-герцогъ Фердинандъ долженъ былъ отступать передъ далеко слабѣйшимъ непріателемъ. Галицію тоже войска очистили, а въ Львовѣ установилось временное правительство, къ которому принадлежалъ и братъ жены Гилярій Семяновскій. Австрійцы послѣ возвращенія лишили его мѣста и званія статскаго совѣтника. Тильзитскій миръ будто бы успокоилъ Европу и явилось княжество Варшавское, отданное королю Саксонскому. При началѣ войны имѣнія всѣхъ ушедшихъ въ войска были конфискованы, потомъ конфискація была снята. Манифестъ открылъ всѣ вины; всѣмъ позволено было возвратиться домой. Но большая часть молодежи осталась однако въ войскахъ Юсифа Понятовскаго.

Годъ спустя я купилъ у Карвицкихъ Галеевку, а имѣніе Сидачевку уступилъ брату Маріану. Комбурлей уѣхалъ въ Петербургъ, и мы провожая его дали за Кіевомъ на другой сторонѣ Днѣпра, въ такъ называемомъ Красномъ кабачкѣ, завтракъ, стоившій двѣсти червонцевъ. Онъ простился съ нами какъ нельзя лучше. Букаръ былъ боленъ и я заступилъ его мѣсто. Въ мартѣ Комбурлей возвратился; мы сейчасъ были у него, но нашли въ немъ уже большую перемену: онъ отъ насъ отдалялся и сдѣлался далеко уже не такъ доступенъ, какимъ былъ до поѣздки въ столицу. На новыхъ выборахъ Ворцель отказался отъ званія губернскаго пред-

водителя. Онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, но потерялъ пять тысячъ душъ. Бартоломей Гижицкій шелъ на губернскаго маршала и такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что даже не хлопоталъ. Однако же случилось иначе; его перевысылъ избирательными шарами Гостыньскій. Можно вообразить что дѣлалось съ Гижицкимъ, гордымъ и горячимъ человѣкомъ.

Послѣ этихъ выборовъ, Комбурлей въ губерніи былъ всевластный, такъ какъ губерньскій маршалъ совершенно ему подчинился и даже почти не занимался своею должностію, передавъ ее уѣзднымъ. Я въ эти три года въ Житомирѣ бывалъ рѣдко, усердно занимаясь хозяйствомъ; изготовлялъ матеріалы для постройки каменнаго дома и поддерживалъ обѣднѣвшихъ крестьянъ. Въ это время у меня скоростижно умеръ старшій сынъ Іосифъ: у него отъ неизвѣстной причины бросилась кровь горломъ и носомъ, и онъ умеръ въ нѣсколько минутъ.

XI. Княжество Варшавское, 1812 годъ и плѣнные.

Станиславъ Карвицкій намѣревался жениться на Юковской. А такъ какъ имѣнія Карвицкихъ, послѣ смерти генерала Карвицкаго, должны были достаться двумъ братьямъ и матери и были разбросаны частью въ нашемъ краѣ, а частью въ княжествѣ Варшавскомъ, то и положено было сдѣлать раздѣлъ. Меня пригласили участвовать въ этомъ раздѣлѣ и ѣхать съ Станиславомъ Карвицкимъ въ Хибицы Радомскаго департамента для совершенія всѣхъ формальностей раздѣла. Въ княжествѣ Варшавскомъ введенъ былъ кодексъ Наполеона, а по статутамъ этого кодекса слѣдовало составить семейный совѣтъ изъ трехъ членовъ со стороны матери и трехъ

съ отповской стороны. Приѣхавъ въ Хибиць мы встрѣтили множество затрудненій, сперва при составленіи фамильнаго совѣта, потомъ при утвержденіи постановленій этого совѣта въ трибуналъ. Необходимо было до представленія въ трибуналъ представить одобреніе трехъ присяжныхъ адвокатовъ и одобреніе королевскаго прокурора. Прокуроромъ былъ нѣкто Май, префектомъ Непомукъ Малаховскій, а совѣтникомъ департаментскимъ Рогуйскій. Необходимо было давать обѣды и устранять разныя трудности. Дѣло это заняло нѣсколько недѣль. Окончивъ хлопоты и выѣхавъ изъ Радома, я, надо сознаться, вывезъ о нравственномъ положеніи княжества Варшавскаго не очень высокое мнѣніе.

Мнѣ захотѣлось быть въ Варшавѣ и видѣть оуять старую столицу, гдѣ столько находилось дорогихъ воспоминаній моеей юности. Я нашелъ вездѣ еще свѣжіе слѣды 1794 года и войны 1808 г.; стѣны изстрѣляанныя, дома стоящіе по большей части пустыми; дворцы и публичныя зданія заброшенные и жителей обѣднѣвшихъ и упавшихъ духомъ. Мы остановились въ саксонскомъ дворцѣ; въ правомъ флигелѣ помѣщалась ресторация г. Зразовскаго. Мы заняли четыре комнаты и еще одну для прислуги, кромѣ того конюшню и сарай для экипажей — и за все платили по три злотыхъ (45 к.) въ сутки. Привожу этотъ случай, чтобы показать до какой степени бѣдности дошла Варшава и какъ мало было въ ней движенія. Только новое польское войско, подъ предводительствомъ Юсифа Понятовскаго, украшало городъ своимъ воинственнымъ видомъ и прекрасною организаціею. Каждый день производились маневры на саксонской площади. Видѣлъ я и саксонскую королевскую чету съ дочерью инфанткою, которой нѣкогда предлагали польскую корону. Они ѣздили въ открытой коляскѣ безъ ресоръ на ремняхъ. Тогда уже въ Варшавѣ гром-

ко говорили о близкой войнѣ 1812 года. Мнѣ же показалось все бѣдное княжество Варшавское нравственно и фактически доведенное до послѣдней степени упадка. Пробовалъ я отыскивать въ городѣ давнихъ знакомыхъ, но большая часть изъ нихъ выѣхала въ другіе края, вымерла или разорилась. Богатѣйшіе купеческіе дома Яшевича, Давидсона, Гасля, Тыкля, Геринга и Манючевича или вымерли, или разорились и оставили Варшаву. Огромные магазины, въ мое время переполненные товарами, теперь стояли пустыми. Только нѣсколько лавокъ сохранилось на Мюдовой улицѣ и краковскомъ предмѣстьѣ и напоминали, что этотъ городъ былъ некогда столицею. Одни жида таскались повсюду, бросались на проходящихъ и врывались въ жилища, набиваясь съ продажей вещей. — У князя Іосифа Понятовскаго я былъ нѣсколько разъ, пока онъ не выѣхалъ въ Яблонную. Въ войскѣ нашлось много знакомыхъ, но большею частію не изъ прежнихъ, а между молодежью недавно только прибывшею на службу изъ нашихъ губерній. Двѣ недѣли я прожилъ въ прежней столицѣ, сравнивая съ волненіемъ и печалью прежнее и настоящее, ничего хорошаго не обѣщавшее на будущее время. Здѣсь я купилъ четырехмѣстную карету за 240 червонцевъ и въ ней мы выѣхали домой, по дорогѣ въ Люблинъ. Въ Люблинѣ снова все было пусто и никого изъ прежнихъ знакомыхъ не отыскалось, за исключеніемъ madame Никоровичъ. Директоромъ полиціи былъ Цемневскій, товарищъ моей молодости. Я обошелъ пустыя и печальныя улицы города, для меня исполненные самыхъ дорогихъ воспоминаній. На праздникъ Рождества мы были уже дома.

Восьмидесятитысячная армія князя Багратіона стояла въ Волынской губерніи. Въ Цудновѣ стоялъ Савонни, и одинъ изъ отрядовъ его корпуса расположился въ Галеевкѣ; майоръ

Шаберъ, командиръ отряда, жилъ въ Карновцахъ. Я сейчасъ же познакомился съ Савонни и Шаберомъ и, при помощи ихъ, избавился отъ поляка капитана Ожинскаго, дѣлавшаго мнѣ непріятности. На его мѣсто мнѣ поставили португальскаго юнкера очень скромнаго молодого человѣка. Передъ праздниками, въ самый сочельникъ, ко мнѣ пріѣхалъ Антонъ Мошинскій, сватавшійся за старшей моей дочерью Эмилией. У меня уже года три жилъ Карвицкій, имѣлъ своихъ отдѣльныхъ три комнаты во флигелѣ, и хотя Мошинскому предлагали отдѣльную квартиру, но онъ захотѣлъ остановиться вмѣстѣ съ Карвицкимъ. На утро, придя ихъ навѣстить, я засталъ ихъ пьющихъ кофе, а казака Мстинскаго растянувшагося на диванѣ съ трубкою въ зубахъ, тоже пьющаго кофе. Это мнѣ очень не понравилось. Однако же не сказавши ни слова, но побывъ у нихъ недолго, я сейчасъ же ушелъ. Оба они явились ко мнѣ и объявили, что мнимый казакъ есть капитанъ Янишевскій изъ княжества Варшавскаго, пріѣхавшій сюда за своими дѣлами и обязанный скрываться, пока достанетъ необходимыя бумаги. Я больше объ этомъ дѣлѣ не разспрашивалъ.

Мошинскій и Карвицкій уговорили меня дать балъ генералу Савонни и всему корпусу офицеровъ. На этомъ балѣ и они были, и мы все время провели весело. Савонни съ своей стороны пригласилъ меня и Мошинскаго съ Карвицкимъ къ себѣ, и у него была веселая попойка. Отсюда Мошинскій и переодѣтый Янишевскій уѣхали въ Кіевъ.

Войну 1812 года, какъ подлежащую вѣденію политической исторіи, я описывать не буду. Наполеонъ достигъ Москвы; отсюда голодъ, морозы и пожаръ выгнали его, и онъ потерялъ всю армію въ ретирадѣ. Нельзя умолчать о великодушной и мужественной защитѣ россіянъ; о самоотверженіи

Растопчина, сжегшаго Москву, чтобы не отдать ее врагу, и отрекавшагося потомъ отъ своего великаго дѣла, какъ отъ какого нибудь прегрѣшенія. Подъ Лейпцигомъ въ Эльбѣ, прикрывая ретираду французской арміи, погибъ І. Понятовскій—рыцарь замѣчательный по своимъ великимъ способностямъ и характеру. Перехожу къ описанію событій этого времени, бывшихъ на Волыни.

Генераль Комбурлей оставался у насъ по прежнему. Онъ былъ уже сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ, имѣлъ орденна: Анны 1-ой степени и Владимира 2-ой степени. Краснъ онъ правилъ на правахъ генераль-губернатора. Наступило для насъ время огромныхъ реквизицій: фуража, провіанта, проводниковъ, лошадей, для кавалеріи и подъ артиллерію; четыре раза въ теченіе одного года взяты были рекруты; одинъ разъ вмѣсто рекрутовъ мы поставляли лошадей, воловъ, водку; такъ что въ одинъ годъ Галеевка, по моимъ реэстрамъ, уплатила 16.000 злотыхъ. Кромѣ того въ деревнѣ былъ постой ополченія: отъ многолюдства началась горячка и умерло 52 мужчины, все больше изъ молодыхъ, множество женщинъ и дѣтей. Въ домѣ тоже всѣ были больны, и мы сами себѣ готовили обѣды. За мною остались въ недоимкѣ четыре рекрута. Прислана была ко мнѣ по этому поводу военная экзекуція и вся вымерла. Снова послали для экзекуціи ко мнѣ шесть солдатъ; изъ нихъ трое сейчасъ же умерло, а трое бѣжали. Я подалъ жалобу Комбурлею и въ медицинское управленіе. Но время было горячее. Медицинское управленіе прислало только еврея фельдшера, а рекрутовъ все-таки велѣно было взыскать. Но мнѣ не кого было дать. Вмѣсто меня двоихъ далъ Домбровскій и двоихъ Карвицкій.

Къ довершенію несчастія, Антонъ Мошинскій, тотъ самый,

который былъ у меня съ переодѣтымъ капитаномъ Янишевскимъ и считался претендентомъ на руку моей Эмилиі, застрѣлилъ своего брата Карла. И сдѣлалъ онъ это не случайно, не въ припадкѣ гнѣва, а обдуманно, три дня готовясь къ убійству. Въ послѣднихъ числахъ октября я и Карвицкій получили отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ нашей помощи и приказывалъ намъ пріѣхать въ Овручъ, угрожая въ противномъ случаѣ донести на насъ. Оба мы поняли чѣмъ это пахнетъ; собрали общими силами 600 р., и по самой ужасной дорогѣ пустились въ путь. У доктора Бернацкаго, на всякій случай, мы взяли три приѣма сильнѣйшаго яду. Груда была страшная и морозы затрудняли ѣзду; шесть дней мы волоклись, съ отчаяніемъ въ сердцахъ, разбитые и взволнованные. Въ Овручѣ мы подѣхали прямо къ квартирѣ городничаго Фалькенгагена и немедленно увидѣлись съ Мошинскимъ. Онъ сидѣлъ на поручительствѣ, но съ солдатомъ.

— Чего ты хочешь отъ насъ?

— Помощи!

— Въ чемъ? какой?

— Дайте мнѣ тысячу рублей.

— На что же тебѣ деньги? Твое преступленіе извѣстно и наказаніе не избѣжишь?

— Не разспрашивайте! Давайте деньги, а не то у меня есть способъ запутать васъ и погубить!

Разговаривать съ нимъ даже было не возможно. Человѣкъ потерялъ всякій стыдъ и отрекся отъ всякой совѣстливости. Карвицкій рискнулъ предложить ему, чтобы онъ, для избѣжанія позора, принялъ ядъ. Но Мошинскій вовсе не интересовался ожидавшимъ его позоромъ. Пакетъ съ ядомъ у насъ онъ впрочемъ взялъ и спряталъ въ свою шкатулку.

— Теперь давайте деньги, сказалъ онъ. Не дадите—дону на васъ и погублю.

Мы начали съ нимъ торговаться и покончили на 200 червонцахъ. Но и этихъ денегъ у насъ уже не было. Дорога намъ стоила много, и за исправленіе одной только поломавшейся коляски пришлось заплатить сто пятьдесятъ рублей. Къ счастью въ Овручѣ былъ исправникомъ Мевсъ, родственникъ Карвицкаго, и у него добыли 300 руб. и полныхъ шесть сотъ отдали негодяю Мошинскому. Тогда онъ насъ заставилъ сверхъ того дать 300 р. асигнаціями еще для кого-то. Уѣхали мы нѣсколько успокоенные, не очень впрочемъ полагаясь на слово безчестнаго злодѣя. Онъ хотѣлъ, если бы мы ему не дали денегъ, объявить генералу Эртелю, что переодѣтый Янишевскій, котораго онъ безъ моего вѣдома ввелъ въ мой домъ, важный заговорщикъ, и что мы были въ сообщничествѣ съ нимъ и состояли въ заговорѣ. Мы еще были въ Овручѣ, когда туда привели плѣнныхъ французовъ, 2800 человекъ, взятыхъ при переправѣ чрезъ Березину. Между ними было нѣсколько человекъ офицеровъ поляковъ. Это были остатки корпуса, прикрывавшаго переправу чрезъ Березину и въ пухъ разбитаго русскими. И сегодня еще сердце мое обливается кровью, при воспоминаніи объ ужасномъ положеніи этихъ несчастныхъ. Были въ числѣ ихъ и нѣсколько человекъ изъ полка Евзебія Семяновскаго; всѣ голые, босые; ноги у страдальцевъ обвязаны только соломой, а тутъ на дворѣ стояли такіе морозы, что страшно вспомнить. Падали и мерзли. Необходимо было помогать и скорѣе, чтобы спасти хотя кого нибудь. Полкъ, приведшій плѣнныхъ, остался въ Овручѣ на три дня. Денегъ у насъ было мало. Но мы бросились по уѣзду. При помощи моего брата Непомука, помѣщиковъ Тржеціаки, Мержвинскаго, Головинскаго и Триполь-

скаго собрали складку: деньгами немного, но бѣльемъ, мѣхами и одеждой довольно порядочную складчину. Сняли съ себя что могли; даже наши люди охотно отдали съ себя тулупы. Братъ Непомукъ отдалъ все что только у него нашлось въ домѣ. Несчастливымъ помощь и облегченіе было большое, а намъ радость еще бѣльшая, что удалось спасти ихъ. Приѣхавъ въ Житомиръ, намъ пришлось ночевать. Утромъ рано, лошади стояли уже запряженные, когда вдругъ входитъ квартирный и говоритъ: генераль-губернаторъ требуетъ васъ къ себѣ!

Мы сейчасъ подумали, что это Мошинскій сдѣлалъ на насъ доносъ. Но надо было идти. Комбурлей былъ въ кабинетѣ.

— Откуда вы идете господа? спросилъ онъ насъ.

— Изъ Овруча.

— Что вы тамъ дѣлали?

— Я провѣдалъ брата, у котораго жена больна.

— А какія вы это, господа, дѣлали въ уѣздѣ складки для враговъ отечества и бунтовщиковъ?

Карвицкій молчалъ. Я ободрился, увидя что тутъ еще нѣтъ большой опасности. За складку насъ обвинить было нельзя; говоря Комбурлею, я одушевился и даже заплакалъ, описывая ужасное положеніе плѣнныхъ, возбуждавшее сожалѣніе даже во врагахъ. Это уже не враги наши, прибавилъ я, а только люди—безоружные, несчастные, угнетенные и между ними столько моихъ соотечественниковъ. Генераль! если я мягкосердеченъ, то я развилъ свое чувство состраданія бывши въ Россіи: и я и братъ мой испытали на себѣ доброту русскихъ и ихъ братскую помощь. Мы помогали не однимъ полякамъ, мы видѣли только несчастныхъ и спѣшили помочь. И если бы вы, ваше превосходительство, ихъ видѣли, вы бы и сами поспѣшили спасти ихъ...

Комбурлей не только не разсердился на такую смѣлую рѣчь, но впалъ въ самое лучшее расположеніе духа и воскликнулъ:

— Я не только не виню васъ, господа, за то, что вы сдѣлали, но очень этимъ доволенъ. Эти плѣнные пусть только попадутъ внутрь Россіи, тамъ не посмотрятъ, что они враги и надѣлали намъ бездну зла; у нихъ тамъ ни въ чемъ не будетъ недостатка.

Генераль-Губернаторъ, въ концѣ концовъ, пригласилъ насъ обѣдать и показалъ намъ, смѣясь, доносъ одного господина изъ овручанъ, въ которомъ очень подробно описывались наши труды на пользу враговъ отечества.

Возвратясь домой, послѣ новаго года, мы снова получили письмо отъ Мошинскаго; негодяй опять требовалъ, чтобы мы пріѣхали. Но мы не поѣхали; опасаться было уже нечего. 25 ноября объявлена была всеобщая амнистія для всѣхъ замѣшанныхъ въ политическихъ проступкахъ. Насъ уже не могли ни требовать въ отвѣтъ, ни судить, 'если бы и былъ какія подозрѣнія.—Въ этомъ году, кромѣ обычныхъ расходовъ, я издержалъ больше двадцати тысячъ золотыхъ.

ХІІ. Депутаты въ Петербургъ, масоны и Житомиръ.

Послѣ вѣнскаго конгреса императоръ Александръ возвращался въ Россію, напутствуемый благословеніями народовъ и покрытый славою; наравнѣ съ прочими провинціями и намъ дозволено было выслать уполномоченныхъ въ столицу. Въ іюнѣ насъ пригласили для выборовъ, и на выборахъ депутатами назначены сенаторъ графъ Иллинскій и братъ его Августъ, генераль Гижикій, князь Яблоновскій и Іосифъ Любомирскій. Въ этомъ же 1814 году должны были проис-

ходить и дворянскіе выборы. Графъ Иллинскій пригласилъ къ себѣ Домбровскаго, Букара, Залѣскаго, бывшаго житомирскимъ предводителемъ, Тележанскаго и меня, и въ присутствіи Вареоламея Гижицкаго передалъ намъ подѣ секретомъ, что будетъ хлопотать у императора за нашъ край и передастъ ему какъ можно вѣрнѣе положеніе губерній. Расчитывая на великодушіе Александра онъ надѣялся, что исходатайствуетъ искорененіе всѣхъ злоупотребленій.

— По этому поводу, окончилъ онъ, вѣроятно будетъ назначена ревизія губерній; необходимо по этому выбрать чиновниковъ честныхъ и дѣятельныхъ. Совѣтую вамъ, мои милые соотечественники, выберите Гижицкаго губернскимъ предводителемъ, Домбровскаго президентомъ, а Залѣскій пусть останется уѣзднымъ предводителемъ.

Все и было такъ сдѣлано, какъ совѣтовалъ графъ. Но Гижицкаго, получившаго въ Петербургѣ орденъ св. Анны 1-ой степени и зачисленнаго въ войска на дѣйствительную службу, Комбурлей не хотѣлъ утверждать въ должности губернскаго предводителя подѣ предлогомъ, что онъ состоитъ уже на дѣйствительной службѣ. Именное повелѣніе уничтожило вскорѣ это препятствіе. Въ это же время Иллинскій подалъ меморіаль о состояніи нашихъ провинцій, указалъ на средства помочь злу и лично сильно поддерживалъ свое представленіе. Императоръ, предѣ самымъ выѣздомъ въ Парижъ, назначилъ сенатора Сиверса ревизовать Волицъ; послѣ этого Иллинскій и Гижицкій возвратились въ Житомиръ. Намъ уведомили, что Сиверсъ скоро прибудетъ. Приѣхавъ онъ велѣлъ помѣщикамъ собраться по уѣздамъ на съѣзды и выбрать тамъ уполномоченныхъ, которые бы поддерживали интересы своихъ уѣздовъ. Житомирскій уѣздъ выбралъ: Букара, Оедоровича, Дунина, меня и еще нѣсколько человѣкъ, всего двѣ-

надцать уполномоченныхъ. Всѣ они засѣдали, вмѣстѣ съ уѣздными засѣдателями, въ комиссіи въ Житомирѣ въ теченіи двухъ лѣтъ. Комиссія открыла свои занятія. Графъ Иллинскій жилъ сперва въ Житомирѣ, но когда комиссія перенесла свою дѣятельность въ Бердичевъ, онъ также переѣхалъ въ Бердичевъ, энергически содѣйствуя ей и наблюдая, чтобы ничто не было упущено. Гжицкій тоже дѣйствовалъ съ своей стороны, а мы, уполномоченные, подавали петиціи. Сиверсъ нашелъ множество чиновниковъ виновными въ бездѣтельности и злоупотребленіяхъ, и всѣхъ ихъ отдалъ подъ судъ.

По этому случаю я попалъ было въ затруднительное положеніе. На другой день послѣ отдачи Сиверсомъ подъ судъ многихъ чиновниковъ, назначенъ былъ обѣдъ всего челоѣкъ на двѣсти. Я былъ распорядителемъ, и ничего не зная объ отдачѣ подъ судъ еще наканунѣ обѣда, разослалъ приглашенія, какъ было искони заведено, ко всѣмъ значительнѣйшимъ чиновникамъ, а въ томъ числѣ и ко многимъ уже преданнымъ суду по распоряженію Сиверса. Обѣдъ назначался въ шесть часовъ, для того чтобы въ залѣ и на улицахъ города иллюминація могла быть устроена и прида-ла торжеству болѣе эффекта. Пріѣзжаютъ Иллинскій и Сиверсъ и узнаютъ, что въ числѣ гостей въ залѣ находятся и многіе подсудимые.

— Развѣ и они получили билеты? спрашиваютъ меня.

Я признаюсь, что билеты были имъ разосланы и извиняюсь незнаніемъ распоряженія сенатора.

— Если они будутъ на обѣдѣ, мы не будемъ, отвѣчаютъ Иллинскій и Сиверсъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Это ужъ ваше дѣло. Вы должны имъ объяснить, что имъ слѣдуетъ удалиться... Дѣлать было нечего. Прика-

завъ подождать съ подачею кушаній, я по одиночѣ обратился къ каждому изъ отданныхъ подъ судъ и передалъ волю сенатора. Всѣ смирились и оставили залу. Обѣдъ окончился въ десять часовъ, и Гостынский, бывшій губерпскій маршалъ, сказалъ рѣчь, благодаря Сиверса за труды. Сенаторъ долженъ былъ выѣхать въ Петербургъ чрезъ три дня, и рапортъ Государю уже былъ готовъ. Въ немъ излагался открытій злоупотребленія чиновниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пояснялось, что Комбурлея нельзя сдѣлать отвѣтственнымъ за его чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе Комбурлей былъ обиженъ, что и не премкнулъ дать замѣтить Сиверсу. Выѣхавъ, Сиверсъ видѣлъ Императора, снова ѣхавшаго въ Парижъ, на почтовой станціи, и нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ Волны. Императоръ приказалъ строжайшимъ образомъ окончить начатое слѣдствіе.

Военный Департаментъ, послѣ отъѣзда Императора, потребовалъ, чтобы Гижикій немедленно отправился въ дѣйствующую армію въ Эмсъ. Дѣлать было нечего, онъ сдалъ должность предводителя Генриху Иллинскому и уѣхалъ. Пока онъ успѣлъ получить аудіенцію у Императора и выхлопотать отпускъ, прошелъ годъ, но это впрочемъ послужило къ лучшему. Онъ при личномъ свиданіи съ Александромъ успѣлъ передать ему всѣ обстоятельства дѣла на Волны. Послѣдовалъ именной указъ Гижикому возвратиться и принять должность губернскаго предводителя. Возвратясь онъ нашелъ нашу комиссію почти уничтоженною, а уполномоченныхъ разсѣянными. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Сиверсъ, и слѣдствіе снова началось съ энергіей. Только едвали оно успѣло бы что-либо открыть, если бы не бердичевскій жидъ Либшоуцъ Шварцманъ. Онъ указалъ всѣ купеческія книги и контрабандные товары. Начались конфискаціи въ Житомирѣ,

Бердичевѣ, Луцкѣ, Дубнѣ, Кременцѣ, Кіевѣ и Вѣлой Церк-ви. Продавались конфискованные товары очень дешево, а все-таки казна получила болѣе двухъ сотъ десяти тысячъ рублей серебромъ. Послѣ втораго рапорта Сиверса въ Петербургъ, Комбурля смѣнили и губернаторомъ назначили сперва Потоцкаго, вовсе не добивавшагося этой должности. Устроить губернію велѣно было сенатору Сиверсу. Мнѣ графъ Иллинскій предлагалъ быть совѣтникомъ губернскаго правленія, но я должности не принималъ. Всѣ коренныя должности и мѣста въ губернскомъ правленіи были отданы мѣстнымъ уроженцамъ. Въ этомъ же году Императоръ освободилъ военноплѣнныхъ. Въ числѣ освобожденныхъ былъ Евзебій Семяновскій, братъ моей жены, генераль Василевскій, маіоръ Земецкій и капитанъ Голуховскій. Всѣ они гостили у меня въ Галеевкѣ. Гжицкій и Иллинскій тоже были у меня. Въ Романовъ къ Иллинскому съѣхались всего около ста человѣкъ. Плѣнные, бывшіе въ Тамбовѣ, не могли нахвалиться гостепріимствомъ и добротою россіянъ. Комендантъ генераль Ширковъ и генеральша Циммерманъ, открывшая для нихъ свой домъ, были превозносимы похвалами.

Я самъ не могу ручаться за достовѣрное, но мнѣ приходилось слышать отъ людей старѣе меня, что еще въ царствованіе Августа III уже устроена была масонская ложа въ Варшавѣ. Генераль Брюль былъ ея венереблемъ (мастеромъ). Но тайна существованія ложи была неизвѣстна даже королю. Станиславъ Августъ, послѣ своей коронаціи, занялся устройствомъ ложи въ Варшавѣ. Самъ онъ былъ принятъ въ масоны въ Лондонѣ и получилъ тамъ высшую степень. Но въ Польшѣ только нѣсколько магнатовъ и дворянъ, воспитывавшихся за границею и принявшихъ тамъ масонство, занесли понятіе о немъ въ Польшу. Они даже не рѣшались

съ перваго начала устраивать ложи. И только съ теченіемъ времени, осмѣлившись, устроили въ Варшавѣ ложу съ сохраненіемъ глубочайшей тайны. Поляки считали масонскія ложи и франкмасоновъ за противниковъ религіи. Очень медленно увеличивалось число масоновъ и еще медленнѣе распространялись ложи въ провинціяхъ: въ Краковѣ, Познани, Вильнѣ и подъ конецъ основана ложа въ Дубнѣ, возлѣ Луцкой заставы подъ главенствомъ Михаила Любомирскаго. Поляки начали понемногу привыкать къ масонству, и число ложъ увеличилось. Въ 1786 году Стемцковскій подалъ въ постоянный Государственный Совѣтъ *memorandum*, испрашивая для обширнаго кіевскаго воеводства назначенія другаго офіціального доктора. Совѣтъ прислалъ молодого, только что получившаго докторскій дипломъ въ Краковѣ, Франца Гинча, получавшаго званіе доктора украинскихъ провинцій. Масоны поручили ему устроить ложу въ Житомирѣ для мужчинъ и для женщинъ. Обѣ были имъ устроены подъ названіемъ Разсѣянная тѣма Житомирскаго Востока. Венераблемъ мужской сдѣлался онъ самъ, а въ женской званіе это получила *madam* Вальцъ. Гинчъ былъ очень честный человѣкъ, но вліянія въ обществѣ не имѣлъ; въ Польшѣ существовалъ предразсудокъ, всегда ставившій доктора ниже землевладѣльца. Гинча мало кто зналъ. Смерть хорошаго Гяжицкаго, которую приписывали его неловкости, поколебала даже его докторскую репутацію. Онъ долженъ былъ очень остерегаться, чтобы избѣжать мести сыновей умершаго. Поэтому онъ не могъ ложу поставить на хорошую ногу и привлечь знатныхъ людей къ участию въ масонствѣ. Независимо отъ этого, Гинчъ еще принималъ членовъ съ большимъ выборомъ и требовалъ хорошей репутаціи и жизни примѣрной. Все это затрудняло распростране-

ніе масоновъ. Со вступленіемъ на тронъ Павла эта організація масоновъ у насъ было уничтожена, или вѣрнѣе укрывалась и притихла. Только въ Варшавѣ, принадлежавшей прусакамъ, ложа осталась неприкосновенною. По образованіи княжества Варшавскаго, ложи открыты были въ разныхъ мѣстахъ этого небольшого государства; ихъ даже было въ полкахъ и бригадахъ. Въ одной изъ такихъ военныхъ ложъ, въ Познани, венераблемъ былъ Эвзебій Семяновскій. Въ 1814 году въ Житомирѣ снова открыта была ложа, съ сохраненіемъ величайшей тайны. Нѣкто І. женился на дочери Гинча (отецъ долго не соглашался на этотъ бракъ) и поступилъ въ ложу. Онъ не имѣлъ никакого воспитанія, не отличался особенными талантами, но былъ ловокъ, дѣятеленъ и умѣлъ пользоваться для своей выгоды всякимъ случаемъ. По смерти честнаго Гинча, венераблемъ сдѣлался нѣкто L, офицеръ бывшихъ войскъ польскихъ. Прежде онъ арендовалъ часть имѣнія Полоннаго и тамъ, пользуясь добротой Валева, сдѣлалъ себѣ состояніе. Оба І и L, составившіи новую дирекцію ложи, повели дѣла иначе; стали вовлекать въ члены изъ молодежи, кто былъ побогаче; посвящали безъ разбора, собирали складки и не затруднялись пользоваться нужными людьми для своихъ частныхъ дѣлъ. Въ это время Варѳоломей Гижицкій сдѣланъ былъ губернаторомъ. Ложа начала сейчасъ же употреблять всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы втянуть Гижицкаго въ свою организацію. Гижицкій отъ этого уклонился, обѣщая ей однако помогать въ чемъ ему будетъ можно. Тогда дирекція начала добиваться такъ поставить дѣла, чтобы губернаторъ безъ нея не могъ обойтись. І. соединился съ Букаромъ, Прушинскимъ и Вислоцкимъ, и вскорѣ этотъ квадрумвиратъ такъ успѣшно подѣйствовалъ, что возмущилъ

спокойствіе губернатора. Вице-губернаторомъ былъ Спарскій, и съ нимъ Гижицкій сначала очень сблизился, но когда до тѣхъ поръ интриговала, творила сплетни и ябѣды, пока они не поссорились. Гижицкій наговорилъ Спарскому дерзостей, генераль W вступился за Спарскаго и съ своей стороны публично на обѣдѣ у Гижицкаго сказалъ ему тоже дерзость, въ присутствіи болѣе чѣмъ ста человѣкъ. Это случилось почти наканунѣ приѣзда Императора въ Житомиръ. Поединокъ отложили до отъѣзда Государя, и Гижицкій въ день отъѣзда Императора стрѣлялся. Секундантамъ у него были генераль Засъ и Леонтіевъ. Флигель-адъютантъ Артуръ Потоцкій остался нарочно въ Житомирѣ до окончанія поединка. Догнавъ Государя въ Дубнѣ, онъ доложилъ ему все дѣло и получилъ Монаршее прощеніе Гижицкому.

Но мы должны возвратиться и рассказать о посѣщеніи Александромъ I Житомира.

ХІІІ. Императоръ Александръ I въ Житомирѣ.

Мы были заранее увѣдомлены о днѣ приѣзда Государя и о согласіи его быть у дворянства на балу. Всѣ предводители были созваны и сдѣлана была съ величайшею охотою складка по 500 червонцевъ съ повѣта на торжество приема и бала. Въ театрѣ, сравнявъ партеръ и сцену, устроили огромную танцевальную залу; полъ въ ложахъ обили зеленымъ сукномъ, а стѣны бѣлымъ коленкоромъ съ драпировкой. Ложы перваго этажа соединили съ залой, а ложи втораго этажа образовали галерею для музыки. Надъ этой галереей устроены были транспаранты, изображавшіе важнѣйшія событія изъ послѣдней войны, взятіе Парижа и т. п.; шли надписи и эмблемы вокругъ всей залы между гирляндами и фестонами. Всѣ

драпри были изъ пунцоваго мериносо, и вся мебель — 500 кресель, — тоже обиты были пунцовымъ мериносомъ. Освѣщали залу двѣ тысячи свѣчъ. Транспаранты освѣщались тысячью масляныхъ лампъ. Позади театра, наскоро пристроили вторую залу; въ ней за одинъ разъ, вокругъ одного стола, триста человѣкъ могли ужинать. Устроены были два громаднхъ буфета. Въ одномъ поставлено было девяностъ различныхъ высокихъ сортовъ винъ, въ другомъ находились: чай, кофе, шеколадъ, варенье, конфекты, плоды и прочее. Мнѣ поручили устройство бала, ужина и буфетовъ, прислуги, музыки и всего необходимаго. Привезли повара Дагеза изъ Дубна, и онъ за 300 червонцевъ обязался приготовить ужинъ для главнаго стола; остальные нанятые повара должны были приготовить холодныя кушанья, долженствовавшія стоять на боковыхъ столикахъ, помѣщавшихся вдоль стѣнъ въ залѣ для ужина. Князья Любомирскіе, Яблоновскіе, графъ Иллинскій, Стецкій, Валевскій и другіе доставили серебро, хрусталь, фарфоръ, все нужное для буфетовъ и кухни. Всѣмъ этимъ заняли цѣлый особенный домъ, къ которому для караула ежедневно наряжали офицера и шестнадцать солдатъ. Чего недоставало брали изъ магазиновъ, въ особенности изъ магазина Ходоара—500 паръ великолѣпныхъ чашекъ, канделябры, бронзу и прочее. Изъ Романова (Иллинскаго) были присланы парижскія бронзы. Прислуга, мною избранная изъ красивѣйшихъ людей, состояла изъ восьми камердинеровъ у каждаго буфета, двадцать у главнаго стола, не считая прочихъ имъ помогавшихъ. Музыку далъ Ганскій, и были еще два оркестра полковыхъ. Сформировали оркестръ изъ 80 музыкантовъ подъ дирекціей славнаго Герке.

Незадолго предъ пріѣздомъ Государя, Гижицкій говоритъ мнѣ: поѣзжай и сдѣлай дамамъ визиты, пригласи ихъ на балъ.

— A madame V—g долженъ я приглашать, спрашиваю.

— Какъ же, непременно. Но мужу ея билета не посылай. Необходимо еще добыть большой портретъ Императора для постановки въ залѣ, добавилъ Гижицкій. Я, вмѣстѣ съ предводителемъ житомирскимъ, Залѣскимъ, поѣхалъ къ V—g, гдѣ насъ сейчасъ же приняли, и мы объявили вышедшей хозяйкѣ, что дворянство приглашаетъ ее на балъ. Но мужъ не далъ женѣ согласиться и заявилъ, что она не будетъ по слабости здоровья, а онъ будетъ, какъ чиновникъ. Я конечно ничего не сказалъ. У него висѣлъ большой портретъ Императора. Спрашиваю: не позволить ли онъ повѣсить его въ залу въ день пріѣзда.

— Нѣтъ, не могу! отвѣтилъ чиновникъ. А если хотите можете у меня купить за тысячу рублей.

Дѣлать было нечего и я уплатилъ тысячу рублей. Гижицкій узналъ объ этомъ, хотѣлъ было возвратить портретъ. Но чиновникъ портретъ не взялъ и денегъ не отдалъ. Пришлось оставить все какъ было уже сдѣлано. Императоръ подѣхалъ прямо къ церкви, оттуда отправился во дворецъ. Во дворцѣ ему представлялись одни мушеры. Въ театральную залу мушеры и дамы сѣзжались послѣ представленія. Еще до пріѣзда на балъ Государя, я какъ распорядитель ходилъ и угощалъ дамъ. Первой дамой считалась Ржевуская, жена гетмана, и разумѣется я старался держаться около нея не подалеку. Въ это время входятъ генералъ Сиверсъ и сенаторъ Стройновскій, послѣдній сейчасъ же подошелъ и заговорилъ съ гетманшей. Она говорила съ нимъ стоя. Онъ взялъ ее за руку и просилъ не беспокоиться для него и сѣсть.

— Что съ вами? пожимая презрительно плечами, отвѣтила Ржевуская. Откуда вы взяли, что я стою ради васъ... За-

полнены помѣщичьими лошадьми, и лошадей вездѣ оказывалось очень достаточно. Балъ окончился почти днемъ. Когда гости разъѣхались, я велѣлъ запереть всѣ двери и не отпустилъ ни одного человѣка изъ прислуги, пока всѣ вещи, фарфоръ, серебро и бѣлье, не было мнѣ сдано. Все оказалось въ цѣлости; ни одной тарелки даже не было разбитой. Madame Крашевская забыла батистовый платокъ, и тотъ былъ ей возвращенъ. Но за то я не спалъ два дня и двѣ ночи. Предводителей Гжицкій не выпустилъ изъ Житомира пока имъ не предъявлены были отчеты всѣхъ расходовъ; остатки винъ, конфекты и прочаго мы продали съ молотка желающимъ, и всѣ деньги, получившіяся въ экономіи отъ сбора на приемъ, Гжицкій передалъ въ монастырь сестеръ милосердія, покровительствуемый имъ въ особенности. Цѣлыхъ четыре недѣли прожилъ я по этому поводу въ Житомирѣ.

XIV. Интриги. Выборы 1816—1817 г. и смерть Александра I-го.

Послѣ отъѣзда Императора, Гжицкій хлопоталъ объ удаленіи вице-губернатора Сварскаго и успѣлъ въ этомъ, равно также успѣлъ, при помощи Сиверса, опредѣлить, на мѣсто Сварскаго, графа Филиппа Плятера. Сначала между ними была самая тѣсная дружба; Гжицкій уважалъ въ Плятерѣ аристократическое рожденіе, умъ и таланты. Плятеръ, будучи посвященъ въ масоны въ Варшавѣ, въ ложѣ житомирской бывать отказался, справедливо считая ее пользующеюся дурной репутаціей. Но такое согласіе между Гжицкимъ и Плятеромъ не нравилось дирекціи, и она начала вести интриги. Гжицкому толковали Богъ знаетъ какіе ужасы про Плятера, тому тоже самое плели про Гжицкаго. Удалось интриган-

тамъ не скоро, и вѣроятно до окончательнаго разрыва между друзьями никогда бы не дошло, если бы madame Гижицкой не показалось, что она лично обижена Плятеромъ. Гижицкій сдѣлалъ невѣжливость Плятеру, тотъ съ своей стороны тѣмъ же отплатилъ Гижицкому. Угрожали большія непріятности. Но Сангушкѣ удалось примирить противниковъ. На третій день однакоже Плятеръ, подучаемый сторонниками І. и ма-соновъ, снова началъ ссору и послалъ въ Петербургъ доносъ на губернатора. Копія доноса была препровождена Гижицкому. Онъ послалъ сейчасъ же ко мнѣ эстафету и велѣлъ прѣзжать.

— Что вамъ угодно приказать мнѣ, г. губернаторъ? спросилъ я, входя въ кабинетъ.

— Подите къ Плятеру и объясните ему, что я имъ лично оскорбленъ и желаю получить удовлетвореніе. Но мнѣ сперва надо знать: послѣ всѣхъ поступковъ Плятера могу ли я стрѣляться съ нимъ? Я желаю, чтобы это дѣло между нами прежде разсмотрѣли три уважаемыя всѣми особы: Сангушко, Яблоновскій и генераль Ржищевскій.

Изъ осторожности я взялъ съ собою свидѣтеля, для избѣжанія упрека въ томъ, что я невѣрно или неправильно передалъ слова Гижицкаго. Что и случилось: Плятеръ на предложеніе согласился, но отъ третейскаго разбора отказался. А когда я заявилъ слова Гижицкаго, что безъ обсужденія его поступковъ третейскимъ судомъ, губернаторъ не знаетъ можетъ ли онъ, какъ честный человѣкъ, драться съ нимъ — Плятеръ вспыхнулъ и воскликнулъ: вы говорите мнѣ дерзости въ моемъ собственномъ домѣ! Мой свидѣтель, маршаль Залѣскій, остановилъ его и заявилъ, что я только буквально передаю порученіе.

— Я моей чести ничьему суду не повѣрю, рѣшилъ окончательно Плятеръ.

Гижицкій впалъ въ настоящее бѣшенство, узнавъ обо всемъ случившемся. Онъ угрожалъ Плятеру и вѣроятно привелъ бы въ исполненіе угрозы, если бы мы его не стерегли. Банда логи нашихъ масоновъ продолжали возбуждать противниковъ. Въ домѣ губернатора назначенъ былъ съѣздъ предводителей. Когда начали собираться, Гижицкій вдругъ увидѣлъ подѣхавшаго Плятера. Въ ярости онъ бросился къ нему, и навѣрное не минуло бы скандала при личной встрѣчѣ соперниковъ. Но Северинъ Залѣскій заперъ на ключъ кабинетъ, а я руками удерживалъ взбѣшеннаго и почти обезпамятевшаго губернатора. Гижицкій искусалъ мнѣ шею и ухо, но все-таки мы его не пустили. Послѣ этого онъ серьезно заболѣлъ и даже духовную составилъ. Поправившись, онъ началъ хлопотать объ удаленіи Плятера и наконецъ успѣлъ въ этомъ.

Вице-губернаторомъ присланъ былъ Фридрихъ Любомирскій. На выборахъ, согласно съ желаніями Гижицкаго, губернскимъ маршаломъ былъ избранъ Сангушко. Но вмѣсто Дембровскаго президентомъ 2 департамента, по интригамъ І. и логи, выбрали Пнинскаго. Этотъ послѣдній во всѣ три года дѣлами вовсе не занимался; І. былъ совѣтникомъ во 2-мъ департаментѣ и что онъ подавалъ, Пнинскій подписывалъ. Домъ президента обратился въ совершенный трактиръ. Обѣды бывали ежедневно человѣкъ на тридцать, кушанье сквернѣйшее, но отъ самаго обѣда, отъ перваго часа пополудни, до двухъ и трехъ часовъ ночи не переставали пьянствовать и безъ перерывовъ играли въ карты—въ вистъ на нѣсколькихъ столикахъ или въ фараонъ на одномъ огромномъ столѣ. Въ послѣднемъ случаѣ весь полъ, точно ковромъ,

устланъ былъ понатерками. Трубочный дымъ мѣшалъ видѣть челоѡка на разстояніи аршина, а на столѣ всегда стояли бутылки, и бокалъ шелъ въ круговую до поздней ночи. Кто бы не вошелъ, Понинскій сейчасъ кричалъ:

— Дайте рюмку! здоровье ваше, милостивый государь! прошу господа выпить за здравіе...

Случилось и мнѣ быть нѣсколько разъ на этихъ обѣдахъ. По самому умѣренному расчету, въ три года, у Пининскаго растрепали не менѣе 12.000 талій картъ. Вина, кромѣ выписываемаго изъ Дубна и Острога, было взято у Якера венгерскаго восемьдесятъ бочекъ и французскаго девятнадцати окцевтовъ (большая бочка). Аракъ и портеръ мы въ расчетъ не беремъ. Можете вообразить во что обошлась такая жизнь г. президенту. Это была эпоха наибольшаго вліянія І. и ложп. Гижицкій былъ окруженъ сторонниками І., они его ссорили со всѣми, которые не желали держать съ ними заодно. Дружбу губернатора съ княземъ Сангушкой пытались расторгнуть и довели до того, что княгиня уѣхала изъ Житомира, и самъ князь бывалъ какъ могъ рѣже. Онъ зналъ кто былъ виною сплетень и клеветъ, но не рѣшался дѣйствовать противъ І., зная его вліяніе и характеръ. Даже я подвергся нападкамъ; завидовали тому, что я всегда бывая въ Житомирѣ, останавливаюсь у губернатора и сохраняю съ нимъ прежнія дружескія отношенія; начали вооружать противъ меня *madame* Гижицкую чрезъ разныхъ подобранныхъ для этого личностей. Но Гижицкій на этотъ разъ не поддался и приказалъ, чтобы никогда не смѣли упоминать моего имени въ сплетняхъ. И этимъ онъ пресѣкъ пнтриги. Наконецъ Пининскій, подучаемый І., постановилъ въ дѣлѣ Малиновскаго такой декретъ, что этотъ несчастный съ ума

сошелъ. Тогда только Гижидкій пересталъ принимать у себя І., но и тутъ дѣйствовать противу него не рѣшался.

Въ домашней моей жизни въ эти три года произошло много печальныхъ перемѣнъ. Домъ мой въ Галеевкѣ, со всѣми вещами и, что для меня всего дороже—памятниками моего пребыванія въ Смоленскѣ и пребыванія дяди въ ссылкѣ, сгорѣлъ до тла. Жившій у меня Карлъ Пенковскій, при началѣ пожара, бросился на чердакъ, гдѣ былъ его сундукъ и мои вещи, желая спасти что нибудь. Но рядомъ съ его сундукомъ стоялъ другой, въ которомъ было около пуда пороху. Его взорвало и несчастнаго Пенковского отбросило прочь шаговъ на двадцать, страшно обожженнаго. Однакоже онъ не умеръ и успѣлъ вылечиться. Во время пожара меня не было дома: умиралъ Мартинъ Букаръ, и его мать и я неотступно находился въ ихъ домѣ. Приѣхавъ домой и осмотрѣвъ пожарище, въ которомъ погибла вся наша движимость, всего тысячъ на тридцать, я, забравъ семейство, возвратился обратно въ имѣніе Бураки, гдѣ были мои болѣе друзья. Мартинъ Букаръ умеръ первый, за нимъ чрезъ нѣсколько дней умерла и его мать. Это были мои самые старые и самые дорогіе друзья. Букаръ похороненъ въ Цудновѣ въ монастырѣ Бернардиновъ.

Въ это время Чацкій, Богъ знаетъ почему, сдѣлалъ попечителемъ училищъ Любарскихъ и Овручскихъ, Яна Вылежинскаго, женатаго на красавицѣ дочери Мартина Букара. Вылежинскій ни чего не сумѣлъ сдѣлать на пользу училищъ; онѣ дошли до самаго крайняго безпорядка и ничтожества подъ его руководствомъ. Я присутствовалъ на экзаменахъ этихъ училищъ: онѣ были похожи безпорядкомъ на древніе сеймы Польши, а гулянкѣ и пьянству посвящалось все время. Попечитель все позволялъ; всѣхъ надѣлялъ

отличными атестатами и уѣзжалъ ревизовать другія училища.

Успѣхи интригъ житомирской логи тѣмъ удивительнѣе, что во главѣ ея стояли люди совершенно безчестные, думавшіе объ одной собственной пользѣ: личномъ возвышеніи и денежныхъ складахъ, выдумываемыхъ постоянно подъ разными предлогами. Густавъ Олизаръ и его жена были издавна въ большой дружбѣ съ Гижицкими. Олизаръ былъ членомъ варшавской логи и въ житомирской бывать не хотѣлъ; ея венерабля и самого І. презиралъ и не желалъ имѣть съ ними ничего общаго. Этого было достаточно, чтобы противъ него начались интриги. Случилось это какъ разъ передъ выборами (1820 — 21 г.); Олизаръ прежде еще услывшись съ Гижицкимъ балотироваться на должность губернскаго маршала. Теперь интриганты торопились противудѣйствовать ему. Передъ женой Гижицкаго наговорили всего что только могло обидѣть женщину; передъ Гижицкимъ повторили тоже самое, утверждая кромѣ того, что Олизаръ намѣренъ уронить Гижицкаго во мнѣніи дворянства, унижить его и уменьшить его власть. Съ другой стороны Олизару наговорили на Гижицкаго. Я пріѣхалъ въ Житомиръ въ день открытія выборовъ. Думалъ было мирить соперниковъ, но было уже поздно: между ними дошло уже до личностей. Олизара выбрали предводителемъ въ Луцкомъ уѣздѣ, а кандидатомъ сдѣланъ Викентій Ледоховскій. Но Гижицкій, придравшись къ неформальностямъ, не утвердилъ выбора Олизара, чѣмъ до крайности вооружилъ противъ себя дворянство, въ особенности въ уѣздахъ: Дубенскомъ, Луцкомъ, Владимиржскомъ и Острогскомъ. Ледоховскій сдѣлался маршаломъ и потомъ былъ

избранъ губернскимъ предводителемъ. Ложа его тоже не желала, но Гжицкій не посмѣлъ не утвердить его. И начался тогда въ Житомирѣ настоящій адъ. Интриговали, вооружая Ледоховскаго противъ Гжицкаго и Гжицкаго противъ Ледоховскаго; шли съ обѣихъ сторонъ къ министрамъ жалобы и доносы, и обѣ стороны все больше и больше ненавидѣли другъ друга. Ледоховскій, потомокъ знаменитой фамилии, человекъ честный и съ характеромъ, не хотѣлъ ни въ чемъ уступить. Не было поэтому надежды примирить враговъ. Расскажу здѣсь одно незначительное обстоятельство, чтобы показать до чего доходили мелочность и злоба враговъ. Дочь моя Эмилія выходила замужъ за Якова Тележинскаго. 3 мая 1821 года была свадьба, пріѣхалъ въ числѣ гостей и губернаторъ Гжицкій. Рапортовали министру, по этому поводу, что онъ не занимается своею должностію и только развѣзжаетъ по свадьбамъ, и указали, какъ примѣръ, что былъ онъ на свадьбѣ у помѣщика Охотскаго. Министръ отвѣтилъ, что нѣтъ закона, который бы воспрещалъ губернаторамъ ѣздить на свадьбы, если его позовутъ. На свадьбѣ Эмиліи, кромѣ Гжицкаго, были сенаторъ Иллиинскій съ сыновьями и болѣе ста человекъ гостей. На выборахъ въ 1824 году предсѣдателемъ 2 департамента избранъ Піотровскій, успѣвшій нѣсколько взять въ руки І. и другихъ сторонниковъ ложи, распорядившихся въ этомъ департаментѣ при прежнихъ предсѣдателяхъ. Интриги все же не прекратились, и въ Житомирѣ не было спокойствія. Ссорили Гжицкаго съ Прушинскимъ и даже съ Петромъ Мошинскимъ, бывшимъ въ это время губернскимъ маршаломъ. Пытались втянуть въ интриги Піотровскаго, но этотъ скоро понялъ въ чемъ дѣло и устранился отъ всего. Какъ чиновникъ, онъ строго исполнялъ свои обязанности и не позво-

лялъ руководить собою ни І., ни кому бы то ни было; всѣхъ онъ умѣлъ удерживать въ границахъ, и І. при немъ не смѣлъ дѣйствовать по прежнимъ примѣрамъ. Какъ помѣщикъ онъ жилъ со всѣми хорошо. Гижицкій уважалъ его и сохранилъ къ нему искреннюю дружбу.

Въ 1825 году умеръ въ Таганрогѣ Императоръ Александръ І-й—память о его дѣяніяхъ и добродѣтели дойдетъ до отдаленнѣйшихъ потомковъ; благодарность и любовь къ нему я позволю себѣ заявить здѣсь, какъ очевидецъ его царствованія и какъ человѣкъ, воспользовавшійся его добротою.

Въ нашей губерніи, по поводу заговора, повсюду распространеннаго, были арестованы нѣкоторые лица, по большей части изъ числа членовъ житомирской логи; арестовали Петра Мошинскаго, Станислава Карвицкаго и другихъ. Арестовали совершенно неожиданно; такъ жена Карвицкаго 2 февраля въ воскресенье была у меня на свадьбѣ моей дочери Юліи, а во вторникъ совѣтникъ Рюль пріѣхалъ и арестовалъ ея мужа.

Гижицкій возненавидѣлъ Житомиръ и свою должность, по причинѣ окружавшихъ его безконечныхъ интригъ. Онъ старался не быть въ городѣ, и его почти все время замѣнялъ вице-губернаторъ Фридрихъ Любомирскій. Цѣлый годъ продолжалось такое неопредѣленное состояніе и безпорядокъ повсемѣстно былъ ужасающій. Наконецъ Гижицкій подалъ просьбу объ увольненіи своемъ отъ службы.

XV. Андржейковичъ губернаторъ. Смерть Гижицкаго.

Назначили губернаторомъ Михаила Андржейковича, того самаго, который былъ въ 1797 году почетнымъ адъютантомъ при намѣстникѣ Тутолминѣ. Въ 1811 году онъ былъ

въ Минскѣ выбранъ засѣдателемъ въ Судебную Палату, въ 1812 году исправлялъ должность предводителя дворянства и послѣ изгнанія французовъ былъ утвержденъ въ должности правительствомъ. Съ предводителя онъ перешелъ на должность вице-губернатора, былъ губернаторомъ въ Гроднѣ и наконецъ переведенъ былъ къ намъ въ Житомиръ. Это былъ человѣкъ очень способный и въ должности губернатора совершенно на своемъ мѣстѣ. Онъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ, и писалъ легко и хорошо. Но съ другой стороны подверженъ былъ многимъ слабостямъ и заслуживалъ упрековъ. Приѣхавъ, онъ сдружился съ непріятелями Гижицкаго и въ особенности съ Прушинскимъ. Члены въ это время уже уничтоженной масонской ложи окружили его и овладѣли имъ совершенно. Ко мнѣ онъ прислалъ своего родственника, капитана По..., приглашая меня приѣхать въ Житомиръ и возобновить съ нимъ знакомство. Когда капитанъ приѣхалъ, у меня былъ Гижицкій, и именно рассказывалъ мнѣ о всѣхъ непріятностяхъ, которыя губернаторъ ему уже сдѣлалъ. Переговоривъ въ кабинетѣ съ посломъ Андржейковича, я вернулся и рассказалъ Гижицкому въ чемъ дѣло.

— А что же? ты думаешь ѣхать? спросилъ онъ.

— Необходимо съѣздить! И можетъ быть мнѣ удастся быть тѣмъ орудіемъ провидѣнія, которое устроить примиреніе.

— Я никакого мира не желаю. Если ты будешь у Андржейковича, моя нога никогда не будетъ у тебя въ Галеевкѣ.

— Въ такомъ случаѣ я не поѣду, отвѣтилъ я.

Андржейковичъ, подушаемый непріятелями Гижицкаго, преслѣдовалъ его, и собиравши противъ него разныхъ придирокъ писалъ къ нему непріятныя письма и давалъ ему

формальные запросы. Годъ почти прошелъ, а я все еще не былъ въ Житомирѣ и не видалъ Андржейковича. Вдругъ разразилась надо мною буря. Бывшій со мною во враждѣ предводитель житомирскій, Ивановскій, назначилъ меня администраторомъ имѣнія покойныхъ Букаровъ, а я, опасаясь отвѣтственности, администраціи не принялъ и далъ отзывъ, что прослуживъ по выборамъ пятнадцать лѣтъ, имѣю уже право не брать на себя никакой иной обязанности. Ивановскій не хотѣлъ этого взять въ уваженіе. Нижній земскій судъ, по его настоянію, постановилъ сдать мнѣ администрацію и прислалъ писаря г. Гершковскаго и засѣдателя Сташкевича. «Не принимаю администраціи, отвѣтилъ я, и никто не можетъ принудить меня къ этому. Передайте Ивановскому, что я ни его лично, ни какъ предводителя не боюсь. Меня можно связать и отвезти въ Житомиръ, но никто не подпишетъ за меня пріемнаго инвентаря и администраторомъ все-таки я не буду».

Разумѣется это передали предводителю; онъ написалъ рапортъ губернатору о моемъ сопротивленіи властямъ и дерзостяхъ. Андржейковичъ радостно ухватился за случай насолить чрезъ меня Гижицкому и отдалъ меня подъ судъ. Не ограничиваясь этимъ велѣно было мнѣ поставить двѣнадцать гусаровъ экзекуціи, на второй день удвоить это число, на третій день учетверить и т. д., пока не исполню требованія. Гусары явились въ деревню; я въ это время собирался выѣзжать. Видя, какъ они принялись распоряжаться у меня, и узнавъ, что они изъ эскадрона маіора Вегелина — моего друга, я бросился къ нему, прося защиты. Онъ явился и пробылъ въ Галеевѣ пока экзекуція не было отмѣнена, защищая мои интересы. Самъ я поѣхалъ въ Житомиръ къ губернатору, а сына съ письмомъ послалъ къ сенатору Иллинскому,

выѣзжавшему въ это время въ Варшаву, по требованію Великаго Князя Константина. Иллинскій принялъ во мнѣ живое участіе: послалъ своего секретаря съ моимъ сыномъ къ Анджейковичу, которому писалъ очень настоятельно, оправдывал меня. На случай, если бы это не помогло, онъ вызвался изложить мое дѣло Великому Князю. Сынъ мой и секретарь Иллинскаго прибыли въ Житомиръ раньше меня и сейчасъ же передали письмо Анджейковичу. Такъ что когда я пріѣхалъ къ нему утромъ, онъ уже прочелъ письмо Иллинскаго. Со мною пріѣхалъ предсѣдатель 2-го департамента Палаты, Е. Піотровскій, съ охотою согласившійся сопровождать меня къ губернатору. Встрѣченъ я былъ, какъ совершенно незнакомый человѣкъ, и я разумѣется не напомнилъ о давнемъ нашемъ знакомствѣ. Въ разговорѣ Анджейковичъ строго держался формальной стороны и говорилъ мнѣ тономъ губернатора, распекающаго провинившагося подчиненнаго. Мнѣ было высказано, что Гижицкій избаловалъ помѣщиковъ; никто не хочетъ слушаться, всѣ бунтуютъ и не исполняютъ распоряженій... Бесѣда въ этомъ родѣ тянулась съ часъ. Я подалъ мою просьбу и свой аттестатъ; губернаторъ прочелъ и снова началъ въ томъ же духѣ. Я молчалъ. Піотровскій уѣхалъ по должности, я тоже хотѣлъ уѣхать, но губернаторъ остановилъ меня. Раза два попытался я было сказать слово въ свою защиту, но высказаться мнѣ не дозволили. Оставалось молчать и ждать. Наконецъ Анджейковичъ умолкъ, задавши мнѣ вопросъ: что же вы ничего не говорите.

— Вы не позволяете! отвѣтилъ я. Притомъ просьба и аттестатъ мой въ вашихъ рукахъ, и они достаточно говорятъ за меня.

— Это правда! Ивановскій всему причиною. Я васъ уволь-

ню отъ принятія администраціи, которую вы не хотите принимать.

— А на счетъ суда? спрашиваю я.

— Это ужъ меня не касается. Судъ самъ рѣшить виноваты вы, или нѣтъ.

— Еще остается экзекуція, ее сегодня удвоятъ.

— И это не мое дѣло. Исправникъ далъ приказаніе поставить экзекуцію, онъ ее и сниметъ. А вы будьте у исправника сегодня въ 11 часовъ, онъ ужъ распорядится.

Я поѣхалъ къ исправнику Рущицу, и онъ сейчасъ же отдалъ предписаніе снять экзекуцію.

Провожая меня губернаторъ довелъ до коридора и пригласилъ къ себѣ на вечера и на обѣдъ, а на завтра—на балъ. Это былъ день его именинъ.

— Какъ мнѣ быть въ обществѣ, когда я подсудимый, возразилъ я ему.

Онъ улыбнулся, подавъ мнѣ вторично руку и замѣтилъ, что я очень саркастиченъ. На вечерѣ у него я былъ, и при раздачѣ картъ меня посадили съ нимъ за одинъ столикъ. На слѣдующій день я былъ также на обѣдѣ и на балу. На третій день я намѣревался уѣхать. Андржейковичъ зашелъ ко мнѣ съ визитомъ и снова пригласилъ на обѣдъ и на вечеръ. На четвертый день я пріѣхалъ къ нему проститься — и снова былъ удержанъ на вечеръ. На этотъ разъ мнѣ переданы были бумаги, увольняшія меня отъ суда и отъ администраціи. При этомъ губернаторъ подавъ мнѣ руку и извинился за причиненныя хлопоты, сваливая всю вину на неправильныя дѣйствія предводителя Ивановскаго. Онъ какъ видно даже былъ не прочь примириться съ Гжицкимъ и встрѣтиться съ нимъ на нейтральной почвѣ. Но Гжицкій избѣ-

галь примиренія и ни за что не хотѣлъ сдѣлать для этого первый шагъ.

Между тѣмъ положеніе его дѣлалось съ каждымъ годомъ хуже и хуже. Постоянныя непріятности и огорченія разстроили окончательно его здоровье. Въ 1827 году наканунѣ Ооминова Воскресенья я былъ у него. Онъ былъ очень слабъ и взволнованъ. Раздѣвался и ложился въ постель нѣсколько разъ и потомъ снова одѣвался и вставалъ. Съ огорченіемъ смотрѣлъ я на несчастное состояніе друга моего и просидѣлъ по его настоянію у него до поздней ночи. Только на заявленіе о необходимости мнѣ видѣться съ сенаторомъ Иллинскимъ, уѣзжавшимъ снова въ Варшаву къ Великому Князю Константину, онъ согласился меня отпустить и далъ порученіе къ Иллинскому. Приѣхавъ въ Романовъ я немедленно передалъ мои опасенія на счетъ здоровья генерала. Сначала Иллинскій не хотѣлъ этому вѣрить, но когда я серьезно повторилъ всѣ поводы моихъ опасеній, онъ встрепенулся и рѣшилъ на утро провѣдать его. Ночью изъ Молочекъ прибылъ нарочный съ извѣстіемъ, что Гижицкій уже умеръ.

Горе мое было велико. Сердце такъ сжалось, что я не нашелъ словъ выразить печаль. Возвратясь домой, я всю ночь не спалъ и страдалъ. Я съ покойнымъ жилъ въ дружбѣ съ равныхъ лѣтъ молодости; онъ много разъ доказалъ свою привязанность ко мнѣ, я платилъ ему тѣмъ же. На его похоронахъ я быть не могъ—слишкомъ тяжело было хоронить того, съ кѣмъ прожита была лучшая часть жизни. Взявъ съ собою все семейство, я уѣхалъ въ Овручевскій уѣздъ къ замужнимъ дочерямъ. Письмо съ приглашеніемъ на похороны генерала Гижицкаго однако догнало меня въ Овручѣ.

Такъ окончилъ жизнь человѣкъ, одаренный большими способностями, честный и благородный, отличавшійся между

своими современниками. Онъ былъ изъ знатнаго рода и получилъ хорошее воспитаніе. Въ лучшихъ обществахъ того времени онъ пріобрѣлъ свѣтскость и знаніе людей; сама природа, казалось, предназначила его къ высшимъ сферамъ. Гигицкій былъ милый, любезный и остроумный собесѣдникъ. Подъ Аустерлицемъ онъ уже командовалъ бригадой въ чинѣ генералъ-маіора. Въ послѣдствіи онъ просилъ перемѣщенія въ Молдавскую армію, не желая сражаться съ соотечественниками, бывшими въ рядахъ Наполеона. Но вмѣсто перемѣщенія ему дали отставку, и карьера его была испорчена. Правда въ 1814 году, когда онъ былъ выбранъ губернскимъ маршаломъ, Императоръ принялъ его на службу тѣмъ же чиномъ; тутъ оказалось, что его товарищи далеко его обогнали въ чинахъ; даже люди, прежде служившіе подъ его начальствомъ, очутились тогда его начальниками. Какъ онъ исполнялъ обязанности губернатора мы уже описали. Со множествомъ прекраснѣйшихъ качествъ, обозначающихъ прекраснаго человѣка, гражданина и солдата, Гигицкій соединялъ одинъ важный недостатокъ: былъ до крайности запальчивъ, обидчивъ и не умѣлъ сдерживать себя, въ особенности когда дѣло касалось чести и справедливости. Молчать онъ не умѣлъ, и все это часто приводило въ его жизни къ поединкамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ много разъ и всегда очень счастливо. Храбрость и рѣшимость не покидали его въ опасности. Запальчивость надѣлала ему много враговъ между подчиненными. Несправедливости онъ не могъ снести и сейчасъ же высказывался; многіе обижались за это. Губернаторомъ онъ былъ, надо сознаться, не на своемъ мѣстѣ: при трудолюбіи, безкорыстіи и справедливости, у Гигицкаго не хватало такту и хладнокровной сдержанности. Съ подчиненными онъ обращался рѣзко, и они его не лю-

били. Его ложные друзья съ I. во главѣ покинули его и перешли на сторону Андржейковича. Это его жестоко огорчало и не переставало огорчать до самой смерти. Къ затрудненіямъ и огорченіямъ, встрѣтившимъ его въ жизни, не послѣднимъ поводомъ была собственная его жена—сестра сенатора Иллинскаго. Она была до чрезвычайности горда и требовала отъ всѣхъ безграничнаго уваженія какъ къ своему роду и положенію, такъ и благоволенія и удивленія къ своей красотѣ. Каждого, не понравившагося ей въ чемъ нибудь, она стремилась унижить и уничтожить; она дѣлалась его неумолимымъ врагомъ и побуждала мужа мстить за себя. Со мною много разъ начинала она войну, за правды ей въ глаза высказанныя, но мужъ всегда бывалъ на моей сторонѣ и ничего сдѣлать ей не удавалось. Обхожденіе генеральши Гижицкой никого не могло привлечь; дамы бывали у нея очень рѣдко. Приѣхавшія иногда ожидали выхода хозяйки долго, и уѣзжали оскорбленныя ея сарказмами. Ихъ мужья дѣлались потомъ врагами Гижицкаго. По смерти мужа она провела остатокъ жизни за границей и умерла въ Вѣнѣ. На родинѣ ей казалось для нея не было уже соотвѣтствующаго общества. У Вареолюея Гижицкаго было три брата: Антонъ, мичманъ и кавалеръ ордена св. Станислава, умершій бездѣтнымъ; Францъ Гижицкій оставилъ сына, женившагося на графинѣ Валевской. Третій, Адамъ, служилъ въ военной службѣ и умеръ бездѣтнымъ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Двѣ сестры Гижицкія вышли одна за графа Хлоневскаго, другая за Стемиковскаго—внука кіевскаго воеводы.

XVI. Событія на Волини; конюшій Козенсъ и его фамилія.

На выборахъ въ этомъ году (1827—28) губернскимъ маршаломъ выбрали Чацкаго, занимавшаго уже это мѣсто послѣ устраненія Мошинскаго. Предсѣдателями перваго департамента избранъ Бержинскій, втораго — Яловницкій. Послѣдній былъ пятнадцать лѣтъ предводителемъ въ Ровенскомъ уѣздѣ и былъ всѣми очень любимъ. Я самъ видѣлъ, какъ плакали помѣщики Ровенскаго уѣзда, раставаясь съ нимъ. Но какъ предсѣдатель онъ оказался слабымъ и безхарактернымъ: подчиненные дѣлали что имъ нравилось. I. всѣмъ управлялъ. Три года его предсѣдательства дали начала громаднымъ злоупотребленіямъ, развившимся впоследствіи. Чацкаго нельзя было прямо упрекнуть въ чемъ либо, но и онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ бы долженъ былъ быть губернскаго маршала. Я въ эти три года постоянно былъ дома, занимаясь хозяйствомъ и рѣдко бывая въ Житомирѣ. Выстроенная мною винокурня стоила 30.000 злотыхъ, и на ней я перегналъ 4.000 корцевъ ржи. Изъ моего завода я въ годъ получалъ по 1.800 спустовъ ¹⁾ водки. Рожь стоила въ первые годы корецъ 8 злотыхъ, а спустъ (spust) водки продавался по 18 злотыхъ. За барду на сто воловъ платили мнѣ 300 р. въ зиму. Швейцарцы въ Бердичевѣ, купившіе мѣстечко отъ Радзивилла, покупали у меня, въ теченіе пяти лѣтъ, дровъ ежегодно рублей по пятисотъ и платили очень акуратно. Въ сосѣдствѣ моемъ проживало семейство Козенсовъ, съ которымъ мое семейство находилось въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Они жили въ купленной ими Волицѣ, и мы ви-

¹⁾ Мѣра въ два ведра.

дались почти ежедневно. Madame Козенсъ была гречанка изъ роду Вегелиновъ; братъ ея Эмиль Вегелинъ тоже бывалъ очень часто у меня. Козенса Императоръ Александръ призывалъ въ Петербургъ и далъ ему званіе придворнаго ко-нюшаго; Волица досталась ихъ родственнику маіору Засу. И съ семействомъ Засовъ мы были въ хорошихъ отноше-ніяхъ. Жена Заса была дочь барона Игельстрома, очень милая женщина, равно какъ и мать ея баронеса. Но самъ Засъ имѣлъ слабость къ бутылкѣ. Онъ очень скоро про-жилъ милліонъ, оставшійся ему послѣ отца, и 400.000 р. асигнаціями, оставшіеся послѣ тетки. Жена принуждена бы-ла его оставить. Въ послѣдствіи, чрезъ Козенсовъ, въ Петер-бургѣ она представилась вдовствующей государинѣ и полу-чила въ Полтавѣ мѣсто директрисы института.

Эмиль Вегелинъ женился на внучкѣ Тимофея Ивановича Тутолмина. На свадьбѣ его я не былъ, хотя Козенсы и пи-сали мнѣ изъ Петербурга, прося заступитъ ихъ мѣсто и быть посаженнымъ отцомъ у молодыхъ. Въ послѣдствіи, по при-глашеніи Вегелина и его жены, я съ сыномъ ѣздилъ къ нимъ въ Рашковъ, и они были у меня съ ревизитомъ. О Рашковѣ и путешествіи туда, я здѣсь скажу нѣсколько словъ. Мѣс-течко лежитъ на склонѣ плоской возвышенности, на грани-цѣ Молдавіи, по лѣвой сторонѣ Днѣстра. За мѣстечкомъ съ возвышенности мы увидѣли быстрый Днѣстръ, мчавшій свои мутныя и пѣнистыя волны въ понтъ-эвксипскій. Спустившись въ Рашковъ, мы очутились окруженные нагими и острыми скалами — они казались стѣнами грозной крѣпости. Солнце только что поднялось, и косые лучи его блестя въ миллі-онахъ капель росы на этихъ скалахъ, только кое-гдѣ по-крытыхъ зеленымъ дерномъ. Мы ѣхали тихо, любуясь вели-колѣпнымъ видомъ и остановились въ мѣстечкѣ. Прежде оно

очевидно было гораздо обширнѣе. Въ немъ процвѣтала пограничная торговля. Девять церквей до сихъ поръ лежатъ въ развалинахъ, свидѣтельствуя о богатствѣ и славѣ прежняго времени. Здѣсь жили армяне и вели всю торговлю между Стамбуломъ и польскими провинціями. Князья Любомирскіе выстроили въ мѣстечкѣ, на свой счетъ, великолѣпный костель. Двѣ высокія башни, стѣны съ выбитыми окнами и прочія развалины, прожившія вѣка, говорятъ, что скоро не останется и слѣдовъ давняго величія. Мѣстечко со всѣми окрестными имѣніями принадлежало Александру Любомирскому. Екатерина II по присоединеніи къ Россіи территоріи, купила у Любомирскаго Рашковъ, уплативъ за него долгу 500.000 червонцевъ въ Голандскій банкъ. Тогда считалось въ рашковскихъ волостяхъ пятнадцать тысячъ душъ. Императоръ Павелъ подарилъ изъ нихъ 5.000 душъ Т. И. Тутолмину. Сынъ намѣстника, Алексѣй Тутолминъ выгналъ изъ мѣстечка армянъ и населилъ его жидами. Эти послѣдніе загрязнили мѣстечко, уничтожили торговлю и теперь высасываютъ изъ населенія послѣднія силы, распорядясь и здѣсь, какъ вездѣ по одной системѣ. Теперь въ Рашковѣ только трипичники-жида, торгующіе водкой и притѣсняющіе христіанъ. Изъ мѣстечка мы отправились во дворецъ и познакомились съ madame Вегелинъ. Она была красавица, очень мало воспитанная, но скромная и любезная дама. Ея мать тоже не уступала ей въ любезности къ намъ. Здѣсь мы прожили двѣ недѣли. Хозяева проводили насъ до Тульчина.

Жена моя была больна. Лечилъ ее докторъ Рамановскій и бывалъ чрезъ каждые три дня отъ декабря до апрѣля; каждый разъ, когда онъ у насъ ночевалъ я платилъ ему 15 р. сер. а если уѣзжалъ посидѣвъ часа три — получалъ десять руб. Можно вообразить что это мнѣ стоило. Но бѣда никогда

не ходить одна: въ этомъ же году передъ Рождествомъ сгорѣла у меня винокурня, хлѣбъ, водка и 80 воловъ. Всего убытка было на 40.000 злотыхъ. Въ 1831 году пріѣхалъ изъ Львова докторъ Полякевичъ, вызванный за 500 червонцевъ къ больной женѣ Станислава Зальскаго. Рамановскій привезъ его ко мнѣ, и его рецепты помогли моей женѣ такъ, что она могла встать съ постели.

XVII. Генераль Потемкинъ губернаторъ и последующія событія.

Андржейковичъ былъ смѣненъ за злоупотребленія и отданъ подъ судъ. Ему пришлось долгое время просидѣть въ Житомирѣ въ небольшомъ домикѣ и писать отвѣты на запросы комиссіи. Всѣ лже-друзья, окружавшіе его нѣкогда, теперь его бросили. Бывая въ Житомирѣ я всегда заходилъ къ нему. Онъ мнѣ жаловался на неблагодарность людей, я ему всегда отвѣчалъ, что это надо было предвидѣть изъ примѣра поступковъ ихъ съ покойнымъ Гжицкимъ. Андржейковича смѣнилъ статскій совѣтникъ Аверинъ. Но о немъ я ничего не могу сказать: съ нимъ никто не былъ знакомъ, и онъ нигдѣ не бывалъ. Онъ жилъ очень скромно. Ближе всѣхъ съ нимъ былъ знакомъ Мееръ, городской голова. Съ нимъ онъ ѣздилъ на прогулки и проводилъ свободное время. Этотъ губернаторъ бралъ обѣды изъ кухмистерской г-жи Добровольской. Въ этомъ году были выборы, но я на нихъ не былъ. Послѣ выборовъ пріѣхалъ новый генераль-губернаторъ Потемкинъ. Это былъ человѣкъ честный, доступный, ласковый и справедливый. Въ краю его любили. Насъ постигла въ это время ужасная болѣзнь—холера, которой до сихъ поръ даже имени мы не знали. Она господ-

ствовала въ Бердичевѣ, въ Житомирѣ и по деревнямъ. Бердичевъ былъ нѣсколько недѣль совершенно запертъ. Наиболѣе умерло жидовъ. Въ февралѣ умеръ Потемкинъ. Цѣлый городъ плакалъ по немъ. Заступилъ его въ должности генералъ-губернатора генералъ адъютантъ Левашевъ. На мѣсто Аверина назначили Корсакова.

Дальнѣйшія событія касаются годовъ и событій очень къ намъ близкихъ — ихъ описывать я не могу. Скажу только, что несчастія и безпокойства о себѣ и объ участи другихъ повлекли за собою сперва вторичную болѣзнь, а затѣмъ смерть моей жены. Кромѣ Рамановскаго, подъ конецъ ее лечилъ другой докторъ, Правосудовичъ, недавно только вышедшій изъ Виленской Академіи; онъ былъ при ней до самой ея смерти. 2 марта 1832 года она умерла. Епископъ лубко-житомирскій, во время ея болѣзни, далъ разрѣшеніе служить обѣди въ ея комнатѣ. Послѣ кончины онъ повѣстилъ духовенство по всей своей епархіи, чтобы съ амвоновъ объявили о смерти ея и назначили молитвы за упокой души. Тѣло мы погребли въ Краснополѣ и поставили надъ нею гранитный памятникъ. Это мѣсто будетъ нашимъ семейнымъ гробомъ. Сынъ мой, заболѣвшій безъ надежды, былъ отвезенъ въ Вильно. Тамъ Снядецкій и професоръ Порценко вылечили его. Въ началѣ іюня онъ возвратился домой уже почти здоровый.

XVIII. Нравоописательный очеркъ.

Очень справедлива пословица, что передняя всегда даетъ понятіе о домѣ и о хозяинѣ; мало имѣть богатую мебель и со вкусомъ отдѣланныя комнаты—это только служить главнымъ образомъ къ удовлетворенію самолюбія хозяина — не-

обходимо еще, для того чтобы домъ казался вполне порядочнымъ, нѣкоторыя качества: любезность, гостепрѣимство и навѣкъ принимать людей разныхъ сословій и разнаго образа мыслей. Очень не легко ограничить любезность до приличной степени, не допуская ее перейти съ одной стороны въ отяготительную униженность, съ другой — не дать гостю почувствовать, что гордый хозяинъ обходится съ нимъ свысока. Въ моей жизни я много видѣлъ домовъ вельможъ, во всѣхъ ихъ сохранялись общепринятыя формы вѣжливости. Такъ было въ Пулавахъ у Чарторыжскихъ, въ Тульчинѣ у Потоцкихъ, у князя Радзивилла въ Несвижѣ — у самаго могущественнаго и богатаго вельможи Литвы и Польши. Точно также велось у Любомирскихъ въ Ланцутѣ, у Ржевускихъ, Сангушковъ, у Стемпковского и другихъ. Такъ бывало во времена моей молодости. Дома вельможъ были окружены друзьями и кліентами, наполнены надворной молодежью, имѣли многочисленную службу и надворное войско. Нынѣшнее поколѣніе даже вообразить себѣ не въ состояніи что такое былъ старинный магнатскій домъ. Приятно обо всемъ этомъ вспомнить, но горько сознаться, что славныя имена угасли, и потомки не всегда могутъ услышать даже о тѣхъ, къ которымъ мы гордились. Нынѣшніе потомки великихъ магнатовъ содержатъ домъ, гдѣ видно только довольство средней руки, но все же по любезности и свѣтскости хозяевъ еще можно догадаться чѣмъ были ихъ предки. Нельзя совсѣмъ позабыть и потомковъ прежнихъ: скарбниковъ, чесниковъ, подстолихъ и другихъ подобныхъ имъ; ихъ сыновья сидятъ въ небольшихъ имѣніяхъ, наследовавъ ихъ, вмѣстѣ съ честію и благородствомъ, отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. У этихъ людей при совершенномъ отсутствіи спѣси и безполезнаго желанія блеснуть, вы найдете старопольское раду-

шіе и гостепріимство. Но совсѣмъ другое васъ встрѣтитъ въ паладо господъ «выскачекъ» (дوروبковичей — *dorobkowiczów*). Ихъ отцы и дѣды были комиссарами, счетчиками, экономами въ ключахъ (ключъ—большое имѣніе, нѣскольکو волостей), провѣянтскими писарями и подстаростами у Потоцкихъ, Радзивилловъ, Сангушковъ и Любомирскихъ, а потомки ихъ, пріобрѣвшіе отъ нихъ по наслѣдству тысячу или двѣ тысячи душъ, сегодня состоятъ уже уѣздными предводителями дворянства, хорунжими, подкоморіями, дворянскими депутатами и даже депутатами отъ горячихъ напитковъ (корчемные засѣдатели) и при этомъ все-таки именуются Свѣтлѣйшими и Многоможными господами. Увы, это нынѣшніе магнаты. Имъ недостаетъ воспитанія, лоску и естественной свободы и граціозности въ пріемахъ и обращеніи; у нихъ на каждомъ шагу проглядываетъ грубоватость, которую спѣсь и гордость не прикрываютъ, а дѣлаютъ еще болѣе замѣтною.

Мнѣ случилось по дѣлу посѣтить одного изъ такихъ господъ—Свѣтлѣйшихъ и Многоможныхъ маршаловъ (предводителей дворянства). Подѣхалъ я къ паладо украшенному колонадами. Въ передней оказалось множество лакеевъ въ ливреяхъ съ гербовыми пуговицами и гербовымъ шитьемъ. Спрашиваю: дома господа?

— Дома! мнѣ отвѣтили. Хочу войти, лакей съ титуломъ камердинера, хватаетъ дверную ручку и не пускаетъ, требуя, чтобы я сказалъ свою фамилію.

— Зачѣмъ такое любопытство? спрашиваю.

— Необходимо доложить

— Кому и что ты будешь докладывать?

— Господину.

— Чего же ему недостаетъ, что ты хочешь доклады-
вать ¹⁾).

— Но... однакоже, какъ ваша фамилія?

Здѣсь могла бы произойти исторія, еслибы я былъ изъ числа балагуловъ. Впрочемъ я предпочелъ покориться обычаемъ и сказалъ свою фамилію. Камердинеръ понесся докладывать, а я вошелъ въ парадныя комнаты. Пройдя одинъ залъ великолѣпно и со вкусомъ меблированный, въ другомъ точно такомъ же богатомъ со мною встрѣтился хозяинъ и сейчасъ же воскликнулъ: *ach! pardon!*

— За что прощать? спрашиваю.

— Слишкомъ поздно мнѣ доложилъ человѣкъ, и я не успѣлъ васъ раньше встрѣтить.

— Я бы васъ давно уже встрѣтилъ, если бы вашъ лакей не держалъ меня нѣсколько минутъ въ прихожей, допытываясь моей фамиліи.

Въ деревнѣ я полагалъ излишнюю церемонію мелодованія (доклада), а тѣмъ болѣе — ожиданія въ передней. Къ тому же не хотѣлось говорить ему кто 'я такой.

— *Ach! pardon! pardon!!* Слово это хозяинъ повторилъ разъ десять.

Пройдя еще двѣ комнаты, я нашелъ въ большомъ будто бы кабинетѣ, человѣкъ девять гостей. Одинъ курилъ сигару, другой сосалъ изъ длиннѣйшаго чубука, украшеннаго огромнымъ янтаремъ; двое или трое хлопали бичами и тросточками, остальные — подпѣвали. Оказались и знакомые мнѣ

¹⁾ Здѣсь по польски выходитъ очень удачная игра словъ: по русски выраженіе доложить по польски *dolożyc* значить буквально прибавить. Хотя и говорятъ нынче по польски *dolożyc* *rapu*, но это руссизмъ — неправильность, которая говоритъ ясно, что описываемый новый магнатъ польскій даже польскаго языка не зналъ.

люди въ этомъ обществѣ, между прочими старичекъ подкоморій—низенькій, лысый, круглый человѣчекъ, съ очень маленькимъ и краснымъ носомъ. Я зналъ его въ Житомирѣ въ давнее время, расхаживавшимъ въ голубомъ кубракѣ (родъ кунтуша, носимаго только крестьянами и шляхтой) съ чернымъ воротникомъ, съ зеленымъ поясомъ, каковой туалетъ будто бы изображалъ собой мундиръ кievскаго воеводства. И это у него былъ нарядъ великопраздничный. Былъ онъ бѣднымъ юристомъ, но трудолюбиво сидя надъ бумагами, получилъ сначала часть управленія дѣлами Смѣлянскихъ имѣній, а впослѣдствіи и главную генеральную довѣренность. Тутъ онъ такъ разжился, что къ его единственной прежде душѣ прибыло еще двѣ тысячи чужихъ душъ. Хозяинъ усадилъ меня на диванъ, рядомъ съ подкоморіемъ. Разговоръ шелъ между стариками: о винокурняхъ, волахъ на бардѣ, пшеницахъ, плохой торговлѣ; молодежь говорила о бердичевской ярмаркѣ, съ которой возвращались, о курсѣ, о ланскнехтѣ, о разныхъ лошадяхъ; толковали кто что купилъ, упоминали о пуговицахъ, фракахъ и т. п. Одинъ господинъ, одѣтый въ гранатнаго цвѣта сюртучекъ, съ фалдами не длиннѣе четверти аршина, вертѣлся по комнатѣ, очень обезпокоенный чѣмъ-то. Подойдя къ большому зеркалу онъ осмотрѣлъ свой туалетъ, поправилъ галстукъ, привелъ въ порядокъ волосы, взберошилъ испанскую бородку, натеръ рукой сильно напомаженный хохолокъ, и усы, чуть пробившіеся, двинулъ вверхъ. Затѣмъ ужъ заговорилъ:

— Смотрите, господа! что это за сюртучекъ. Присланъ прямо изъ Парижа. Тысячу рублей ставлю—другого подобнаго не найдете во всемъ краѣ. Сукно настоящій сѣданъ, а что за пуговицы, что за покрой, какіе карманы. Божественно сшить!—Приблизившись ко мнѣ онъ заставилъ меня

погладить сукно и осмотрѣть карманы и при этомъ заявилъ, что онъ четыре раза въ годъ по сезонамъ получаетъ транспорты изъ Парижа отъ Гуммана, вещи самой послѣдней моды. Я промолчалъ и только вздохнулъ, думая о томъ времени, когда дѣдъ этого самого господина въ сюртучкѣ отъ Гуммана, съ арапникомъ въ рукахъ, леталъ на лошади около длиннаго ряда господскихъ жницъ и работниковъ въ Ковалевскомъ имѣніи, и былъ онъ всегда одѣтъ только въ куртку и штаны сгребнаго полотна (толстое полотно изъ низшаго сорта льна), украшенные выпусками изъ синей китайки. Дѣдъ не вѣдалъ другихъ портныхъ, кромѣ немпровскихъ Мовши и Янкеля. И съ ними онъ еще жестоко торговался пока наконецъ устанавливались цѣны за куртку и штаны изъ сгребнины. Бабушка, жена этого почтеннаго эконома, носила шубку изъ зеленого камлота, подбитую выкладными лисицами. Но здѣсь я долженъ разъяснить что обыкновенно разумѣли подъ словомъ «выкладъ». Въ старое время, если одинъ крестьянинъ шелъ съ жалобой на другого къ эконому, онъ никогда не смѣлъ явиться съ пустыми руками. Передъ изложеніемъ жалобы «выкладывалъ» рубль, два, иногда десять рублей и кожу лисы, или волка: и это называлось «выложить на шею виноватому». Если обвиняемый проигрывалъ дѣло, онъ обязанъ былъ, кромѣ всего прочаго по дѣлу слѣдующаго, уплатить цѣну «выклада» въ пользу жалобщика. Проигравъ дѣло, которое самъ началъ, жалобщикъ лишался «выклада», оставшагося въ пользу эконома. Это было обыкновеніе несправедливое и подлое, но оно держалось упорно, какъ идущее съ очень давняго времени.

Въ комнатѣ со мною, кромѣ описаннаго экономскаго внука въ коротенькомъ сюртукѣ, было еще нѣсколько человѣкъ

одинаковаго съ нимъ полета и тица; всѣ съ усиками, испанскими бородками и бакенбардами. У одного только господина оказалась, торчащая изъ подъ галстука, борода вершковъ пять длиною, напомаженная и завитая въ видѣ локона, похожаго на тупей (косу), носимый въ прежнее время епископами и канониками, а еще болѣе на бороду щеголеватаго жидка. Вся компанія въ разговорѣ поминутно заявляла свою рѣшимость, храбрость и готовность самопожертвованія, но я сильно сомнѣвался, дѣйствительно ли все это шло далѣе словъ.

Сосѣдъ мой старпчекъ подкоморій, искоса на меня поглядывалъ, качалъ головой и пожималъ плечами, давая мнѣ понять, что не раздѣляетъ мнѣній компаніи. Я молчалъ; для меня ихъ разговоръ былъ все равно, какъ бы бесѣда на санскритскомъ языкѣ; вмѣшиваться въ разговоръ было совершенно излишне.

Господинъ съ бородою локономъ, рассказывалъ, съ рѣшительно рыцарскимъ видомъ, свое участіе въ битвѣ подъ Дубенкою: ¹⁾ энергично описывалъ, какъ онъ ударилъ на карѣ пѣхоты, однимъ ударомъ сабли перерубилъ предводителя пополамъ, отъ головы до ногъ, затѣмъ изрубилъ множество солдатъ и сдѣлалъ бы еще больше, если бы получилъ своевременно подкрѣпленіе. Подкоморій толкнулъ меня локтемъ, и я догадался, что рассказчикъ должно быть вретъ непомерно. Рыцарь постоянно обращался ко мнѣ и принимая вѣроятно тросточку за мечъ, размахивалъ ею у самаго моего носа. Чтобы избѣжать тросточки я долженъ былъ ежеминутно уклоняться въ сторону. Подъ конецъ разговора вдругъ

¹⁾ Во время войны предъ вторымъ раздѣломъ Польши.

оказалось, что и самая тросточка—рѣдкость. Разказщику ее на память подарилъ лордъ Фицъ...

— А вы давно были въ Лондонѣ? спрашиваю.

— Я въ Лондонъ поѣду еще въ будущемъ году, но съ лордомъ мнѣ удалось познакомиться въ Одессѣ, тамъ онъ далъ мнѣ эту дорогую вещьцу на память и взялъ слово пріѣхать къ нему. На будущій годъ я къ нему поѣду!

— И мы съ тобою поѣдемъ! воскликнули разомъ трое господъ. Бесѣда эта тянулась часа два. Хозяинъ въ это время безпрестанно звонилъ и звонилъ—точно онъ былъ ексцендзъ и отправлялъ литургію ¹⁾). Послѣ каждого звонка вбѣгалъ лакей и получалъ приказаніе: спроси пришели-ли комисаръ? скажи повару! припомни камердинеру! позови пивничаго (смотрителя за погребомъ), позови берейтора! Пусть онъ сядетъ на Мустафу! пусть проѣдетъ Лорда! вели подогнать къ окнамъ Ляды и. т. д. Получивъ приказаніе, лакей былъ обязанъ повторять: слушаю-сь, Свѣтлѣйшій господинъ! Исполнено, Свѣтлѣйшій господинъ! Сейчасъ, Свѣтлѣйшій господинъ!

Всѣ эти эволюціи совершались съ понятною цѣлью дать мнѣ случай узнать какъ велико имѣніе, на какой аристократической ногѣ все у него устроено и какой у него дворъ. Подъ конецъ мнѣ предложили осмотрѣть конюшни.

Было два часа. Хозяинъ извинился и просилъ позволенія переодѣться, прибавляя: вѣдь еще очень рано! Всѣ вынуждены были согласиться, что точно теперь только еще два часа.

— Я былъ увѣренъ, что еще рано! замѣтилъ хозяинъ. Но надо идти къ женѣ и погнать ее, чтобы поторопилась одѣваться для пріема уважаемаго гостя. Рыцарь съ локономъ

¹⁾ У католиковъ во время литургіи звонятъ въ колокольчикъ, давая тѣмъ знакъ присутствующимъ наклонять головы.

отправился осматривать предводительскую псарню, съѣмъ чтобы уже потомъ идти переодѣваться. За нимъ вышла вся компанія. Остались въ комнатѣ только я и подкоморій.

На вопросъ кто такой этотъ рыцарь битвы подъ Дубенкою, подкоморій назвалъ его фамилію К— и заявилъ, что это—извѣстный враль и фанфаронъ. Дѣдъ его былъ сотникомъ Смѣлянскихъ казаковъ, крѣпостной изъ деревни Ляховой, князя Ксаверія Любомирскаго; князь же и дворяниномъ его сдѣлалъ. Во время уманьской рѣзни дѣдушка собралъ деньги и очень ловко избѣжалъ петли на шею. Онъ прибавилъ къ своему казацкому имени частицу скій и сдѣлался фабрикованнымъ дворяниномъ. Сына своего, отца рыцаря съ бородкою локономъ, бывшій казацкій сотникъ отдавалъ въ училище въ Умань. Потомъ купилъ ему 600 душъ и... у нихъ откуда-то явился на печатяхъ настоящий дворянскій гербъ. Нынѣшній представитель почтенной семьи промоталъ имѣніе и разъѣзжаетъ изъ дому въ домъ, рассказывая свои военные подвиги, хлопоча бичемъ очень ловко и т. д. Изъ всѣхъ его разсказовъ справедливо одно: въ военную службу онъ дѣйствительно поступилъ, пороху понюхалъ, но найдя его запахъ для себя не очень пріятнымъ, вышелъ въ отставку. Никакого лорда Фицъ онъ никогда не зналъ, равно какъ никогда не видалъ ни одного живаго англичанина: тросточку же просто купилъ въ Бердичевѣ на ярмаркѣ у жидовъ. Его сотоварищи,—нѣчто въ родѣ спутниковъ, если его можно назвать планетою. Они искренно вѣрятъ въ его значеніе въ свѣтѣ, а онъ имъ помогаетъ проматывать отцовское наслѣдіе. Отецъ одного изъ нихъ блондинъ—былъ экономомъ въ Ладимирскомъ имѣніи. Другой, щеголяющій въ зеленомъ рейтъ-фракѣ, происходитъ по дѣду

отъ почтеннаго провьянтоваго писаря въ Тульчинѣ. Оба нынче уже настоящіе дворяне и даже Свѣтлѣйшіе.

— Я тоже самъ пріобрѣлъ все что имѣю, добавилъ подкоморій, но я не стыжусь этого. Вы меня знали бѣднякомъ въ Житомирѣ и отъ этого не отойду. Но на моемъ состояніи нѣтъ слезъ чужой обиды и я на страшномъ судѣ за него не отвѣчу. Ничего я не вралъ и никого не разорилъ. Сначала мнѣ удалось, какъ вы знаете, получить частную довѣренность по дѣламъ имѣній князя Потемкина, потомъ — генеральную. По смерти Потемкина мнѣ поручень былъ раздѣлъ между графомъ Самойловымъ и Скавронскими и за это меня наградили 200.000 злотыхъ. Двадцать четыре года держалъ я Смѣленскія имѣнія въ арендѣ. Купилъ потомъ, когда мнѣ Богъ помогъ на арендахъ, на свое имя 1000 душъ. Теперь у меня двѣ дочери замужемъ съ приданнымъ каждая въ сто пятьдесятъ тысячъ злотыхъ; два сына: одинъ женатый, другой младшій на службѣ, подполковникомъ. Имъ отдано все имѣніе, а они мнѣ платятъ ежегодно 20.000 злотыхъ. Изъ этихъ денегъ живу, дѣлаю подарки внукамъ; каждый годъ бываю въ Одессѣ; выкупаюсь въ морѣ и — слава Богу держусь еще, хотя мнѣ уже восемьдесятъ два года.

Откровенность старика подкоморія мнѣ понравилась; я нѣсколько тѣснѣе сблизился съ нимъ. Онъ тѣмъ временемъ продолжалъ мнѣ передавать генеалогію всей Свѣтлѣйшей возможной компаніи. Отецъ самаго хозяина нынѣшняго предводителя былъ мнѣ тоже знакомъ, только я съ перваго начала не припомнилъ нашего знакомства. Обходя парадныя комнаты мы осмотрѣли множество великолѣпной мебели — вся она оказывалась взятою изъ Кавалевки, при распродажѣ и торгахъ. Экономъ и комисары тогда за безцѣнокъ покупали очень дорогія вещи. Отецъ Свѣтлѣйнаго маршала, тогда еще

молодой человекъ, не пропустилъ ни одного случая попользоваться разореніемъ Викентія Потоцкаго. Въ комнатахъ были большія англійскія зеркала, парижскія бронзы, заграничная мебель изъ краснаго дерева — словомъ все, на приобрѣтеніе чего не жалѣлъ денегъ магнатъ Потоцкій, женившись на княжнѣ де Линь.

Подкоморій при этомъ разсказалъ мнѣ генеалогію хозяина.

Отецъ его былъ бойкимъ мальчикомъ, хорошо игралъ на теорбанѣ и плясалъ, каковыми талантами понравился смѣлянскому эконому, тотъ его взялъ во дворъ и обучалъ читать и писать. Женилъ онъ его на Магдѣ, своей воспитанницѣ и фавориткѣ — и съ этой минуты молодчикъ пошелъ въ ходъ. Его протекторъ сдѣлался вскорѣ генеральнымъ управителемъ всѣхъ имѣній Викентія Потоцкаго, а онъ получилъ мѣсто генеральнаго эконома. Ловкій человекъ и добрый малый, какъ говорятъ русскіе, былъ этотъ мужъ Магды и генеральный экономъ. Помогая своему протектору обворовывать Викентія Потоцкаго, онъ и себя не позабылъ. Послѣ его смерти, добрый малый самъ сдѣлался генеральнымъ управляющимъ. Магнатъ вскорѣ разорился, по претензіямъ голландскаго банка, предписано было продать всю движимость — и тутъ то открылось широкое поле для ловкаго обдѣлыванія собственныхъ дѣлъ. Генеральный управляющій бралъ и хваталъ что только могъ. Имѣнія купилъ старый Сченский Потоцкій, передалъ ихъ сыну своему, а какъ ихъ промоталъ этотъ сынъ — разсказывать нечего. Экономы и управляющіе обогатились тогда. Отецъ нашего хозяина купилъ 1450 душъ, а самъ онъ, наслѣдовавъ ихъ, выстроилъ палацъ и сдѣлался Свѣтлѣйшимъ, Многоможнымъ и т. д.

Вскорѣ явился и хозяинъ-маршалъ къ намъ, одѣтый во

фракъ, разфранченный, облитый духами и пахнущій точно банка французской помады. Ему было лѣтъ пятьдесятъ два, и два года уже былъ онъ предводителемъ; мѣсто свое онъ старался возвысить и значеніемъ своимъ очень дорожилъ. За нимъ привалила остальная компанія съ оглушительнымъ крикомъ и смѣхомъ. Осматривавшіе псарню не могли нахвалиться, кто гончими, кто хортами, кто легавыми. Всѣ единогласно рѣшили: собаки божественныя. Борода-тый рыцарь далъ даже честное слово, что собаки — божественныя! Сигары, трубки, кнѹтики опять пошли въ работу; гости, очевидно очень утомились, осматривая собакъ, и разлеглись на диванахъ съ непринужденностію и не стѣ-снясь; такъ разлечься можно было себѣ позволить развѣ въ корчмѣ на попасѣ (на постояломъ дворѣ во время выкормки лошадей).

— Я осматривалъ вашъ палацо, сказалъ я маршалу. Лице его отъ этихъ словъ разъяснилось, точно на него лучъ солнца упалъ.

— Кое-какъ я старался мою хижину устроить, отвѣтилъ онъ съ фальшивымъ смиреніемъ. Теперь по крайней мѣрѣ не течетъ на голову...

— Хижина! Хороша хижина, прервалъ я его фарисейское смиреніе, — двухэтажный домъ съ колонами, крытый желѣ-зомъ. Его можно безъ лести назвать дворцомъ. Хозяинъ еще болѣе развеселился и пригласилъ меня въ гостинную, гдѣ представилъ своей женѣ. Она была родомъ изъ Волынской губерніи и барышней бывала въ моемъ домѣ. Она мило и учти-во приняла меня, и съ нею пріятный разговоръ сократилъ вре-мя до обѣда. Въ пять часовъ всѣ двери вдругъ растворились, камердинеръ въ башмакахъ и чулкахъ съ рукой обернутой въ салфетку, показался на порогѣ и поднялъ вверхъ тарелку.

Хозяйка взяла мою руку, и мы отправились, чрезъ длинный рядъ комнатъ, медленнымъ шагомъ въ столовую, точно участвуя въ какомъ нибудь триумфальномъ шествіи. Столъ былъ накрытъ хорошо и серебро оказалось великолѣпнымъ. Лакеи и казачки въ пунсовыхъ ливреяхъ съ галунами, гербовыми пуговицами и гербовыми бляхами, окружали столъ. Кушанья были хороши; но застольный разговоръ не встати украшался поясненіемъ ихъ приготовленія. Хозяинъ разсказалъ мнѣ какъ ему трудно было переманить повара француза отъ какого-то сосѣда магната; при этомъ не было забыто вычисленіе: сколько ему платиться; во сколько обходятся въ годъ столовые расходы и т. д. Всѣхъ этихъ любопытныхъ вещей я уже нынче не упомяну и не повторю здѣсь, надѣясь, что читатели отъ этого немного потеряютъ. Завязался разговоръ о столовомъ серебрѣ, хозяинъ сейчасъ же заявилъ, что оно—парижской работы. Меня разсердило все это хвастовство.

— Серебро ваше синеватаго цвѣта, замѣтилъ я громко. Оно не выше 12 пробы, а парижское не бываетъ иное, какъ 84 и имѣетъ бѣлый, молочный цвѣтъ. Придвинувъ вазу я указалъ на ней пробу (на иностранномъ серебрѣ пробы не ставятъ) и знакъ S R—бердичевскихъ серебрянниковъ. Общество за обѣдомъ шутило очень сильно и грубо, и суть разговора держалось на сплетняхъ и оговорахъ сосѣдей. Чтоже? подумалъ я, завтра и меня будутъ обсуждать навѣрное... При концѣ обѣда хозяинъ потребовалъ токайскаго. — Принесли мутное, сладкое вино, очень молодое еще и неустоявшееся. Всѣ нашли его великолѣпнымъ и принялись хвалить. Рыцарь съ бородою называлъ его нектаромъ и засыпалъ насъ миеологією.

Vraiment! воскликнулъ онъ. Подобнаго вина я не пилъ ни

въ домѣ Браицкихъ, ни у Сангушковъ, ни даже у Потоцкихъ.

— Еще бы, шепнулъ мнѣ подкоморій, — вѣдь его нога никогда не была въ этихъ домахъ. Хозяинъ продолжалъ хвастать и безсовѣстно, даже не моргнувъ глазомъ, поименовалъ своего татулю (отца), точно я его не зналъ въ 1792 г., когда онъ привелъ изъ Смѣлы казаковъ въ лагерь Юсифа Понятовскаго. Мнѣ пришлось даже ночевать въ деревнѣ Ягура, гдѣ этотъ татуля былъ экономомъ. За немѣнѣемъ постоялаго двора и вообще удобнаго мѣста для ночлега, экономъ пригласилъ насъ къ себѣ и поподчивалъ ужиномъ: намъ подали кашу со смѣтаной, гречневые пироги и цыплятъ, правда съ вытянутыми и оттопыренными лапами, но за то обильно облитыхъ коровьимъ масломъ. Жена эконома, очень хорошенкая, готовила ужинъ сама, а нынѣшній Свѣтлѣйшій и Многоможный предводитель, тогда еще шестилѣтній мальчикъ, былъ вытащенъ отцомъ изъ-за печки и насильно приведенъ для поцѣлованія моей руки. Обрядъ цѣлованія онъ исполнилъ, закрывая глаза ладонью и послѣ сейчасъ же далъ стрелка, перескочилъ ровъ, окружавшій огородъ и залегъ между ковылемъ и крапивой въ полѣ, поднявъ голову надъ высокою травой для наблюденія что дѣлается въ домѣ.

Хвастовство разсердило меня, я припомнилъ Свѣтлѣйшему маршалу всѣ подробности нашего перваго знакомства съ нимъ и сказалъ, что зналъ его отца, назвалъ деревню, гдѣ онъ былъ экономомъ, прибавивъ, что ему тогда было лѣтъ шесть, а мать его звали Магдаленой. Эго я зналъ потому, что во время нашей гостины, татуля постоянно кричалъ на свою дорогую половину, называя ее Магдой!

Услышавъ такія подробности хозяинъ покраснѣлъ, точно облился кровью, потерялъ расположеніе духа и умолялъ. Я

видѣлъ, что его больно уязвили воспоминанія давняго времени, что онъ былъ золъ, но по крайней мѣрѣ я избавился отъ его фанфаронадъ. Послѣ кофе осматривали лошадей. Для утѣшенія хозяина я ихъ хвалилъ, даже болѣе чѣмъ онѣ стоили. Потомъ предложили играть въ карты. Вся молодежь потребовала божественной игры въ діабелка (ланскнехтъ съ пулькой), пожилые—садились въ вистъ. Я выбралъ вистъ, но предупредилъ, что высоко не играю.

— Помилуйте, возразилъ хозяинъ, всего по рублю серебромъ поѣмъ со штурмомъ, онерами и открытой игрой партнера.

— Извините: по такой цѣнѣ я не играю; это для меня высоко. Поклонившись я отказался отъ картъ. Хозяинъ иронически улыбнулся, давая понять, что только ради меня соглашался сѣсть по такой цѣнѣ, и что въ его домѣ дешевле не играютъ. Попросивъ его въ кабинетъ, я изложилъ дѣло моего знакомаго, по которому пріѣхалъ. Два часа шли у насъ переговоры и не привели ни къ чему. Въ гостинной уже приготовляли къ чаю, когда мы вошли. Только ради приличія я остался пить чай и уѣхалъ почевать за двѣ мили отъ усадьбы Свѣтлѣйшаго Многоможнаго предводителя.

Дорогой прекрасный іюльскій вечеръ вызвалъ въ душѣ моей тысячи воспоминаній. Я думалъ: какъ странно судьба вертитъ людьми: отецъ предводителя сорокъ лѣтъ тому назадъ не смѣлъ сѣсть въ моемъ присутствіи и даже на дворѣ не рисковалъ надѣть шляпку; вся мебель въ его домѣ ограничивалась двуспальной кроватью изъ досокъ, застланною суконнымъ одѣяломъ. На стѣнѣ висѣлъ убогій коверъ, а на немъ арапникъ и плетя. Это былъ его арсеналь, служившій вмѣстѣ украшеніемъ комнаты и представлявшій его экономическую власть и величіе. Въ углу висѣлъ образокъ Ченстоховской

Богородицы и теорбапъ — воспоминанія его молодости, замѣнявшее генеалогическое дерево. Но у почтеннаго эконома при этомъ были: прекрасный скотъ, кормивыя свиньи и табунъ лошадей. Одну лошадь полковникъ Каминскій купилъ за 25 червонцевъ, а въ лагерѣ ему за нее давали потомъ 60 червонцевъ. Нынѣ сынъ этого эконома — Свѣтлѣйшій маршалъ явился передо мною во всемъ блескѣ своего величія и богатства, но... происхожденіе и воспитаніе на экономскомъ скотномъ дворѣ пробивалось съвозъ весь лоскъ богатства и весь блескъ новаго барства. Въ разговорѣ употреблялись очень часто мужицкія выраженія, за столомъ онъ обращался грубо и каждую минуту вы могли замѣтить изъ какаго гнѣзда вылетѣла эта птица. Его компанія даже его женѣ не очень нравилась. Она со вздохомъ шепнула мнѣ, идя къ столу: вы вѣрно чувствуете, что находитесь не на Волыни?! Увы! только въ четвертомъ поколѣніи совершенно исчезаетъ врожденная грубость потомковъ экономовъ, писарей и прочихъ доробковичей (выскочекъ). Гдѣ бы они ни жили—и во дворцѣ и кушая на серебрѣ и считая милліоны—они будутъ все тѣже; а спѣсъ и гордость новичковъ, точно шутовскіе бубенцы, сейчасъ же скажутся, при всякомъ движеніи, давая знать гдѣ дуракъ находится.

ХІХ. Романовъ, имѣніе сенатора Иллинскаго.

Мнѣ нѣсколько разъ случалось, въ моихъ запискахъ, упомянуть объ имѣніи и усадьбѣ Романовъ сенатора Иллинскаго. Теперь будетъ кстати дать читателямъ небольшое понятіе о Романовѣ и жизни его владѣльцевъ. Романовъ—мѣстечко, лежащее въ центрѣ многихъ волостей, образующихъ романовскій ключъ. Къ сѣверу идутъ громадныя лѣса до

самыхъ границъ Литвы, къ югу—прекрасныя и урожайныя земли, на которыхъ лежитъ почти половина романовскихъ деревень. Имѣнія эти издавна принадлежатъ Иллинскимъ. Янъ Каэтанъ Иллинскій избралъ мѣстечко своею резиденціею; близость Житомира и тутъ же лежащіе огромные лѣса, наполненные краснымъ звѣремъ, много вѣроятно вліяли на это рѣшеніе. Здѣсь былъ первоначально выстроенъ большой двухэтажный домъ, но мѣсто выбрано неудачно — низкое и болотистое. При выборѣ его руководствовались главнымъ образомъ близостью воды—рѣки Лѣсной, которой воды отведены были въ каналъ, протекавшій у самаго дома. Іосифъ Августъ Иллинскій, сенаторъ и графъ надстроилъ третій этажъ и еще выстроилъ полукругомъ два флигеля каждый въ сто пятьдесятъ аршинъ длины, тоже трехэтажные. Фронтъ дворца былъ украшенъ коринфскими 46 колонами, на которыя опирается великолѣпной лѣвной работой архитектурнаго зданія. Передъ дворцомъ на большомъ каналѣ, соединенный съ землею паромомъ, находится островъ весь разбитый на клумбы и засаженный цвѣтами. Здѣсь уставлены тридцать статуй мѣтелогическихъ боговъ изъ бѣлаго мрамора на такихъ же пьедесталахъ. Къ сѣверу отъ дворца стоитъ громадный старый лѣсъ, къ югу—видъ открытый. Вокругъ дворца англійскій садъ со множествомъ статуй, колонъ, обелисковъ и другихъ украшеній. Здѣсь же находится памятникъ изъ гранита, посвященный памяти графа Януша Иллинскаго, генераль-инспектора польскихъ войскъ, убитаго въ 1792 году подъ Маркушевомъ. Къ саду примыкаетъ огромный звѣринецъ, наполненный лосями, оленями, сернами и другими животными. Въ немъ растутъ дубы, которые три человѣка едва могутъ обхватить. Входя во дворецъ вы попадаете въ большія двухэтажныя сѣни; за ними идутъ мозаиковыя ком-

наты. Первые пять залъ наполнены дорогими картинами лучших мастеровъ французскихъ, итальянскихъ и фламандскихъ; всѣхъ картинъ двѣсти пятьдесятъ пять. Здѣсь имѣется портретъ принца Оранскаго, работы Ванъ-Дика, портретъ Пія VI, работа Баттона, рыцарь — Рубенса, Орфей Давида, большой пейзажъ Пуссена, битва—Сальватора Розы и многое множество другихъ драгоценностей. Далѣе идутъ двѣ огромныя залы. Первая мозанковая голубая съ золотомъ и шестью пятинаришными зеркалами. Въ ней находится люстра, на двѣсти свѣчъ, стоявшая въ Парижѣ 1.500 червонцевъ; стоятъ два стола малахитовыхъ и два изъ лапидола; пятнадцать статуй изъ мрамора и четыре мраморныя группы, полученныя изъ Михайловскаго дворца. Вторая зала тоже мозанковая—зеленая, увѣшана картинами Джедрядіани, Басана, Тиціана, Лесюера и другихъ. Въ ней находится флорентійская мозаика, бронза и северскій фарфоръ изъ триапоны. Окна этой залы зеркальныя безъ переплетовъ въ одно стекло величиною въ пять аршинъ. Паркетъ этихъ двухъ залъ сдѣланъ изъ краснаго, чернаго, липовнаго и другихъ деревъ. Онъ простоялъ 40 лѣтъ, безъ всякой порчи. Потолки вездѣ покрыты великолѣпной лѣпной работою. За залами идутъ шесть гостинныхъ, наполненныхъ огромными зеркалами по пяти и по шести штукъ въ каждой. Здѣсь висятъ картины Доминикино, Рибейры, Испанолетта и другихъ; стоятъ столы изъ агата и порфира, мраморныя каминныя съ рѣзбою, северскій фарфоръ и бронзы. Окна всѣ въ одно стекло. Въ одной изъ этихъ комнатъ стоитъ краснаго дерева кровать Людовика XVI изъ Версаля. Великолѣпіе повсюду истинно царское. Во второмъ этажѣ комнаты самаго графа и сенатора Августа Иллинскаго. Здѣсь висятъ картины работы Рембрандта, Теньера и Пав-

ла Поттера. На третьемъ этажѣ расположены комнаты для гостей. Четвертый этажъ составляетъ огромная зала въ сто двадцать аршинъ длиною, отопляемая восемью печками и предназначенная для прогулокъ въ осеннее ненастное время. Часть драгоценностей въ Романовѣ—подарки Императора Павла и В. К. Константина; часть приобретена покупкою сенаторомъ. Въ особенности много вещей имъ куплено, когда Императоръ Александръ уничтожилъ Михайловскій дворецъ и велѣлъ распродать мебель и вещи, привезенныя для его украшенія. Послѣ французской революціи, изъ королевскихъ замковъ множество вещей было привезено въ Петербургъ и здѣсь куплено Иллинымъ. Между прочимъ сервизъ Маріи Антоанеты, за который онъ уплатилъ 15.000 червонцевъ (45 тысячъ рублей). Картины онъ тоже покупалъ выгодно, пользуясь военнымъ временемъ. Въ домовой часовнѣ въ алтарѣ находится зеркало величиною въ десять аршинъ въ окружности, стоявшее 30.000 рублей серебромъ. Потолокъ часовни, канделябры, люстра и паникадилы бронзовые, а колонны изъ мрамора. Священные сосуды и одѣянія священниковъ такъ богаты, что ни одинъ кафедральный костель у насъ подобныхъ не имѣетъ. При часовнѣ стоялъ одинъ каноникъ и три ксендза. Дворцовая музыка состояла изъ ста человѣкъ, а пѣвческая изъ тридцати. Изъ часовни въ комнаты Иллинскаго надо проходить чрезъ бібліотеку съ четырьмя тысячами томовъ латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ книгъ. Всѣ шкафы были изъ краснаго дерева. Графъ Иллинскій получилъ большое наслѣдство сперва послѣ отца, потомъ по смерти дяди, цудновскаго старосты. Но щедрость Императоровъ Павла I, Александра I и В. К. Константина еще болѣе увеличили его богатства. Постройка дворца обошлась въ

десять миллионъвъ злотыхъ. У него даже была итальянская опера, составленная изъ артистовъ, привезенныхъ изъ Петербурга, между ними славились *madame* и *messieur* Замбони, Нерици и нѣкоторые другіе. Балетная труппа состояла изъ французовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ. Была и нѣмецкая опера; въ ней пѣли Зегикейтанцъ отецъ и сынъ, Котверъ съ дочерью, Гитманъ съ женой и сестрой, Тидлеръ и другіе. Театральный чрезвычайно богатый гардеробъ выписанъ былъ весь изъ Вѣны.

Съ разрѣшенія Императора Александра въ Романовѣ былъ основанъ институтъ глухонѣмыхъ и заведена суконная фабрика на сто двадцать станковъ. Машины и мастера были выписаны изъ Англіи. Сенаторъ Иллинскій построилъ монастырь для отцовъ іезуитовъ и основалъ гимназію въ 1817 году. Война 1812 года нѣсколько приостановила развитіе всѣхъ этихъ учрежденій. Въ 1820 году іезуиты были выгнаны, и всѣ зданія имъ принадлежавшія начали обрушаться, брошенныя и не поддерживаемыя. Послѣ удаленія іезуитовъ былъ выстроенъ въ мѣстечкѣ Романовѣ великолѣпный костель и женскій монастырь «Визитокъ», вызванныхъ сюда изъ Литвы. Наслѣдники графа не могли поддерживать всѣхъ его плановъ. Зданія въ мѣстечкѣ были оставлены, но дворецъ поддерживается и до сегодня въ прежнемъ порядкѣ.

Сынъ сенатора графа Августа—графъ Генрихъ занимаетъ лѣвую половину дворца. Онъ еще въ 1797 году былъ уже губернскимъ волынскимъ маршаломъ. Въ романовскомъ дворцѣ находится великолѣпное собраніе стариннаго оружія. Въ первомъ отдѣлѣ хранится оружіе охотничье, во второмъ военное и оружіе турецкое. Я видѣлъ рыцарскую броню одного Иллинскаго чрезвычайно старую, украшенную сереб-

рянными листами и турецкими надписями. При дворцѣ выстроена мраморная баня. Особая столовая вся увѣшена семейными портретами, между которыми есть работы Лампи, Гросса и Печмана. Но всего что заключаетъ въ своихъ стѣнахъ дворецъ Романовскій описать невозможно. Довольно того, что у насъ въ нашемъ краѣ нигдѣ нѣтъ ничего даже похожаго на это собраніе драгоценностей. Весь дворецъ имѣетъ сто двадцать комнатъ, великолѣпно и со вкусомъ убранныхъ.

(Окончаніе записокъ Я. Д. Охотскаго.)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АБАТА ОХОТСКАГО.

Нѣкоторые изъ соотечественниковъ, бывшіе въ чужихъ земляхъ, тамъ получили кое-какія надежды на возстановленія прежнихъ порядковъ. При всей трудности и даже опасности, они успѣли довольно скоро передать намъ, оставшимся въ краѣ, свои планы и намѣренія. На короткое время успѣхъ пропаганды былъ всеобщій, и всѣ мы увлеклись на минуту. Письма и прокламаціи ходили изъ рукъ въ руки, и всякій охотно бралъ ихъ и передавалъ другимъ. Я тоже принадлежалъ къ числу людей, которымъ поручена была раздача прокламацій. Отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ было невозможно, но я однако же дѣйствовалъ съ величайшею осторожностью. Многія изъ прокламацій я даже вовсе не читалъ; отъ слишкомъ опрометчиваго участія я не только самъ уклонялся, но и воздерживалъ другихъ. Собственно виноватъ я былъ только тѣмъ, что не донесъ правительству о томъ что зналъ. Противъ этого обвиненія я не стану

оправдываться. Постигшая меня кара была скорѣе мѣра осторожности, чѣмъ настоящее законное возмездіе. Правительство, какъ оказалось впоследствии, дѣйствовало въ видахъ предохраненія края отъ революціоннаго пожара, охватившаго тогда Европу.—Одинъ молодой человѣкъ былъ посланъ эмисаромъ въ нашъ уѣздъ. Онъ разъѣзжалъ изъ дому въ домъ и гдѣ находилъ удобнымъ вербовалъ сторонниковъ. Бывалъ онъ у меня довольно часто; уѣзжая въ послѣдній разъ, онъ оставилъ у меня своихъ лошадей и человѣка. Этотъ послѣдній по неосторожности разболталъ куда и за чѣмъ они разъѣзжали. Генераль Горчаковъ былъ поэтому предувѣдомленъ своевременно и принялъ мѣры. Помѣщиковъ стали требовать въ Житомирѣ, повсюду поставлены были караулы, за личностью Косинскаго (эмисара), тщательно описаннаго, начали слѣдить и допытываться, гдѣ онъ кроется. Въ это время жена одного помѣщика, послѣ того, какъ мужа ея вытребовали въ Житомирѣ, написала мнѣ обо всемъ, предостерегая меня. Секретно посланное письмо это попало однако въ руки Владычина, городничаго въ Овручѣ. Посланные губернаторомъ Шереметьевымъ въ Овручскій уѣздъ для наблюденія за помѣщиками майоръ и поручикъ поймали въ мѣстечкѣ Народичахъ нарочнаго изъ Литвы. У него было письмо ко мнѣ и паспортъ для Косинскаго, выданный моимъ племянникомъ Непомукомъ Охотскимъ, бывшимъ въ это время псправникомъ. Арестованный нарочный письмо изорвалъ, но тѣмъ не менѣе на меня пало подозрѣніе.

Ко мнѣ явились майоръ и поручикъ и передали мнѣ требованіе немедленной явки въ Житомирѣ. Дорогой я замѣтилъ стражу: меня провожали казаки и майоръ. Въ Житомирѣ въ моей квартирѣ поставленъ былъ на караулъ солдатъ съ ружьемъ. На мой вопросъ: что это значитъ? учти-

вый маіоръ отвѣтилъ, что собственно караулъ ко мнѣ не относится, такъ какъ въ домѣ, гдѣ я остановился, находится складъ казенныхъ вещей. Мнѣ не запрещали уходить, но предупредили, что гораздо лучше не отлучаться по невѣстности времени, когда губернаторъ меня потребуетъ. Три дня просидѣлъ я такимъ образомъ, успѣвши однако въ теченіе этого времени дать знать моимъ знакомымъ о моей судьбѣ. Губернатора Шереметьева я знавалъ и прежде; какъ начальнику духовной епархіи, мнѣ нѣсколько разъ приходилось писать къ нему и получать отъ него отвѣты. Онъ разспрашивалъ меня о многомъ и передавалъ, что меня подозрѣваютъ въ знаніи заговора противъ правительства; что графъ Дзялынскій сознался уже и кромѣ того изъ Овруча полученные улики, бросающія на меня подозрѣнія. Объясняясь, я потребовалъ очныхъ ставокъ съ Дзялынымъ, но оказалось, что графа въ Житомирѣ уже не было. Губернаторъ очень снисходительно и ласково убѣждалъ меня сознаться. Послѣ отказа съ моей стороны, мнѣ было объявлено, что для дальнѣйшихъ объясненій, отправятъ меня къ намѣстнику Туготмину въ Нѣсвижъ. Какъ исключительную милость губернатора далъ мнѣ позволеніе возвратиться сперва домой въ Овручскій уѣздъ, и оттуда уже ѣхать въ Нѣсвижъ. Вообще Шереметьевъ былъ очень добръ и имѣлъ самое великодушное и благородное сердце. Нельзя того же самаго сказать о бригадирѣ Владычинѣ; онъ поступилъ со мною сурово и принудилъ ѣхать какъ можно поспѣшнѣе. Провожали меня поручикъ и сержантъ. Вѣжатель я разумѣется могъ нѣсколько разъ въ теченіе дороги, но не хотѣлъ этого дѣлать: у меня были имѣнія, и отвѣтственность пала бы на имущество въ случаѣ бѣгства. Въ Нѣсвижѣ, противъ моего ожиданія, мнѣ не дозволили выбрать для себя квартиру въ мѣстечкѣ, или

остановиться въ какомъ-нибудь мѣстномъ монастырѣ. Троицъ намъ привезеннымъ сюда—Грибовскому, бывшему секретарю Потоцкаго, посла въ Турцію за время республики и нѣкоему вѣмцу инженеру, пойманному съ планами, отвели помѣщеніе въ зданіи поіезунтскаго монастыря. Нѣмецъ вскорѣ умеръ. Я и Грибовскій жили въ верхнемъ этажѣ; тамъ же находились и всѣ привезенные и каждый день вновь привозимые изъ Литвы помѣщики, обвиненные въ заговорѣ. Съ ними намъ не позволяли видѣться. Сюда же заключили и весь штабъ генерала Тизенгауза, взятый въ сраженіи въ плѣнъ. Аптекарь послѣ мнѣ передавалъ, что цѣлые полдня ввозили въ крѣпость отбитый у поляковъ обозъ и вводили военно-плѣнныхъ. Здѣсь же я былъ увѣдомленъ о злодѣйствахъ, совершенныхъ варшавскою чернью. Этажемъ ниже насъ жили офицеры и чиновники изъ штаба Тутолмина; послѣ пожара, въ поіезунтскій монастырь, даже въ тотъ самый этажъ, гдѣ находились мы, переселилось много дамъ и мужчинъ изъ мѣстечка, образовавшихъ нѣчто въ родѣ веселой колоніи. Только мы были ея мертвыми членами. Въ церковь мнѣ дозволяли ходить съ сержантомъ, а столъ получалъ я на свой счетъ изъ дорогаго и плохаго мѣстнаго трактира.

Недѣлю спустя послѣ пріѣзда, Тутолминъ прислалъ за мною карету и потребовалъ въ замокъ. Передъ аудіенціей мнѣ удалось осмотрѣть великолѣпныя залы Радзивилловскаго дворца. Въ Нѣсвижѣ, сгорѣвшемъ въ это время, было нѣсколько церквей, но въ нихъ не отправлялось богослуженіе. Замокъ отдѣлялся отъ мѣстечка длинною греблею. Его окружали крѣпостныя стѣны со множествомъ окоповъ и пушекъ. Нѣсколько тысячъ русскаго войска занимали укрѣпленіе. Въ залахъ замка я нашелъ множество разнаго рода людей; одни приходили, другіе удалялись. Цѣлыхъ два часа я ждалъ

пріема, пока пришла моя очередь. Входя въ кабинетъ, гдѣ былъ намѣстникъ, я обратился къ нему съ просьбою оказать мнѣ милость и справедливость вмѣстѣ. Тутолминъ посадилъ меня рядомъ съ собой и началъ уговаривать меня сдѣлать признаніе. Я отвѣтилъ, что мое положеніе и званіе какъ духовнаго лица, не позволяетъ мнѣ касаться свѣтскихъ дѣлъ и знать что-либо о нихъ. Намѣстникъ тутъ же пригласилъ меня на обѣдъ къ себѣ на другой день.

Залы замка въ этотъ день были переполнены еще болѣе офицерами, помѣщиками и родственниками Тутолмина. Все это напоминало этикетальныя приемы Варшавскаго Двора, на которыхъ мнѣ случалось бывать. Сдержанность гостей и важный видъ самаго намѣстника, прохаживавшагося по заламъ, придавали еще болѣе торжественности собранію. Для каждаго изъ насъ у намѣстника всегда имѣлось ласковое слово и притомъ на языкѣ національности гостя. За обѣдомъ, поданномъ въ особой большой залѣ, Тутолминъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ ви-за-ви рядомъ съ своимъ сыномъ. Разговоръ шелъ о постороннихъ вещахъ, преимущественно о Крымѣ, гдѣ я бывалъ нѣсколько разъ. Черезъ три дня меня снова допрашивали и я снова объявилъ, что ничего не знаю. Въ это время прибылъ въ Нѣсвижъ епископъ Садковскій, нѣкогда сидѣвшій въ Варшавѣ подъ арестомъ, по обвиненію въ содѣйствіи въ гайдамацкомъ бунтѣ. Я обратился къ нему, прося протекціи у Тутолмина. Онъ со мною познакомился еще въ бытность короля Станислава Августа въ Тульчинѣ, гдѣ въ это время я исправлялъ должность Провинціала (благочиннаго). Садковскій утѣшалъ меня, увѣряя, что я буду отвѣчать на обвиненія въ Житомирѣ, или гдѣнибудь въ иномъ мѣстѣ нашего края. Основываясь на этихъ увѣреніяхъ и на милостивыхъ приемахъ Тутолмина, я началъ пи-

татъ надежду скоро возвратиться домой. Увы, надеждамъ не суждено было исполниться. Епископа Садковскаго я не виню; онъ вѣрно не прочь былъ бы помочь мнѣ, но врядъ ли могъ что сдѣлать. Въ видахъ недостатка помѣщеній, многихъ изъ арестованныхъ и вытребованныхъ въ Нѣсвижъ высылали почтовыми дальше. Чрезъ двѣ недѣли послѣ моего приѣзда объявлена была и моя отсылка. Куда меня высылали я не зналъ, но я надѣялся попасть въ Овручъ. Офицеръ и сержантъ сопровождали меня. Увѣренность моя, что ѣдимъ на Волынь продолжалась до первой станціи. Здѣсь содержательница постоялаго двора сказала мнѣ, что трактъ этотъ—бѣлорусскій и ведетъ въ Могилевъ. Сердце мое сжалось и пришлось оставить отрадные надежды. На этой станціи, поправляя экипажъ, мы должны были пробыть очень долго. Помѣщикъ прислалъ мнѣ завтракъ и бутылку вина, прося посѣтить его, но стража моя не допустила этого. Очень обидѣло меня такое распоряженіе тѣмъ болѣе, что и объяснить себѣ я даже не могъ причины подобной строгости. Мы проѣхали Шкловъ и Могилевъ, гдѣ перестали сопровождать насъ казакъ, ѣхавшій до сихъ поръ постоянно вмѣстѣ съ нами. Проѣхавъ мѣстечко Оршу, лежащую въ 20 миляхъ отъ Смоленска, гдѣ мнѣ офицеръ не позволилъ быть въ монастырѣ о. о. Базильянъ, мы наконецъ прибыли въ Смоленскъ. Здѣсь печаль моя замѣнилась серьезными опасеніями на счетъ ожидающей меня дальнѣйшей судьбы. Въ сопровожденіи плацъ-маіора подвезли меня къ великолѣпному каменному зданію; я ожидалъ найти въ немъ удобное помѣщеніе, но сейчасъ же пройдя прекрасныя двери, мы попали въ узкіе коридоры и оттуда въ небольшую комнату со сводами. Здѣсь я долженъ былъ жить. Другіе арестанты помѣщались въ сосѣднихъ комнатахъ, и ихъ голоса мнѣ были слышны. Вещи мои плацъ-ма-

іоръ осмотрѣлъ; деньги и драгоцѣнности опечаталъ и взялъ къ себѣ; у меня было сто червонцевъ зашитыхъ въ платѣ, и тѣ я посиѣшилъ отдать. Мои опасенія и вопросы о причинахъ такихъ строгостей, офицеръ и плацъ-адъютантъ старались разъяснить, ссылаясь на общій для всѣхъ арестантовъ приказъ. Обѣдъ позволено было требовать изъ трактира и принесли его, очень порядочно приготовленный, только послѣ всего случившагося у меня не нашлось аппетита. Комната моя освѣщалась двумя окнами, не смотря на это она оказалась сырою и темною. Предъ этимъ въ ней хранились мѣдныя деньги. Уходя плацъ-адъютантъ заявилъ, что если, кромѣ отобранныхъ, у меня при себѣ еще окажутся деньги, я буду подвергнутъ строгой отвѣтственности. Въ страхъ припаялся я перетрясать свои карманы, и о ужасъ: въ нихъ оказался мѣдный польскій грошъ.... Я такъ былъ встревоженъ и внѣ себя, что и это пустое обстоятельство смутило и испугало меня. Куда бы мнѣ дѣвать этотъ опасный грошъ? подумалъ я. Пола въ комнатѣ не было. Трепеща отъ страха я бросилъ его въ углу въ песокъ и зарылъ, какъ могъ глубже. Теперь я смѣюсь надъ этимъ моимъ страхомъ, но тогда я ужасно опасался этого несчастнаго гроша, заблудившагося въ моихъ карманахъ. Человѣка моего ко мнѣ не допускали. Но каждое утро этотъ честный слуга — мазуръ, являлся къ моимъ дверямъ и утѣшалъ меня. Опъ былъ скорѣе моимъ другомъ, чѣмъ слугой. Спустя три мѣсяца я отослалъ его обратно домой.

Черезъ три дня мнѣ велѣно было явиться въ комиссію; при этомъ, какъ обвиняемому, мнѣ не дозволили надѣть ордена. Когда меня подвезли къ дворцу намѣстника, я видѣлъ любопытныя женскія лица, присматривавшіяся моему пріѣзду. Комиссія засѣдала въ огромномъ, деревянномъ одно-

этажномъ домѣ; въ немъ было множество залъ, великолѣпно меблированныхъ, огромный садъ, парники и оранжереи. Дѣятельность комиссіи я описывать не стану. Скажу только, что предсѣдатель—генералъ Осиповъ былъ человѣкъ добрый и великодушный, бригадиръ Руссановъ и генералъ Мамановъ были люди любезные и воспитанные; Войновъ и Мясоѣдовъ сдѣлали для меня много хорошаго. Но о переводчикѣ, полякѣ майорѣ Говловскомъ нельзя сказать того же. Только о немъ я предпочту лучше молчать. Другой переводчикъ, тоже полякъ Маньковский, былъ гораздо добрѣе и лучше своего товарища. Два мѣсяца я прожилъ въ заключеніи, потомъ былъ переведенъ на квартиру болѣе удобную и просторную. Въ это время привезли въ Смоленскъ моего эконома Езерскаго; допрошенный въ комиссіи, онъ сильно меня скомпрометировалъ. За нимъ окончательно изобличили меня въ знаніи плановъ заговорщиковъ дзеканъ (благочинный) Куликовскій и помѣщикъ Бернацкій. Все это совершенно убило мою энергію; опечаленный и упавшій духомъ я нашелъ утѣшеніе въ разговорахъ съ простымъ солдатомъ стерегшимъ меня; его простодушное и христіанское сочувствіе трогало меня и находило дорогу къ моему сердцу. У меня было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія и Библія. Много горькихъ минутъ заключенія уладила мнѣ эта святая книга. Цѣлыхъ полтора года провелъ я въ Смоленскѣ. Сначала только меня довольно часто водили въ комиссію; упадкомъ духа, тоскою и слабостію силъ сказывалось мое заключеніе, но вообще здоровье было еще довольно сносно. Пищу мнѣ приносили изъ трактира; но денегъ на руки не выдавали. Впослѣдствіи только начали выдавать столовые. Изъ этихъ денегъ, отнимая отъ собственнаго рта кусокъ, я успѣвалъ сберечь кое-что и помогалъ тѣмъ изъ товарищей моего заключенія, которые нуждались еще боль-

ше меня. Плацъ-маіоръ подъ конецъ приходилъ ко мнѣ очень рѣдко, а съ перваго начала онъ не переставалъ утѣшать меня и предсказывалъ скорое увольненіе. Случалось доставать и газеты. Изъ нихъ узнавалъ я объ однихъ только пораженіяхъ поляковъ; печальныя эти вѣсти подтвердились вскорѣ прибытіемъ изъ Литвы нѣсколькихъ плѣнныхъ офицеровъ. Несчастный Езерскій умеръ въ отчаяніи. Своимъ доносомъ на меня онъ лишилъ жену и дѣтей покровителя, котораго бы они всегда во мнѣ нашли. Передъ смертію ему дозволили исповѣдываться. Въ Смоленскѣ было два ксендза бернардина и намъ всѣмъ позволили исполнить христіанскія требы, по нашимъ обрядамъ. Братъ хорошаго знакомаго мнѣ абата, помѣщикъ Чудовскій прислалъ мнѣ двадцать рублей ассигнаціями чрезъ брата. Денегъ этихъ я не взялъ и поручилъ абату отдать тѣмъ, которые нуждались больше. Между тѣмъ развязка приближалась. Болѣе счастливымъ позволяли возвращаться домой. Мы имъ завидовали, предчувствуя, что намъ придется ѣхать еще далѣе на сѣверъ. Наконецъ начали партіями вывозить и насъ изъ Смоленска. Въ Иркутскую губернію ссылались Оскирко, Дубровскій, Бернацкій, Яковъ Пауша и мой племянникъ Непомукъ Охотскій. Этотъ послѣдній еще почти ребенокъ, лѣтъ двадцати, прожилъ цѣлыхъ полтора года въ Смоленскѣ безъ гроша денегъ и даже безъ платья. Только освобожденіе изъ-подъ суда его брата Дуклана дозволило тому снабдить его всѣмъ нужнымъ. Всѣ мы плакали, встрѣтившись въ такомъ грустномъ положеніи. Дуклана уволили домой; этой милостію онъ былъ обязанъ ходатайству Голынскихъ. Въ Тобольскую губернію ссылали меня, ксендза Куликовского, пріора (настоятеля) Силича и каноника (совѣтника консисторіи — духовный санъ) Соломоновича изъ Литвы. Всѣхъ насъ снова пе-

ревели въ крѣпость, гдѣ отъ перваго дня ареста былъ заключенъ генераль Дзялынскій. Несказанно обрадовались мы тому, что были наконецъ всѣ вмѣстѣ. Плацъ-маіоръ утѣшалъ насъ, увѣряя, что намъ вѣроятно дозволить остануться въ Москвѣ. Въ крѣпости мы сидѣли двѣ недѣли. Экипажъ Дзялынскаго, на которомъ онъ уже ѣздилъ въ Петербургъ и обратно вернулся въ Смоленскъ, былъ никуда не годенъ. Я предложилъ ему ѣхать въ моей коляскѣ. Эта коляска выдержала дорогу въ Туринскъ и обратно и только оси и колеса пришлось перемѣнять. Мы выѣхали подъ конвоемъ солдатъ и въ сопровожденіи офицера, которому велѣно было ежедневно дѣлать не менѣе ста верстъ. На случай болѣзни котораго нибудь, предписано оставлять больного на руки властей, а съ остальными слѣдовать далѣе. Путешествуя вмѣстѣ, мы раздѣлили между собою дорожныя обязанности: Спичъ и Куликовскій обязались готовить кушанья, а и Соломоновичъ должны были закупать провизію, а генераль Дзялынскій приготавливалъ къ столу. Кастрюли и посуду мы мыли по очереди. Дзялынскій и я изъ собственныхъ средствъ содержали остальныхъ, ничего почти не имѣвшихъ. Дзялынскому выдавали въ сутки полтора рубля, какъ генералу, мнѣ рубль, а прочимъ по тридцати копѣекъ. Путь нашъ шелъ на Дорогобужъ, Вязьму, Великіе Луки и Можайскъ. Всѣ эти города очень порядочные; долгій миръ позволилъ имъ обогатиться; отъ самаго семнадцатаго столѣтія края эти не видали непріятеля. Торговля здѣсь процвѣтала, промыслы увеличивались и порядокъ не былъ нарушенъ. Москва насъ удивила своей обширностью, но въ полтора дня, которые мы въ ней провели, ничего нельзя было хорошо осмотрѣть. У книгопродавца Куртнера я и Дзялынскій запаслись историческими и медицинскими книгами. Медицина очень приго-

дилась Дзялынскому впоследствии; онъ не только помогалъ себѣ, но и пріобрѣлъ славу великаго доктора: въ Березовѣ, за тысячу верстъ лежащимъ отъ Tobольска, къ нему свозили больныхъ изъ отдаленнѣйшихъ угловъ Сибири. Въ то время въ этомъ краѣ не было вовсе докторовъ, за исключеніемъ губернскихъ городовъ. Изъ Москвы, гдѣ насъ догнала вторая партія ссыльныхъ, мы поѣхали на Владиміръ Великій— нѣкогда столичный городъ удѣльнаго княжества, отсюда на Нижній Демьянскъ, Сѣвскъ и Казань, бывшую столицу татарскаго царства. Здѣсь дома были по большей части каменные; деревянныя постройки отличались тоже обширностію и красотой. Въ Казани считается одинъ купцовъ до двухъ тысячъ. Городъ расположенъ надъ рѣкой Казанкой, неподалеку отъ Волги и составляетъ важный торговый центръ. Климатъ относительно теплый и жизнь здѣсь довольно пріятная. Населеніе состоитъ изъ разныхъ народовъ татарскаго племени: черкесовъ, чувашей, башкировъ, вотяковъ и черемисовъ. Башкиры живутъ по Волгѣ; вотяки и черемисы поселены вокругъ Казани и занимаются ловлею соболей; зимой они ихъ стрѣляютъ изъ луковъ. По степной границѣ кочуютъ роды киргизовъ, каракалпаковъ, сагисовъ, башкировъ, бухарцевъ и т. д. Въ Иркутской губерніи обитаютъ татары и камчадалы. По рѣкѣ Оби живутъ назимцы, казимцы и самоѣды — народы нынѣ страшные развѣ только однимъ соболямъ, лисицамъ и медвѣдямъ. Всѣ эти народы отличаются другъ отъ друга одеждой, обычаями и языкомъ татарскаго корня. Нѣкоторые и до сихъ поръ язычники, чтутъ огонь, бѣлаго вола, но такихъ уже очень немного. Въ дорогѣ мы останавливались въ ихъ селахъ и ночевали у нихъ; они содержатъ здѣсь почтовую гоньбу. Въ одной деревнѣ намъ подавали лошадиное мясо. И я увѣ-

рился при этомъ въ справедливости мнѣнія: что голодному все вкусно.

Мы проѣхали чрезъ Арханскъ и прибыли въ Пермь, резиденцію губернатора пермскаго и тобольскаго, управляющаго краемъ, простирающимся на 30.000 верстъ, или на пять тысячъ миль. Губернаторомъ былъ въ это время Волковъ, человекъ добрый и достойный уваженія. Я и Дзялынскій представились ему. При вторичномъ свиданіи онъ на дѣлилъ меня кофе, сахаромъ, чаемъ и ветчиною, а Дзялынскому подарилъ дорогую шубу. Онъ утѣшалъ насъ, какъ могъ, а жена его даже расплакалась, увидя насъ. Равною же гуманностію отличился и вице-губернаторъ Колтовскій, бывшій нѣкогда въ Польшѣ и женатый на литвинкѣ. Волковъ дозволилъ намъ прожить въ Перми три дня. При выѣздѣ, онъ объявилъ, что во всемъ подвластномъ ему краѣ мы встрѣтимъ уваженіе къ нашему несчастію. Въ Екатеринбургѣ, городѣ лежащемъ на нашемъ пути уже за уральскими городами, находятся рудники золота и серебра, но болѣе всего здѣсь добывается мѣди. Здѣсь же имѣется и монетный дворъ. Золото и серебро въ видѣ небольшихъ полосъ ежегодно посылается въ Петербургъ на двадцати пяти повозкахъ. Въ городѣ находятся фабрики для обдѣлки драгоценныхъ камней; ихъ насчитываютъ до трехъ сотъ сортовъ. За уральскими горами мы должны были раздѣлиться; Дзялынскій и Соломоновичъ отправились тобольскимъ трактомъ, первый въ Березовъ, второй въ Сургутъ. Куликовскій въ Тобольскъ; Силичъ въ Ялукурскъ (Ялutorовскъ); мнѣ пришлось ѣхать въ Туринскъ, городъ лежащій за Тобольскомъ въ 460 верстахъ.

Разставаніе наше было очень печально. Въ особенности мнѣ жаль было Дзялынскаго; всю дорогу мы ѣхали вмѣстѣ;

я очень привязался къ нему и уважалъ въ немъ доброе сердце, умъ, религіозность и пріятный характеръ. Онъ между нами служилъ примѣромъ терпѣнія и покорности судьбѣ, перенесъ безъ ропота несчастіе. Въ краѣ у него осталась жена, трое дѣтей и огромныя имѣнія. Но онъ не жаловался и не приходилъ въ отчаяніе. Въ Туринскъ я поѣхалъ одинъ, подъ стражею унтеръ-офицера. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Ирбитъ, гдѣ бываетъ величайшая во всей Сибири ярмарка. Во всю мою дорогу я переправился чрезъ рѣки Днѣпръ, Москву, Клязму, Оку, Волгу, Суру, Свіягу, Вятку и Нику. Говоря о Волгѣ россияне называютъ ее матушка Волга. И въ самомъ дѣлѣ она одна изъ величайшихъ рѣкъ земнаго шара. Къ ней можно примѣнить стихи римскаго поэта.

*Te decet aut magnas magnum jactare carena
Aut etiam totis classibus esse trucem...*

Уральскія горы, чрезъ которыя мы перебирались цѣлый день, замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что потоки водъ съ одной стороны ихъ текутъ всѣ въ Европу, а съ другой—въ Азію и впадаютъ въ рѣку Обь. Туринскъ, лежащій при рѣкѣ Турѣ, находится отъ Овруча въ разстояніи двухъ тысячъ семисотъ восьмидесяти верстъ. Рѣки Пртышъ и Тоболь, надъ которыми выстроился прекрасный и богатый губернскій городъ, тоже впадаютъ въ Обь. Въ Туринскъ я пріѣхалъ 28 апрѣля 1795 года. Первымъ сановникомъ здѣсь считался городничій Испаучинъ, и съ нимъ я сейчасъ же познакомился. Прочитавъ бумаги мои, онъ назначилъ мнѣ квартиру очень невыгодную и для стражи—солдата.

Исправникъ, полковникъ Панаевъ, и другіе жители, трону-

тые состраданіемъ, сейчасъ же прислали мнѣ поѣсть. Первая ночь моя въ Туринскѣ прошла непокойно; мнѣ было холодно и спать я совсѣмъ не могъ. На утро, когда городничій ближе познакомился со мною, онъ сдѣлался ко мнѣ снисходительнѣе и повелъ съ собою по городу, представляя мнѣ выбрать самому для себя квартиру по своему вкусу. Я выбралъ въ домѣ одного купца надъ Турою у перезова, во второмъ этажѣ. Надо замѣтить, что во всей Сибири не только въ городахъ, но даже деревняхъ всѣ почти дома двухэтажные и выстроены очень хорошо. Строили по большей части ссыльные изъ разныхъ мѣстностей и даже изъ нашихъ губерній. Съ нѣсколькими здѣшними поляками, женившимися и оставшимися здѣсь на всегда я вскорѣ познакомился. Таковыя были: Малиновскій, Лукашевичъ, Юхновскій, Бродовскій, Піотровскій и многіе другіе. Всѣ они имѣли собственные дома въ городѣ и занимались торговлею. Еще большее количество поляковъ поселено въ деревняхъ. Городничій самъ водилъ меня потомъ ко всѣмъ значительнѣйшимъ обывателямъ города. Сперва мы были у полковника Панаева. Прежде Сибирь управлялась воеводами и дѣлилась на небольшіе округа, и Панаевъ былъ туринскимъ воеводой. Жилъ онъ очень хорошо, имѣя неподалеку отъ города имѣніе, винокурню и бумажную фабрику, дававшую ему большіе доходы. Человѣкъ старый и слабый здоровьемъ, онъ отдыхалъ теперь отъ понесенныхъ трудовъ. Родился онъ въ бѣдности, состояніемъ и чиномъ Панаевъ былъ обязанъ своимъ трудамъ и честности. Во всей губерніи его уважали и любили. Сынъ его былъ уже совѣтникомъ въ Губернскомъ Правленіи и имѣлъ тоже полковничій чинъ. Старикъ Панаевъ очень сочувственно встрѣтилъ меня и пригласилъ бывать у него какъ можно чаще. Я познакомился со всѣмъ уѣзд-

нымъ судомъ и во всѣхъ, противъ ожиданія, встрѣтилъ сочувствіе и сердечное расположеніе.

Три раза въ недѣлю я обѣдалъ у городничаго, платя по рублю за каждый обѣдъ; въ прочіе дни я обѣдалъ дома, такъ какъ у городничаго ѣли съ говядиной всю недѣлю. Жена городничаго была родомъ изъ Кіева; тамъ у нея жива была еще мать—Губаревнчъ и чрезъ нее я могъ отсылать и получать письма. Не ограничиваясь этимъ городничій всегда бралъ меня въ свой экипажъ, когда куда-нибудь ѣхалъ. Поѣздка эта развлекала меня. Мы ѣздили на праздники въ сосѣднія села, на похороны, свадьбы и т. п.

Здѣсь существуетъ обычай оплакивать умершаго наемными плакальщицами; слезы и сѣтованія родственниковъ возрастаютъ по мѣрѣ приближенія похоронъ, а когда опускаютъ гробъ, они дѣлаются похожи на сѣмасшедшихъ. Это мнѣ напомнило сцену въ Триестѣ, гдѣ я былъ, возвращаясь изъ Рима. Грекъ Анастасію разыгрывалъ такую же трагедію на гробѣ своего дяди. Я и товарищи мои Вильчинскій и Гребницкій, глядя на него и полагая, что огорченіе помутило его разсудокъ, такъ неистово онъ бился о землю, пробовали приподнять его и утѣшить. Но онъ сердился и просилъ оставить его въ покоѣ. По его мнѣнію такое оплакиваніе для души его дяди очень полезно на томъ свѣтѣ. Въ Сибири существуетъ еще странный обычай. На Иорданѣ (послѣ водосвятія), молодежь сбрасываетъ шубы и платье и погружается въ прорубь, поддерживаемая на веревкахъ окружающими. Сибиряки полагаютъ, что такое купанье не только здорово для тѣла, но и душу даже очищаетъ. Напрасно я пытался доказать имъ какъ это вредно. Противъ закоренѣлаго предразсудка бороться почти невозможно. Здѣшнее населеніе, хотя и христіанское, преисполнено раз-

ными языческими суевѣріями. Въ праздники всегда бываютъ въ церквяхъ и ведутъ себя въ нихъ очень скромно, но работать — работаютъ, только бы не у себя дома. Щедрость ихъ для церквей замѣчательна, и церкви наполнены богатыми дарами. Въ Пелининѣ (Пелымѣ), прежнемъ уѣздномъ городѣ, видны еще остатки зданія, гдѣ жилъ славный Минихъ. Туринскъ очень недавно сталъ уѣзднымъ городомъ, но въ немъ уже выстроено пять великолѣпныхъ каменныхъ церквей, и очень богато украшенныхъ. Шестою считается монастырская церковь. Въ монастырѣ немного монаховъ, и тѣ—овдовѣвшіе священники. Здѣсь въ обычаѣ попу, послѣ смерти жены, постригаться въ монахи. Только на случай малолѣтства дѣтей, епископъ дозволяетъ вдовцу оставаться въ приходѣ священникомъ. Увеселенія жителей очень скромны. Женщины веселятся отдѣльно. Напитокъ любимѣйшій—пуншъ изъ водки, или изъ арака. Водка вездѣ казенная. Кварта стоитъ 50 копѣекъ. Губернскія винокурни снабжаютъ ею всѣхъ въ достаточномъ количествѣ, но простой народъ пьетъ ее мало изъ за дороговизны и то развѣ на свадьбахъ, именинахъ и т. п. Обыкновенный напитокъ простолюдина родъ полпива (бражка), которую готовить всякій имѣетъ право.

Въ Тобольской губерніи хлѣба дозрѣваютъ, но лѣто стоитъ всего три мѣсяца. Лѣтомъ здѣсь бываютъ страшные жары; отъ зною въ огородахъ растенія прикрываютъ листьями и поливаютъ безпрестанно, иначе все выгоритъ. Пудъ ржаной муки стоитъ рубль. Въ Березовѣ, куда сослали Дзялынскаго, пудъ муки стоилъ пять рублей. Изъ за дороговизны муки, жители на хлѣбъ готовятъ муку изъ сушеной рыбы, добавляя только немного ржаной муки, и изъ смѣси пекутъ хлѣбъ. Огурцы очень дороги. Но мяса и рыбы много. Волковъ въ окрест-

ностях нѣтъ. Всѣ переловлены медвѣдями. Послѣднихъ такое множество, что они по нѣскольку вмѣстѣ забѣгаютъ даже въ села и города. Не только скотъ, но и самыя людскія трупы часто пожираются медвѣдями. Происходитъ это отъ того, что зимой сильныя морозы мѣшаютъ глубоко зарывать трупы. Ихъ просто ставятъ въ особые часовни и только лѣтомъ въ маѣ хоронятъ. Увеселенія народа во всемъ краѣ одинаковыя. По разсказамъ городничаго, въ день св. Троицы, всѣ старыя и молодыя дѣвушки въ Туринскѣ, которыхъ считается до двухъ тысячъ, собираются на площадь, дѣлятся на круги и потомъ танцуютъ въ хороводахъ. Мужчины стоятъ отдѣльно и смотрятъ, походя поперемѣнно въ кругамъ. Раздѣленіе мужчинъ и женщинъ при увеселеніяхъ ироявно есть слѣдствіе вліянія азіатскихъ обычаевъ. На улицахъ въ этотъ день строятъ качели и на нихъ забавляются почти весь день. За качели платится извѣстная сумма. На заговѣнья ѣздятъ въ санихъ; катаются съ горъ въ санихъ. Тѣмъ которые тащутъ сани наверхъ катальщики платятъ. Во всѣхъ этихъ забавахъ участвуютъ кромѣ эрстенародія, даже и лица изъ высшаго общества. Сибирь есть безъ сомнѣнія самая бѣдная страна. Но еяли прерана отказала ей во многихъ горахъ, за то она нашла въ хитрости крѣпостью здоровья, силами и энергіей, необходимыми для преодоленія тысячи препятствій, встрѣчавшихъ сибиряка въ дорогѣ. Для того, чтобы проѣхать, по торговымъ дѣламъ, отъ Тобольска до Березова сибиряку приходится встрѣтить болѣе опасностей, чѣмъ даже встрѣчаетъ караванъ въ пустынь. Караванъ составляютъ тысячи людей, тогда какъ здѣсь двое людей садятся въ сани, запряженные собаками, и пробѣгаютъ тысячи верстъ между Березовымъ и Тобольскомъ пустыней, покрытой снѣгомъ. Черезъ нѣсколько дней

они тою же дорогою возвращаются обратно, подвергаясь страшнымъ морозамъ, вьюгамъ и пападеніямъ дикихъ звѣрей.

Живя въ Туринскѣ, я подвергался смертельной скукѣ. Всѣ мои книги были прочтены. Къ счастью я познакомился съ господиномъ Сумароковымъ. Онъ былъ гувернеромъ у Зеленова, платившаго ему за воспитаніе дѣтей тысячу рублей асигнаціями: между прочими талантами Сумароковъ очень хорошо рисовалъ. И это-то было причиною его несчастія. Онъ нарисовалъ асигнацію, а двое помощниковъ, по его рисунку, отпечатали ее. Дѣло открылось, и ихъ всѣхъ трое сослали. Сумароковъ далъ мнѣ исторію Милота на французскомъ языкѣ. Чтеніе спасало меня отъ скуки и вмѣстѣ съ тѣмъ я припоминалъ французскій языкъ. Потомъ я получалъ книги отъ доктора, родомъ шведа, тоже болшею частію французскія. И докторъ и Сумароковъ жили въ другомъ уѣздѣ, но очень часто посѣщали полковника Панаева. Кромѣ другихъ гостей, Панаева посѣтилъ архимандритъ пермскій Ювеналій. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ сыномъ Панаева. Я съ нимъ не только познакомился, но даже подружился. Это былъ молодой, красивый человѣкъ, воспитанный въ столицѣ и очень умный. Мы съ нимъ переписывались, и возвращаясь въ Пермь домой я былъ у него. Онъ мнѣ подарилъ дорогой каменный крестъ на память, и я храню его до сихъ поръ. Изъ газетъ въпослѣдствіи я узналъ, что его сдѣлали архіереємъ. Въ Туринскѣ климатъ сравнительно умѣренный и холода меньше, чѣмъ въ странахъ лежащихъ ближе къ Ледовитому океану. Зимой сообщеніе удобное. И жители мало заботятся на счетъ лѣтнихъ экипажей, всѣ имѣютъ сани очень удобныя и снабженныя всѣмъ нужнымъ, даже желѣзными печками. Угля можно добыть на всякой почтовой станціи. Почтовая ѣзда здѣсь очень де-

шева: за версту съ лошади платять денежку ($\frac{1}{4}$ к.). Ночи бывають свѣтлыя всю зиму, и чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ ночь обыкновенно яснѣе. Путешественники и спять и ѣдятъ обыкновенно въ саняхъ, и въ саняхъ же готовятъ для себя чай.

На вторую зиму жизни моей въ Сибири, сынъ полковника Панаева привезъ къ дѣду своихъ дѣтей. Мнѣ предложили 700 рублей асигнаціями за уроки итальянскаго языка старшей дочери, воспитывавшейся первоначально въ Казани, и за преподаваніе младшимъ дѣтямъ началъ французскаго языка. Гувернеромъ быть я согласился, но платы не взялъ. Полковникъ и безъ того снабжалъ меня всегда сахаромъ, кофе и другими вещами, къ которымъ я привыкъ издавна. Обученіе дѣтей доставило мнѣ истинную отраду. Но скоро печальное событіе помѣшало мнѣ ихъ учить, а имъ пользоваться моими уроками. Полковникъ Панаевъ, старикъ 80-лѣтній, понемногу слабѣя, приблизился къ смерти. Онъ умеръ, сохранивъ ясность мысли и разговаривая до послѣдней минуты. Умирая, онъ требовалъ, чтобы я былъ при немъ безотлучно. Исполнить это было тѣмъ легче, что я и безъ того былъ почти безотлучно у него въ домѣ, давая уроки. Послѣ похоронъ, сынъ сильно огорченный, по обычаю того края, заперся на четыре недѣли, никуда не отлучаясь изъ дому и избѣгая всѣхъ. Напрасно я и докторъ пытались доказать ему, что такое горе и такое удаленіе и затворничество могли вредно повліять на его здоровье. Онъ оставался при своемъ. Только съ великими трудностями удалось намъ убѣдить его уѣхать изъ Туринска. Но не доѣзжая Перми совѣтникъ Панаевъ умеръ, а вдова возвратилась оплакивать судьбу свою и своихъ сиротъ дѣтей. Я съ своей стороны исполнилъ мою обязанность, утѣшая огорченныхъ и самъ въ это время еще

не зная что меня ожидаетъ въ будущемъ, прибѣгъ къ Богу и Онъ поддержалъ меня. Въ разныхъ занятіяхъ и трудахъ я искалъ развлеченія, и рука Господня, поддержавъ меня, скоро положила границу моимъ испытаніямъ. Самый лучший порядокъ для жизни предписалъ Кантъ въ своей Антропологіи, совѣтуя постоянныя занятія. Я такъ и поступалъ. Вставши часа въ четыре, я посвящалъ все утро исполненію моихъ священническихъ обязанностей, сперва читалъ молитвы, потомъ Библию и въ полдень выходилъ изъ дома. Если же случался день, когда у городничаго я не могъ обѣдать, тогда, прерывая отъ времени до времени мои молитвы, я самъ себѣ готовилъ кушанья и наблюдалъ за кухней. Заходившіе меня провѣдать мѣстные жители заставляли меня готовящимъ обѣдъ, подобно тому, какъ самнитскіе послы застали Марка Курція. Въ эту минуту мнѣ казалось, что я нѣсколько походилъ на этого римлянина; оба мы оказывали особенную гордость; онъ отвергая богатые дары, я исправляя должность повара, къ которой не предназначила меня судьба. Въ полдень обыкновенно дѣлались визиты. Затѣмъ я занимался до вечера чтеніемъ книгъ. Этотъ порядокъ былъ нарушенъ въ теченіе шести недѣль уроками внуковъ полковника Панаева.

Я постоянно думалъ о моей родинѣ. Во все время моего изгнанія, никогда ни одного разу мнѣ не пришлось уснуть прежде, чѣмъ мысль моя сто разъ не повторила мнѣ всѣ воспоминанія о далекой родинѣ, родныхъ и друзей моихъ. Во время одной изъ такихъ безсонныхъ ночей, послѣ полуночи, вдругъ является ко мнѣ слуга овдовѣвшей уже въ то время полковницы Панаевой и передаетъ, что меня ждутъ и непремѣнно сейчасъ же въ домъ полковницы. Дивясь такому необыкновенному приглашенію и догадываясь, что при-

чиною его вѣроятно что нибудь особеннае, я по дорогѣ зашелъ къ городничему. Онъ объявилъ, что и его тоже пригласили къ Панаевой и кромѣ того также приглашены многіе изъ жителей города. Но что все это значитъ — онъ не знаетъ. Въ домѣ полковницы мы нашли большое, веселое общество; гостямъ разносили пуншъ и вино, послѣднее полковница выписывала изъ Россіи. Всѣ были очень веселы, но я сейчасъ замѣтилъ, что меня къ чему-то готовили; шептались между собою и намекали мнѣ на какую-то радость. Наконецъ объявили новость—я освобожденъ. Въ первую минуту я почти потерялъ чувство и долгое время не вѣрилъ, думая, что надо мною подшучиваютъ. Наконецъ я повѣрилъ и возблагодарилъ Творца, который возрѣлъ и на меня—ничтожнѣйшаго изъ червей земныхъ. Панаева какъ только получила извѣстіе о моемъ освобожденіи изъ Перми, сейчасъ же послала за мною, сѣѣша сообщить мнѣ счастливую вѣсть. Павелъ I-й вступилъ на тронъ и первымъ дѣломъ его было возвратить изъ Сибири сосланныхъ поляковъ. Слезы радости и благодарности встрѣтили начало его царствованія. Царствованіе благодѣтельнаго Александра I-го окончательно осчастливило меня, но и эти дни счастья не уменьшали чувствъ моихъ къ памяти императора Павла,—чувства эти я сохранию до могилы. Офіціального указа о моемъ освобожденіи пришлось ждать еще цѣлую недѣлю. Съ прибытіемъ его, я конечно не замедлилъ и одною минутою уѣхать. У первой съ прощальнымъ визитомъ былъ я у Панаевой; всѣхъ моихъ знакомыхъ я пригласилъ къ себѣ на проводы и выѣхалъ, понуждая ямщиковъ скорѣе лѣтъ къ Тобольску. Время проѣзда на родину я высчиталъ; при всей поспѣшности ранѣе трехъ мѣсяцевъ нельзя было пріѣхать изъ Туринска въ Овручъ. Въ Тунинѣ я посѣтилъ знакомаго моего доктора

шведа и былъ принятъ дружескимъ образомъ, какъ имъ, такъ и мѣстнымъ исправникомъ. Въ Сибири гостепріимство общая добродѣтель; и бѣднякъ и богачъ равно соблюдаютъ его. Даже татары, чрезъ села которыхъ я проѣзжалъ, давали мнѣ доказательства своего расположенія и доброты. Мы имѣемъ вполнѣ невѣрное понятіе объ этомъ краѣ, считая его жителей дикарями. Было это, быть можетъ, справедливо въ старину, но нынче все совершенно измѣнилось. Россіяне, живущіе въ Сибири, дѣлятся на двѣ части: на первыхъ, поселившихся здѣсь еще во времена Іоанна Грознаго, и позднѣйшихъ, сосланныхъ и просто переселенныхъ людей. Надо замѣтить, что если судить по жителямъ Сибири, почти совершенно лишеннымъ просвѣщенія и цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющимъ характеръ ласковый и сердца добрыя, то можно заключить, что въ такомъ случаѣ цивилизація немногимъ улучшаетъ народы. Даже если сибирякъ, ласковый и кроткій, составляетъ исключеніе, то и тогда они стоятъ быть поставленными на ряду съ цивилизованѣйшимъ населеніемъ западныхъ странъ. Жизнь ихъ покойна; въ обществѣ они учтивы, бѣднымъ всегда готовы помогать, а дружба у нихъ соединяется съ благородною откровенностію. Очень характеристична ихъ всеобщая поговорка, когда кто нибудь пошутитъ не такъ, какъ бы слѣдовало: какъ тебѣ не стыдно! И къ дѣтямъ и къ взрослымъ примѣняются эти слова, указывающія яснѣ всего на стремленіе удержать человека отъ дурнаго напоминаніемъ о стыдѣ. Такой обычай говоритъ о благородствѣ стремленій и понятій сибирскаго населенія. Во все время моего пребыванія въ Туринскѣ тюрьма и полиція не заключали вовсе арестантовъ. Во всемъ уѣздѣ, какъ я слышалъ, за это время случилось только два случая обвиненія. Первый — нѣкто Сабуровъ, изъ военной службы,

присланный на поселеніе, задумалъ убить двухъ татаръ своихъ кредиторовъ; другой — по обвиненію одного молодого человѣка въ поджогѣ сосѣда. Поджигателя, какъ я слышалъ, присудили къ наказанію кнутомъ. Воровство въ Сибири почти не встрѣчается. Если и воруютъ иногда, то ссыльные, которыхъ ежегодно прибываютъ изъ Россіи транспорты, и между ними много ссыльно-каторжныхъ, присужденныхъ въ рудники. Освобожденные чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ рудниковъ, но потерявшіе силы въ тяжелыхъ работахъ, они блуждаютъ въ Уральскихъ горахъ, питааясь милостыней. Въ этихъ горахъ, продолжающихся до границъ Китая (?), природа разсыпала неизмѣримыя богатства въ разнаго рода рудахъ, принадлежащихъ какъ казнѣ, такъ и частнымъ лицамъ: Строгановымъ, Демидовымъ и другимъ. Во всѣхъ рудникахъ, гдѣ работаютъ сосланные, они получаютъ въ день по двѣ копейки. Городъ Екатеринбургъ — центральный складъ добытыхъ металловъ и дорогихъ камней, гдѣ послѣдніе и обрабатываются. Возлѣ большого пруда, имѣющаго каменную запруду, находятся каменные кузницы, въ которыхъ золото и серебро переливаютъ въ небольшія полосы. Въ такомъ видѣ металлы, зимой, отсылаются въ Петербургъ почтовыми и обывательскими лошадьми. Транспорты называются серебрянкой; въ нашемъ пути мы бѣгали отъ подобной серебрянки. При встрѣчѣ съ нею нѣтъ возможности достать лошадей; тѣмъ болѣе, что съ екатеринбургской серебрянкой соединилась нерчинская — изъ губерніи Иркутской. Нерчинскъ лежитъ въ пяти тысячахъ верстахъ отъ Тобольска. Добыча золота идетъ здѣсь такимъ образомъ: берутъ руду золотосодержащую, мѣшаютъ ее съ пескомъ, кладутъ въ горшокъ и часто поливая водою взбалтываютъ смѣсь. Золото, какъ продуктъ болѣе тяжелый, опадаетъ на дно. Отбросивъ пер-

вый слой, на днѣ находятъ драгоцѣнный металлъ. Вмѣстѣ съ серебрянкою обыкновенно высылаютъ и партіи драгоцѣнныхъ камней, добытыхъ въ Екатеринбургской области и тамъ же ошлифованныхъ. Камни укладываютъ въ ящички, обитые внутри шерстяными и шелковыми матеріями. Ихъ дѣлятъ на отдѣлы: для табакерокъ, перстеней, печатокъ, брелоковъ, серегъ и т. п. Отдѣльно откладываются камни, похожіе на рубины, смарагды и хризоберилы, предназначенные на орденъ. Я видѣлъ камни, на которыхъ замѣтны были жилки желтоватаго цвѣта. Неошлифованные камни эти очень некрасивы. Всѣ эти подробности я видѣлъ у директора фабрики Раздеришина, приготовлявшаго транспортъ въ Петербургъ. У него я обѣдалъ по приглашенію; онъ звалъ и дорожняго моего товарища Польковскаго, услышавъ о нашемъ пріѣздѣ. Но Польковскій оставался дома стеречь наши вещи, изъ которыхъ, на станціяхъ, постоянно что нибудь крали. Особенно жалко мнѣ украденныхъ сибирской породы кошекъ и суекъ.

Раздеришинъ подарилъ мнѣ нѣсколько камней. Изъ нихъ я роздалъ друзьямъ всѣ, оставивъ себѣ для перстня одинъ сафиръ. У здѣшнихъ ювелировъ легко было купить очень не дорого богатый выборъ камней, но передо мною было еще 3000 верстъ пути, касса моя не очень оказывалась богатою и я воздержался отъ покупокъ.

Въ день пмяннѣ, здѣсь, какъ и въ нашемъ краѣ, сосѣди посѣщаютъ другъ друга, съ поздравленіями и по приглашенію хозяина. Утромъ гости находятъ, въ скоромные дни, уже готовый столъ уставленный закусками: подается гусь фаршированный, жаркое и паштеты, пироги по здѣшнему. Въ постъ предлагаютъ большой пирогъ съ великолѣпными рыбами: со стерлядьми и т. п. Вокругъ стола, собственно

для украшенія его, ставятъ тарелочки съ изюмомъ, миндалемъ и фигами. Но хорошій тонъ позволяетъ только понемногу брать ихъ. Здѣсь, привозимыя издалека, они стоятъ очень дорого. Европейскія груши (миѣ ихъ даже видѣть не случалось) и въ особенности яблоки составляютъ такую рѣдкость, что между гостей дѣлятъ ихъ по небольшому кусочку. Увеселенія мѣстныя очень не веселы. Мужчины собираются отдѣльно отъ женщинъ. Всѣмъ, сколько есть гостей, подносятъ по стаканчику водки; выпивъ, каждый закусываетъ. Водка подносится до трехъ разъ. Послѣ этого всѣ садятся. Послѣ нѣсколькихъ стагановъ водки начинается бесѣда, слышится шопотъ, смѣхъ и шутки, впрочемъ, не взирая на попойку, благопристойность строго соблюдается. Хозяинка дома отдѣльно угощаетъ дамъ чаемъ; нѣкоторые пьютъ его безъ сахару. Кофе не любятъ. Чай готовятъ въ самоварахъ, которыми щеголяютъ другъ передъ другомъ. У богатыхъ встрѣчаются и самовары и чайники серебрянные. Чай здѣсь превосходный. Изъ Китая привозятъ въ черненькихъ бутылочкахъ, украшенныхъ изображеніями. Это лучшій сортъ и онъ очень дорогъ. Бутылочку такого чаю миѣ подарилъ вице-губернаторъ Тобольскій, прибавивъ, что такой чай пьетъ самъ императоръ Китая. Для гостей, послѣ первой чашки чаю, готовятъ пуншъ; рѣдко дѣлаютъ его изъ арака, чаще всего изъ простой водки. Наливки въ этой странѣ дѣлаютъ превосходныя, наливая водкою или аракомъ европейскіе фрукты. Орѣховъ обиліе, и они отличаются вкусомъ отъ нашихъ. Сибирскій кедръ даетъ шишки, въ которыхъ заключаются орѣхи, покрытые нѣжной шелухой, очень пріятны на вкусъ. Въ обществѣ всегда подаютъ кедровые орѣхи, но болѣе для развлеченія, чѣмъ какъ лакомство. При разѣздахъ женщины удаляются первыя; мужчины даже не

идутъ ихъ проводить съ лѣстницы, а надо знать, что здѣсь лѣстницы вездѣ таковы, что не мѣшаетъ остерегаться. Уходя, женщины кланяются, но не цѣлуются; хозяйка провожаетъ ихъ. Мужчины остаются въ гостяхъ дольше. Въ самыхъ многолюдныхъ компаніяхъ, при весьма обильномъ угощеніи водкою, мнѣ никогда не случалось быть свидѣтелемъ ссоръ или драки. На случай какого-либо спора или обиды, городничій, исправникъ или другое какое-либо почетное лицо заранѣе обязаны прекратить ссору своимъ посредничествомъ. Прошенные большіе обѣды здѣсь очень рѣдки; кушаній бываетъ много, но вкусъ ихъ незавидный. Поваровъ не держатъ даже богатѣйшіе; кушанье готовятъ «поварки», какъ ихъ здѣсь называютъ—простыя деревенскія бабы,—въ большихъ печахъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ у насъ жиновки. Фаршированный индюкъ, или гусь часто по недѣлямъ стоитъ на столахъ.

Только на заговѣнье случается, что мужчины и женщины веселятся въ одной общей залѣ; но и тутъ мужчины составляютъ свой кругъ, а женщины свой и танцуютъ отдѣльно. Изъ танцевъ я видѣлъ только одинъ, въ которомъ танцующіе двигались живо, быстро и ловко перебирая ногами. Молодой человѣкъ не имѣетъ права подойти къ своей возлюбленной; видѣть ее онъ можетъ только въ церкви. О характерѣ, привычкахъ и нравѣ своей возлюбленной женихъ узнать можетъ только отъ сосѣдей, чрезъ разспросы. Предложеніе дѣлается чрезъ сватовъ, объявленный женихомъ имѣетъ право видаться съ невѣстой въ присутствіи родителей. Свадьбы совершаются въ церквахъ съ пышностію; возвращающихся молодыхъ родители благословляютъ образомъ. Родители, имѣющіе взрослыхъ дѣтей, всегда заранѣе запасаются образами въ богатыхъ ризахъ, золотыхъ и серебрянныхъ. Всѣ

стѣны въ домахъ обыкновенно бываютъ увѣшаны такими образами; входящій обязанъ имъ кланяться. Въ отсутствіе хозяина войти въ домъ невозможно. Двери заперты. На стукъ, служанка, или сама хозяйка отвѣчаетъ черезъ двери, что хозяина нѣтъ. Обычай требуетъ спросить только, когда хозяинъ будетъ дома и потомъ сейчасъ же уйти. Въ церквахъ, я уже говорилъ, всѣ ведутъ себя чрезвычайно скромно и прилично. При церквахъ живутъ сторожа, въ особенныхъ теплыхъ избахъ. На колокольняхъ находится множество колоколовъ, къ обѣднѣ звонятъ одинъ и два человѣка; при помощи веревокъ, привязанныхъ къ ногамъ и локтямъ рукъ, они вызываютъ различныя мелодіи. Пчелы здѣсь не водятся; медъ въ цѣнѣ наравнѣ съ сахаромъ, воскъ тоже очень дорогъ. Но это не мѣшаетъ церквамъ имѣть прекрасное освѣщеніе. Въ день поминовенія усопшихъ и на похоронахъ всѣ являются съ зажженными свѣчами. Посты соблюдаютъ такъ строго, что иные, во весь постъ, даже рыбы не ѣдятъ. Страстные четвергъ, пятницу и субботу ничего не ѣдятъ. Къ нищимъ русскіе очень щедры; выходя изъ церкви всегда раздаютъ милостыню. Въ каждомъ домѣ города или мѣстечка, для нищаго всегда готовъ пріютъ. Праздники только до полдня посвящаются молитвѣ; послѣ обѣда можно веселиться и даже работать. Женщины, стирая бѣлье, часто работаютъ въ самый жесточайшій морозъ; дѣти то же приучены здѣсь къ холоду. Вѣроятно постоянному пребыванію на морозѣ женщины обязаны своимъ румянцемъ и крѣпостію здоровья. Въ избахъ часто имѣются по двѣ печки; но никакія осторожности не могутъ воспрепятствовать замерзанію оконъ, всегда покрытыхъ льдомъ. Чтобы увидѣть что-нибудь, приходится оттаивать пальцемъ толстую кору. Стекло здѣсь дорого; его замѣняютъ пузырьмъ, или прозрачнымъ камнемъ

мика (слюда). Онъ дѣлится на листки. Но они очень узки, и ихъ оправляютъ въ олово. Приѣзжающіе изъ Европы, кромѣ щедрости коренныхъ жителей, легко могутъ прожить заработкомъ. Науки и ремесла здѣсь въ уваженіи. Зная языкъ, живопись, музыку можно заняться воспитаніемъ дѣтей. Мой товарищъ, пріоръ Силичъ имѣлъ порядочный доходъ съ уроковъ живописи. Къ свадьбѣ господина Турчанинова, онъ нарисовалъ соотвѣтственныя эмблемы и вензеля, и за это ему дали сто рублей асигнаціями. Кромѣ россіянъ, остальная половина жителей Сибири татары. Они живутъ въ нартахъ (юрты) — повозкахъ покрытыхъ грубымъ войлокомъ изъ шерсти овецъ. Большая часть ихъ до сихъ поръ не даетъ рекрутъ и не платитъ податей. Они всю жизнь проводятъ въ своихъ кибиткахъ; въ нихъ спятъ и приготовляютъ пищу. Изъ котловъ никогда не выбрасываютъ остатковъ. Настоящая численность ихъ неизвѣстна, по причинѣ обширныхъ лѣсовъ, въ которыхъ они кроются и кочуютъ. Управляются собственными князьями; дѣлятся на поколѣнія и платятъ князьямъ дань соболями, лисицами и другими мѣхами. Ловъ соболей очень любопытное зрѣлище. Зима, продолжающаяся здѣсь девять мѣсяцевъ, считается удобнѣйшимъ для сего временемъ; собака необходима для такой охоты. Соболь, звѣрекъ величиною съ кота, спитъ обыкновенно на деревѣ; собака его выслѣдитъ издали. Охотникъ отыскиваетъ его на деревѣ и чуть замѣтитъ пускаетъ стрѣлу. Изъ ружей не бьютъ соболей, опасаясь громомъ выстрѣла разогнать другихъ звѣрковъ, находящихся по близости. Иногда впрочемъ употребляютъ и ружья. Кожа, снятая съ соболя, прячется, а сырымъ мясомъ питаются охотникъ и собака. Ночи оба проводятъ въ лѣсу на войлокѣ. Даже трудно повѣрить, а между тѣмъ это истинная правда: даже при самыхъ силь-

нѣйшихъ морозахъ охотники никогда не разводятъ огня. Страшные сугробы, которые пришлось бы разгребать, чтобы развести огонь, не дозволяютъ этого сдѣлать. Вареной пищи также имѣть имъ невозможно. Съ собою охотники берутъ только рыбій хлѣбъ, въ количествѣ достаточномъ для нихъ на всю зиму. Соболиное сырое мясо и этотъ хлѣбъ составляютъ всю пищу охотника-татарина. Окончивъ охоту и возвращаясь домой, они дорогу къ своимъ нартамъ находятъ ночью по звѣздамъ, днемъ — по зарубкамъ и знакамъ на деревьяхъ. На охоту они ходятъ на саняхъ, имѣющихъ видъ лыжъ. Охота оканчивается по времени таянія снѣговъ, такъ чтобы избѣжать опасности утонуть въ долинахъ, переполненныхъ рыхлымъ снѣгомъ. Какъ велики здѣсь снѣга можно заключить изъ того, что если бы зимою не сбрасывали ихъ съ крышъ, они обрушили бы самую прочную крышу. Съ убитаго ѣздою тракта, не взирая на ширину дороги, своротить нельзя безъ неизбежной опасности увязнуть въ сугробахъ снѣговъ. Тѣ племена татаръ, которыя живутъ дальше калмыцкихъ кочевьевъ, лицомъ похожи на польскихъ татаръ. Верхнее платье короткое, а на головахъ они носятъ красныя шапочки. Они очень смиренны и миролюбивы. Но случается изъ молодежи отчаянные, которые грабятъ проезжихъ на большихъ дорогахъ. Въ такомъ случаѣ стоитъ только пожаловаться ихъ выборному и жрецу (священнику) — украденная вещь вамъ будетъ немедленно возвращена. Я самъ испыталъ это средство. Женщины этого племени довольно свободны, могутъ ходить по селенію и говорить съ мужчинами. Путешественниковъ въ дома свои пускаютъ. Они еще не всѣ говорятъ по русски, и потому на почтовыхъ станціяхъ всегда находятся переводчики. Мечети ихъ не имѣютъ башенъ; строятся онѣ только съ высокою крышею и гале-

реею. Одежда женщинъ татарскихъ доказываетъ, что желаніе нравиться — чувство общее всѣмъ народамъ. Весь лобъ они покрываютъ металлическими пластинками величиною въ половину злотаго (злотый — пятиалтынный); на головѣ у нихъ вышитыя шапочки. Замужнія отличаются длинною косою, вѣроятно чужихъ волосъ, выпущенною и достигшею пояса и по срединѣ перехваченною пряжкой. Нижнее платье у всѣхъ длиннѣе верхняго. Черты лица у нихъ довольно пріятныя. Мужчины зимой носятъ по нѣскольку шубъ; верхняя бываетъ шерстью вверхъ, шапка и перчатки то же дѣлаются шерстью вверхъ. Такимъ образомъ издали они похожи на медвѣдей. Селенія, принявшія христіанство, на нѣкоторое время освобождены отъ податей. Въ каждой избѣ такихъ христіанъ найдется образъ святаго, рисованный на доскѣ. Но я самъ видѣлъ, какъ татаринъ употреблялъ его въ видѣ крышки на горшокъ. Только дѣятельные мисіонеры могли бы утвердить здѣсь христіанизмъ. Трудовъ при обращеніи очевидно не жалѣютъ, но еще не было времени основательно повліять на дикарей. Берутъ дѣтей татаръ и воспитываютъ въ семинаріяхъ, чтобы потомъ при ихъ помощи проповѣдывать религію. Но такихъ проповѣдниковъ очень немного; большинство татаръ, получившихъ воспитаніе, употребляется для другихъ потребностей. Татары питаются мясомъ звѣрей, рыбой и хлѣбомъ изъ рыбьей муки. Живущіе болѣе къ югу могутъ добывать ржаную муку, но жители наиболѣе сѣверныхъ областей обходятся безъ нея. Жители Сибири не ѣдятъ зайцевъ, считая ихъ за породу кошекъ; христіане также не ѣдятъ голубей, изъ уваженія къ Св. Духу, котораго эмблемою служитъ голубь. Горожане въ Сибири богаты, ведутъ торговлю соболями и другими мѣхами, шерстяными и шелковыми матеріями. Киргизы и баш-

киры вьюками на верблюдахъ доставляютъ ихъ изъ Китая, чрезъ незаселенныя степи, гдѣ даже нѣтъ мѣстами воды. Товары привозятся на извѣстное мѣсто и въ извѣстное время, гдѣ образуется родъ ярмарки и торговля совершается способомъ мѣны, безъ участія какихъ бы то ни было денегъ.

Мой хозяинъ возилъ на такую ярмарку кожи желтыя и красныя и вымѣнялъ на нихъ шелкъ и бумагу. Иногда купцы берутъ за товаръ отъ китайцевъ серебро, простые литые металлическіе куски, безъ всякихъ гербовъ, только означенныя китайскими буквами. По вѣсу они равняются нѣсколькимъ десяткамъ русскихъ рублей. Въ Березовѣ, лежащемъ недалеко отъ сѣвернаго полюса, гдѣ природа не позволяетъ существовать почти ни одному растенію, люди питаются мясомъ сѣверныхъ оленей и рыбою. Дзялинскій, который жилъ въ Березовѣ, имѣлъ оленей цѣлое стадо. Въ письмѣ ко мнѣ онъ жаловался на убытки, причиняемые его стаду волками. Онъ мнѣ прислалъ одну выдѣланную оленью кожу, которую я сохраняю. Изъ Тобольска, за 1000 верстъ, привозили ему муку, а масло и молоко онъ получалъ отъ своихъ оленьихъ стадъ. Хозяйствомъ у него занималась одна ссыльная женщина, назначенная къ нему въ услуженіе губернаторомъ. Во время коронаціи Императора Павла онъ выпросилъ ей помилованье и выписалъ ее къ себѣ, въ благодарность за прислуги и вѣрность ея въ изгнаніи. Послѣ его смерти, женщина эта возвратилась снова въ Москву, откуда была сослана въ Сибирь за убійство мужа. Дѣлая мое поверхностное описаніе этихъ странъ, я старался говорить правду; я не хотѣлъ, чтобы ко мнѣ примѣнялась французская поговорка: *a beau mentir qui vien de loin*. Жизнь, которую я велъ въ этихъ странахъ, была полна печали и несчастія; но я не хотѣлъ въ моихъ описаніяхъ давать во-

лю моимъ чувствамъ, опасаясь чтобы сужденія мои не были слишкомъ пристрастны. Съ другой стороны трудно было мнѣ полюбить эти печальныя пустыни. Путешественникъ, перейдя Волгу, къ сѣверу попадаетъ въ пустынные степи, лишенныя природою всѣхъ ея даровъ. И мнѣ-ли, два раза видѣвшему Вѣну, бывшему въ Тиролѣ, въ Венеціи на обрученіи Дожа съ Моремъ, пять лѣтъ прожившему въ обществѣ Сципіоновъ, Цицерона и Катона—мнѣ-ли возможно было полюбить эти свѣжныя пустыни?!

Приѣхавъ въ Tobольскъ, на возвратномъ пути, я разузнавъ гдѣ жилъ ксендзъ Куликовскій заѣхалъ къ нему и нашелъ у него уже приѣхавшаго ксендза Силича. Первымъ нашимъ дѣломъ было явиться къ губернатору Толстому, заступавшему намѣстника. Пермскій и тобольскій намѣстникъ въ это время уже умеръ въ Тюмени отъ удара. Четыре недѣли ждали мы здѣсь графа Дзялынскаго и ксендза Соломоновича. Первый жилъ въ разстояніи слишкомъ тысячи верстъ отъ Tobольска, а второй на разстояніи семи сотъ. Во все это время мы никогда не обѣдали дома. Гостепріимные жители непрерывъ спѣшили приглашать насъ къ себѣ. Два раза мы были у мѣстнаго архіерея, и я присутствовалъ при отправленіи имъ литургіи. Совѣтникъ Мѣльниковъ, записывавшій въ Губернскомъ Правленіи наши паспорта, до того былъ расположенъ къ намъ, что изъ собственныхъ денегъ снабдилъ нѣкоторыхъ недостаточныхъ и устроилъ въ ихъ пользу складку. Кромѣ меня и Дзялынскаго, каждый изъ нашихъ товарищей былъ этимъ путемъ достаточно приготовленъ къ предстоявшему далекому пути. Розенсовъ, директоръ экономіи, при-

няли насъ очень любезно и далъ Дзялынскому въ займы денегъ; часть ихъ Дзялынскій употребилъ для тѣхъ изъ изгнанниковъ, которые болѣе нуждались. Мнѣ очень пріятно здѣсь вспомнить обо всемъ этомъ. Добродѣтель конечно сама себя вознаграждаетъ, но и мы обязаны придавать ей еще болѣе блеску, коль скоро она коснулась насъ. О Тобольскѣ я ничего болѣе не могу сказать. Кромѣ губернаторскаго дворца и нѣсколькихъ церквей, я ничего не видалъ. Жестокіе морозы не позволяли намъ выходить изъ дому. Около 26 января морозъ былъ такъ великъ, что вода вылитая изъ стакана падала на землю уже замерзшая. Седифонтовъ, бывшій нѣкогда посломъ въ Италиі и назначенный теперь губернаторомъ въ Иркутскъ, приглашалъ насъ къ себѣ нѣсколько разъ. Съ нимъ я говорилъ по итальянски. Тобольскъ былъ переполненъ ссыльными нѣмцами, итальянцами и французами. Итальянецъ, клейменный, былъ антрепренеромъ театра. Ссылные не получаютъ никакого содержанія. Милосердіе жителей и собственный трудъ содержать ихъ. Тѣмъ, которые берутъ землю, казна выдаетъ корову, двухъ воловъ, или одну лошадь и немного деньгами на обзаведеніе.

Я уже сказалъ, что мы въ Тобольскѣ долго ждали Дзялынскаго. Его задерживали глубокіе снѣга и невозможность достать нужное количество саней для перевозки всѣхъ вещей. Олени и собаки замѣняютъ здѣсь почтовыхъ лошадей. Упряжные собаки въ Сибири, ростомъ не очень велики, но сильныя и на крѣпкихъ ногахъ. Отъ станціи до станціи онѣ бѣгутъ сами. Упряжь для нихъ дѣлается очень легкая; ихъ запрягаютъ по четыре и по шести въ однѣ сани. Я самъ видѣлъ въ Тобольскѣ, какъ мальчикъ, сидя въ саняхъ, везъ бочку воды на гору на двухъ собакахъ. Ёдучи на собакахъ, необходимо быть привязаннымъ къ санямъ. Въ противномъ

случаѣ, выпавшій изъ саней останется въ пустынѣ и замерзнетъ, или будетъ съѣденъ звѣрями. При ѣздѣ на собакахъ возжи не служатъ ни для управленія ими, ни для остановки, особливо когда собаки завидятъ лисицу или зайца. Чтобы остановить ихъ въ этомъ случаѣ бросаютъ передъ ними палки, нарочно для этого приготовленныя, а въ крайности вбиваютъ въ снѣгъ желѣзную палку и такимъ образомъ задерживаютъ собакъ. Четверо саней привезли имущество Дзялынского. Онъ везъ даже живыхъ соболей. Но провозъ ихъ требовалъ тяжелой клѣтки, и онъ ихъ долженъ былъ оставить. Живыхъ соболей мы видѣли у губернатора. Черные и бѣлые медвѣди не составляютъ здѣсь рѣдкости. Киргизскія овцы величиною съ телят; шерсть ихъ идетъ на войлокъ. Послѣ приѣзда Дзялынского мы еще прожили недѣлю, и по общему согласію рѣшили не ѣхать вмѣстѣ, опасаясь задержекъ на почтахъ. Въ Москвѣ всѣ должны были съѣхаться. Я и Польковский выѣхали первыя. Въ Москвѣ однако я ихъ не дождался. Денегъ у меня было немного; платилъ я за двоихъ, товарищи же мои не торопились ѣхать и мнѣ пришлось одному оставить Москву. Польковский рѣшился ждать въ столицѣ коронаціи Императора Павла. Я очень жалѣю, что не могъ дальше прожить въ Москвѣ и ознакомиться съ нею. Но я долженъ былъ соображаться со средствами и потому поспѣшилъ домой. Дорогой я повстрѣчалъ многихъ изъ моихъ соотечественниковъ, ѣхавшихъ въ Москву на коронацію. Они еще болѣе усиливали мое нетерпѣніе скорѣе быть дома, а между тѣмъ на каждой почти почтѣ меня задерживалъ недостатокъ лошадей. Въ Нѣжинѣ я видѣлся съ Олзаромъ, выбраннымъ делегатомъ на коронацію, но по старанію Понятовскаго и Куракина замѣненнымъ графомъ Дзялынскимъ. Достигнувъ Кіева и переѣхавъ Днѣпръ, я на

обширныхъ лѣсистыхъ равнинахъ привѣтствовалъ родину. На первомъ шагу на родной землѣ, я велѣлъ остановиться, вышелъ изъ экипажа и принесъ Богу избавителю благодарность...

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕВЕРИНА БУКАРА.

Г Л А В А I.

Я былъ еще почти ребенкомъ, когда отецъ мой, выпросивъ у короля Станислава Августа позволеніе, помѣстилъ меня и моего старшаго брата Іосифа въ Варшаву въ военную школу. Насъ отвезли въ 1783 году. Мнѣ было въ это время всего 10 лѣтъ. Я очень немного помню подробностей о жизни въ родительскомъ домѣ до отъѣзда въ Варшаву. Но сколько помнится, у моихъ родителей въ домѣ господствовало широкое гостепріимство. Добродѣтель эта въ нашей сторонѣ имѣла большое распространеніе. Гостей у насъ бывало всегда множество. Я и теперь даже удивляюсь, раздумывая, какъ могло такое ихъ большое количество помѣщаться въ очень небольшомъ нашемъ старомъ домѣ. Впослѣдствіи только, въ Янушпольѣ выстроенъ былъ обширный и удобный для пріемовъ новый домъ. Разъ отецъ мой, изъ Варшавы, написалъ къ матери, что къ намъ прибудетъ много гостей и просилъ ее приготовиться; пришлось для этого въ домѣ вынуть промежуточную стѣну; такимъ образомъ устроилась большая зала для танцевъ и для обѣда, въ которой могъ помѣститься соотвѣтственный числу гостей обѣденный столъ. Веселились нѣсколько дней очень шумно и съ полнымъ удоволь-

ствиемъ. Надо замѣтить, что въ эти времена, при пріемахъ гостей, не было нынѣшней щепетильности. Былъ бы хорошій поваръ и хорошія вина, а любезность хозяина и надворная музыка доканчивали остальное, необходимое для увеселенія гостей.

У отца моего былъ комисаръ, надзиравшій за его имѣніями собственными и арендованными; были маршалъ двора, конюшій, онъ же и берейторъ, ветеринаръ, такъ какъ мы имѣли прекрасное стадо лошадей. Оркестръ состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ съ капельмейстеромъ; надворныхъ уланъ было тоже двѣнадцать, вооруженныхъ карабинами и палашами и обмундированныхъ очень порядочно. Этихъ людей, впоследствии, въ 1792 г., отецъ отослалъ въ лагерь Іосифа Понятовскаго, жертвѣя для отечества, нуждавшагося въ людяхъ и оружіи. Кромѣ этого въ домѣ жилъ еще капеланъ и многочисленный дворъ. Послѣ дома Стемпковскаго кіевскаго воеводы, нашъ домъ былъ самый значительный и многолюднѣйшій въ околѣдѣ. Въ краѣ тогда еще существовала унія; всякій праздникъ весь нашъ дворъ присутствовалъ на литургіи не въ домашней часовнѣ, а въ православной церкви; въ такомъ случаѣ музыка помогала пѣвчимъ.

Гостей было много; коллекція ихъ измѣняясь проходила передъ глазами, какъ фигуры въ китайскихъ тѣняхъ. Но изъ числа постоянныхъ посѣтителей и даже друзей дома назову здѣсь Дуклана Охотскаго, любимаго всѣми за его веселый характеръ и остроуміе; отецъ его особенно любилъ; часто поручалъ ему разныя дѣла въ Люблинѣ и въ Варшавѣ. Мачихой Охотскаго была сестра моего отца. Другимъ постояннымъ гостемъ считался каноникъ ксендзь Микошевскій, человѣкъ почти универсальной учености. Кромѣ замѣчательнаго краснорѣчія и учености, онъ еще превосход-

но рисоваль. Образа его кисти находятся во многих домахъ. Онъ дѣлалъ планъ янушпольской землѣ. У него было на воспитаніи нѣсколько мальчиковъ, составлявшихъ родъ школы. Когда семья наша перешла въ новый домъ, Микосшевскому предоставленъ былъ старый, и онъ тамъ жилъ постоянно со своею школою. Что касается отношеній съ сосѣдами, то сначала отецъ мой, занявшійся возобновленіемъ границъ купленного имъ Янушпольскаго имѣнія, попалъ было съ ними, по случаю граничныхъ споровъ, въ довольно непріятныя отношенія. Но въ концѣ концовъ миръ возстановился, и всѣ очень охотно у насъ бывали, признавъ, что отецъ желалъ только того что принадлежало ему по праву и было несправедливо захвачено во время плохаго управленія князей Любомирскихъ, отъ которыхъ онъ уже купилъ его. Изъ числа значительнѣйшихъ сосѣдей назову семейство Гижицкихъ. Старикъ хорунжій Гижицкій былъ очень гордый и своенравный человекъ. Мой отецъ, будучи земскимъ судьей, присудилъ однажды Гижицкаго къ аресту. Гордый хорунжій апеллировалъ въ трибуналъ, но проигралъ дѣло и долженъ былъ покориться. Впослѣдствіи это не мѣшало ему бывать у насъ. Сыновья его—старшій мечникъ и младшій генералъ Гижицкій жили съ нашей семьей въ величайшемъ согласіи. Чаше другихъ бывали у насъ каштелянъ Вороничъ, подкоморій Якубовскій, каштелянъ Карницкій, княжна Радзивиллъ, Бержинскій, Малиновскій и другіе.

ГЛАВА II.

Порядокъ жизни въ нашемъ домѣ былъ приблизительно такой: вставали отецъ и мать въ шесть часовъ; послѣ кофе въ восемь часовъ капелланъ служилъ обѣдню. Мать присутствовала всегда на литургіи, а отецъ только тогда, если дѣла позволяли ему это. Обѣдъ безъ гостей подавался регулярно въ двѣнадцать. Къ столу садились кромѣ семейства комисаръ, капелланъ, учителя дѣтей, барышни изъ разряда тѣхъ, которыхъ обыкновенно звали столовыми, и маршалъ двора, обязанный распоряжаться суповой вазой и наблюдать за порядкомъ столовой прислуги. Послѣ обѣда спали недолго. Отецъ шелъ въ свою канцелярію, а мать продолжала прерванные обѣдомъ домашнія работы. Въ пять часовъ по полудни подавали кофе. Если погода не препятствовала, отецъ и мать ѣхали въ другія свои усадьбы или въ Янушполье осматривать разные отрасли хозяйства.

Ужинъ бывалъ въ восемь часовъ или около этого времени; наблюдалось только, чтобы обойтись безъ свѣчъ. Послѣ ужина прогуливались. Въ десять часовъ всѣ шли спать. По вечерамъ лѣтомъ играла музыка, обыкновенно за воротами возлѣ часовни св. Непомука, неподалеку отъ проѣзжей дороги, или въ саду. Зимой вечеромъ читались газеты, бро-

шюры и разныя книги. Въ великій постъ послѣ обѣда собирались всѣ домашніе, и вся надворная челядь подъ командою моеѣ матери, занималась молитвами и пѣніемъ духовныхъ пѣсень, но не болѣе четверти или получаса. Домъ родителей моихъ былъ вполнѣ домомъ, гдѣ старопольская набожность процвѣтала. Всякій монахъ, и въ особенности изъ нищенствующихъ орденовъ, встрѣчалъ хорошій пріемъ и возвращался осыпанный подарками. Отецъ мой считался синдикомъ ксендзовъ бернардиновъ (покровителемъ и опекуномъ) и не только титулярно, но и на самомъ дѣлѣ былъ ихъ опекуномъ и покровителемъ. Онъ выстроилъ почти что на свой счетъ зданіе монастыря, за это, послѣ смерти, какъ я слышалъ, его хоронили съ особенными церемоніями.

Провинціалъ кармелитанъ (начальникъ децезіальный) ксендзъ Зволинскій, бывшій въ Римѣ, привезъ оттуда моему отцу много разныхъ святостей, мощей и привиллегій изъ канцеляріи св. отца. Все это сохранялись въ сундукѣ изъ кипарисоваго дерева. Такіе сундуки употребляются обыкновенно для храненія дорогихъ мѣховъ, такъ какъ сильный запахъ кипарисоваго дерева мѣшаетъ заводиться моли. Между прочими подарками ксендза Зволинскаго мать получила молитвенникъ — довольно большой томъ, заключавшій въ себѣ только одинъ акафистъ (litania) къ Богородицѣ Бердичевской. Каждый стихъ акаѳиста иллюстрировался образкомъ и имѣлъ особую страницу объяснительнаго текста и молитвъ. Коллекція образовъ была чрезвычайно красивая—другой такой мнѣ не случалось видѣть. Этимъ молитвенникомъ мать благословила меня, когда я уже былъ офицеромъ артиллеріи. Въ Полонномъ Костюшко, зайдя въ мою походную квартиру въ мое отсутствіе и пересматривая мои книги, сдѣлалъ на этомъ моемъ молитвенникѣ слѣдующую надпись: «Молись каждый

день, къ гречанкамъ часто не ходи и способности свои развивай». Впослѣдствіи уже дома книгу эту у меня украли. Отець мой, чрезвычайно религіозный, испросилъ разрѣшеніе отправлять ежегодно миссіи. Для этой миссіи пріѣзжали три униатскихъ священника и подъ открытымъ небомъ отправляли богослуженія и совершали крестные ходы. Одинъ старшій ксендзъ, начальникъ базиліанскаго Тригурскаго монастыря, всегда только служилъ обѣдню. Другой ксендзъ Лесевичъ говорилъ проповѣди, а третій отецъ Амврозій катехта (професоръ катехизиса) объяснялъ правила вѣры, училъ поселянъ молитвамъ и святымъ пѣснямъ. Ни одна церковь не могла бы помѣстить сборища людей, приходившихъ слушать мисіонерскія проповѣди; у моего отца было болѣе тысячи шестисотъ душъ. А кромѣ того приходили изъ чужихъ деревень.

ГЛАВА III.

Начиная съ эпохи, когда наши короли сдѣлались избираемыми, то есть отъ временъ Генриха Валоа, республика польская всегда требовала отъ своихъ королей основанія военной школы. *Racta Conventa* (условія избранія), исполнять которыя присягали короли, всегда заключали въ себѣ требованія — школы для молодежи. Но только Станиславъ-Августъ выполнилъ обѣщаніе и основалъ военную школу. Изъ королевской шкатулки отпускалось на содержаніе ея триста тысячъ злотыхъ. Сначала она заключала въ своихъ стѣнахъ, какъ я слышалъ, двѣсти воспитанниковъ. Но какъ и гдѣ они помѣщались—я не знаю. Въ 1783 году, пріѣхавъ въ Варшаву я засталъ военную школу, помѣщавшуюся во дворцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Казиміровскаго. Ворота его выходили на улицу Краковское Предмѣстье, и тутъ же былъ огромный плацъ, на которомъ происходило ученіе полковъ литовской гвардіи. По обѣимъ сторонамъ этого плаца выстроены были домики—казармы войскъ. Потомъ ихъ перевели въ Уяздово. Въ этихъ же домикахъ жили женатые офицеры, учителя военной школы и другія лица, принадлежавшія къ этому заведенію. Казимировскій дворецъ лежалъ на холмѣ, неподалеку отъ Вислы, и изъ него открывался

прекрасный видъ на рѣку и на предмѣстье Прагу. Позади дворца тоже лежалъ обширный плацъ, до половины засаженный старыми каштанами. Здѣсь кадеты учились военнымъ эволюціямъ и забавлялись въ свободное время. Въ первомъ этажѣ зданія помѣщалась огромная обѣденная зала. Въ этой залѣ, каждую субботу, младшаго возраста кадетамъ мыла и чесала головы старая сивилла лѣтъ шестидесяти. Въ этомъ же этажѣ жили и два швейцара или сторожа, по очередно исполнявшіе всѣ прислужническія обязанности по школѣ. Во второмъ этажѣ были классы, счетомъ семь; въ третьемъ—жили кадеты и въ четвертомъ помѣщались бригадиры, бригадные склады, библіотека и зала, гдѣ стояли физическіе инструменты. Въ мое время кадетовъ было всего восемьдесятъ; они дѣлились на четыре бригады. Каждая помѣщалась въ одной большой залѣ, раздѣлявшейся на пять отдѣловъ. Въ отдѣлахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго сквозными перегородками, въ родѣ заборчиковъ, стояли по шести и по четыре постели. Центральное отдѣленіе было комнатою вице-бригадира, бывшаго въ чинѣ поручика или капитана. Изъ своего помѣщенія, при помощи сквозныхъ перегородокъ, онъ могъ видѣть все происходящее въ отдѣленіяхъ. Изъ кадетовъ одинъ носилъ званіе ефрейтора, онъ носилъ петлицы и темлякъ на шпагѣ и выбирался изъ воспитанниковъ наиболѣе отличавшихся въ наукахъ, поведеніи и способностяхъ. Отъ тѣлеснаго наказанія ефрейторъ избавлялся. Въ послѣднемъ угловомъ отдѣленіи, находилась лѣстница въ квартиру бригадира (маіора), могшаго такимъ образомъ являться въ помѣщеніе кадетовъ, какъ только оказывалась надобность. По срединѣ бригадной залы была печка, около нея огромные резервуары съ водою и подъ ними мѣдныя выфѣленные сосуды для умыванія. Двери изъ залы вели

въ коридоръ. Здѣсь висѣла доска съ именами кадетовъ, занимавшихъ залу. Надъ дверьми надпись: два стиха Кра-
сицкаго о любви къ отечеству. Всякій кадетъ обязанъ былъ
знать эти стихи на память. Ночью спальная освѣщалась лам-
пою, прикрѣпленною по срединѣ потолка. Всякій кадетъ, по-
ступивъ въ школу, собственное бѣлье, платье и прочія ве-
щи, обязанъ былъ отослать домой; ему выдавалось все но-
вое и форменное изъ бригаднаго склада. Постель составля-
ли: сѣвникъ, толстое одѣяло и круглая, въ видѣ валика, по-
душка. Ежедневную будничную форму составляла куртка тол-
стаго пунцоваго сукна съ гранатоваго цвѣта обшлагами и
мѣдными пуговицами, подбитая бѣлымъ полотномъ. Тѣ, ко-
торые недавно поступили, или были плохи по наукамъ, но-
сили бѣлые обшлага. Гранатовый обшлагъ составлялъ пер-
вую степень отличія и ее необходимо было заслужить. Успѣ-
вавшіе въ наукахъ затѣмъ уже получали, какъ отличіе, ма-
ленькій золотой эполетъ, съ двумя гранатовыми полосками,
потомъ—съ одной полоскою. Еще высшими отличіями слу-
жили медали серебрянная съ надписью: за прилежаніе,
золотая съ такою же надписью и наконецъ различныя сочи-
ненія, выдаваемые въ награду. Панталоны у насъ были бѣ-
лые, короткіе, сапоги и шляпа на лѣто и на зиму. Парад-
ный мундиръ составляли фраки гранатнаго цвѣта съ пунцо-
выми обшлагами и бѣлой подкладкою, пуговицы желтыя,
панталоны и жилеты бѣлые и форменная шпага. употребле-
ніе шинели и въ особенности шубы воспрещалось. Еще былъ
третій мундиръ, надѣвавшійся только на случай, когда при-
ходилось стоять на караулѣ у королевскаго трона. Колетъ
и шаровары изъ тонкаго бѣлаго сукна; патронташъ и пор-
тупея для палаша изъ пунцоваго бархата съ золотымъ га-
луномъ. На головѣ каскетъ бархатный съ такимъ же укра-

шеніемъ. Въ каждой бригадѣ числилось два служителя, обязанные съ вечера осмотрѣть, починить и вычистить платье кадетовъ и положить по утру готовое возлѣ постели каждаго. Они же убирали залы и прислуживали къ столу. Порядокъ занятій былъ слѣдующій: въ будніе дни въ шесть часовъ утра, въ праздникъ въ семь часовъ рядовой съ бубномъ и флейтистъ обходили залы и давали знакъ подниматься. Три четверти часа давалось для одѣванья. Затѣмъ по сигналу въ бубень, всѣ сходили во второй этажъ и строились въ третьемъ классѣ, расположенномъ какъ разъ противъ часовни. Здѣсь офицеръ осматривалъ кадетовъ и взыскивалъ съ неисправныхъ, послѣ чего всѣ шли слушать обѣдню. Въ часовнѣ были скамьи ¹⁾, могущія помѣстить всѣ бригады. Наступалъ завтракъ: зимой грѣтое пиво съ мукой и кусокъ хлѣба, лѣтомъ порція хлѣба съ масломъ. Классы открывались въ восемь часовъ. Инспекторскую должность исправляли поведенѣльно одинъ майоръ и одинъ вице-бригадиръ. Они обязаны были во время уроковъ слѣдить за порядкомъ и виноватыхъ наказывать. Въ младшихъ классахъ наказывали розгами; сѣкъ особый profoss (служитель); въ старшихъ классахъ употреблялись фухтеля—били палашемъ по плечамъ. Фухтелями наказывалъ самъ офицеръ. Въ двѣнадцать часовъ по сигналу бубномъ совершалась смѣна караула. Стояли на караулѣ ежедневно три кадета и ефрейторъ. Все совершалось въ строжайшемъ порядкѣ. Во время рекреаціи по коридорамъ ходилъ въ полномъ оружіи караулъ и не позволялъ безпорядковъ и шалостей. Послѣ смѣны караула шли обѣдать. Столовъ накрывалось четыре, съ кадетами обѣдали дежурные бригадиры и вице-бригадиры. Изъ обѣденной залы две-

¹⁾ Въ католическихъ монастыряхъ литургія слушаютъ сидя. Для этого тамъ стоятъ деревянные скамьи.

ри вели въ кухню. Изъ кухни, чрезъ большое окно, подавались кушанья. Трактирщикъ, содержавшій кухню, обязанъ былъ доставлять по три кушанья на обѣдъ, по три на ужинъ и кромѣ того завтракъ за полтора злотыхъ съ человѣка въ день. Росписаніе кушаньевъ на недѣлю висѣло въ столовой. Вся посуда была оловянная. Когда всѣ усаживались, одинъ изъ кадетовъ громко читалъ молитву; по окончаніи обѣда дѣлалось тоже. Послѣ молитвы читались правила. Ихъ было шесть: 1) локтей на столъ не класть; 2) вилкою не ковырять въ зубахъ; 3) ложки, взятой уже въ ротъ, обратно въ соусникъ не опускать и другимъ ее не предлагать и т. д. въ такомъ же родѣ. Я, если бы мнѣ было позволено, къ этимъ правиламъ посовѣтовалъ бы присоединить еще одно, могущее пригодиться даже и не дѣтямъ: послѣ обѣда, въ присутствіи всѣхъ, рта не полоскать, хотя глупая мода и ввела нынче этотъ обычай во всеобщее употребленіе. Во время обѣда одинъ кадетъ обыкновенно читалъ громко «Газету Польскую». Чтецомъ бывалъ чаще всего мой братъ, читавшій очень хорошо. По окончаніи обѣда всѣ шли на площадь пользоваться свѣжимъ воздухомъ и моціономъ. Лѣтомъ и зимою, въ дурную и хорошую погоду прогулка эта акуратно совершалась. Закалить и укрѣпить тѣло главнымъ образомъ составляло цѣль нашего воспитанія въ физическомъ отношеніи. Послѣ ужина всѣ шли въ большую залу въ первомъ этажѣ. Въ ней бывали экзамены, танцы, вольтижировки и даже наши ежегодные балы и на складочныя деньги. Семейства офицеровъ и учителей доставляли дамъ для этихъ увеселеній. На одномъ изъ такихъ баликовъ я видѣлъ въ первый разъ князя Юсифа Понятовскаго, еще очень молоденькаго полковника австрійской службы. Онъ приходилъ къ намъ съ княземъ де-Линь. Тогда только что окончилась

война съ турками, и Іосифъ Понятовскій еще немного прихрамывалъ отъ раны въ ногу, полученной подъ Сорбачемъ. Пріятель его де-Линь, славившійся своимъ остроуміемъ и въ послѣдствіи бывшій фельдмаршаломъ австрійской службы, жилъ въ Польшѣ долгое время и женился на полькѣ княжнѣ Мосальской, племянницѣ князя Мосальскаго, епископа виленскаго, убитаго во время народнаго возстанія въ 1794 году. Большая зала перваго этажа никогда хорошо не отаплилась. Отъ холода нельзя было сидѣть тихо. Мы по ней бѣгали и шалили между восемью и девятью часами каждого вечера. Старшіе занимались вольтижерствомъ, для чего стоялъ въ залѣ деревянный, въ натуральную величину конь, обтянутый кожей и немного подложенный ватой. Его можно было поднять выше или спустить по желанію. Уроки давались отъ пяти до восьми часовъ. Ужинали всегда въ восемь. Желающіе учились музыкѣ. Послѣ прогулки, желающіе шли заниматься. Въ половинѣ девятаго бубенъ давалъ сигналъ идти спать. Въ десять гасили тоже по сигналу огня. Послѣднее соблюдалось строго. Въ классахъ были пюльнитры и лавки для учениковъ; по срединѣ кресло и столъ для учителя. На стѣнѣ висѣло росписаніе уроковъ и списокъ учениковъ бригады. Въ среду, полдня посвящалось практическимъ наукамъ, военной тактикѣ. Но кадеты не были обязаны, по окончаніи курса, поступать въ военную службу. Въ IV, V и VI классѣ преподавались преимущественно математическія науки. Въ VI классѣ преподавались: законовѣденіе и нравственныя науки. Желавшіе идти въ статскую службу, или менѣе способные къ математикѣ, изъ III-го класса переходили прямо въ VII классъ и тамъ оканчивали курсъ. Кому оканчивалось восемнадцать лѣтъ, обязанъ былъ выйти изъ школы и уступить мѣсто другимъ кандидатамъ.

Въ мое время изъ 80 воспитанниковъ, только шестьдесятъ считались воспитывавшимися на счетъ короля: двадцать своекоштныхъ платили въ годъ по восемьдесятъ семь червонцевъ. За насъ отецъ тоже уплатилъ за одинъ годъ, пока открылась ваканція и насъ замѣстили въ число королевскихъ воспитанниковъ. Дурное распоряженіе суммами было причиною уменьшенія числа воспитанниковъ на пожертвованія короля. Четырехлѣтній сеймъ, строго провѣривъ отчетность, нашелъ возможность всѣхъ восемьдесятъ кадетовъ содержать на суммы, отпускаемыя королемъ, и кромѣ того на эти же деньги открылась возможность обучать ѣздѣ на лошади. Улучшенія эти однакожъ не долго продержались; война 1792 года и мятежъ 1794 повлекли за собою уничтоженіе Военной Школы. Князь Чарторыжскій, которому школа всѣмъ почти была обязана, задумывалъ большія преобразованія. Но я лично объ этомъ ничего не знаю. До окончанія курса еще въ 1790 году мнѣ пришлось выйти въ артиллерію подпоручикомъ.

Въ іюлѣ бывали экзамены; самъ король всегда присутствовалъ на нихъ. Во время послѣдняго сейма на экзаменахъ бывалъ членъ военной комиссіи. Онъ прежде всего присутствовалъ при военномъ ученіи и эволюціяхъ; кадеты были во всей формѣ и маршировали съ оружіемъ. Осмотрѣвъ наши помѣщенія, членъ комиссіи предложилъ офицерамъ удалиться, разговаривалъ съ ними наединѣ и разспрашивалъ не терпимъ ли мы какихъ нибудь притѣсненій или неудобствъ. Начиная съ 1785 года насъ часто навѣщали князь Чарторыжскій и графъ Мошинскій; оба они были послами на сеймѣ, первый отъ подольскаго, второй отъ брацлавскаго воеводствъ. Мошинскій даже имѣлъ офиціальное помѣщеніе въ одномъ изъ павильоновъ дворца. Чарторыжскій, главный

начальникъ военной школы, часто прѣзжалъ верхомъ совершенно неожиданно въ часъ занятій и въ классахъ дѣлалъ воспитанникамъ краткій экзамень. Оба они присутствовали, при выпускѣ, когда я и мои товарищи выходили на службу въ артиллерію.

Какъ происходилъ выпускъ я здѣсь разскажу вкратцѣ. Въ назначенный день собирався совѣтъ офицеровъ, директоровъ и нѣкоторыхъ учителей подѣ председательствомъ коменданта. Совѣтъ давалъ мнѣніе о воспитанникѣ; учителя по отдѣлу наукъ, бригадиры—о поведеніи. Составлялся протоколъ, опредѣлявшій на которую изъ четырехъ досокъ слѣдуетъ записать имя выпускаемаго воспитанника. Самъ онъ долженъ былъ подписать на протоколѣ благодарность за воспитаніе и развитіе своего ума и за попеченія о немъ. Затѣмъ князь Чарторыйскій вручалъ ему атестатъ съ королевскою подписью и печатью и цѣловалъ его въ лице, передавая атестатъ графу Мошинскому, а графъ передавалъ генералу Войні (директору школы) и такъ далѣе по очереди — бригадирамъ, вице-бригадирамъ и учителямъ. Имя выпущеннаго кадета сейчасъ же записывалось на соотвѣтствующую доску. Такихъ было четыре: на золотую (на свѣтломъ полѣ золотыми буквами) записывали только отличнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію; на серебряную (на свѣтломъ полѣ серебрянными буквами) хорошихъ воспитанниковъ. Третья доска называлась средняя, на ней, по желтому полю голубыми буквами записывались оказавшіе только достаточные успѣхи. Плохіе воспитанники попадали на черную доску. Посѣщающіе школу могли читать имена выпущенныхъ на этихъ доскахъ. На будущую службу выпущенныхъ изъ школы это имѣло вліяніе. Такъ нѣкто М., долженствовавшій получить мѣсто генераль-ин-

спектора, вдругъ былъ озадаченъ протестомъ: ему указывали на то, что онъ состоитъ записаннымъ на черной доскѣ въ военной школѣ, и это не позволяетъ ему получить чинъ генераль-инспектора. М. пришлось употребить большія старанія и хлопотать у начальства школы о снятіи своего имени съ черной доски, и только послѣ снятія онъ могъ получить званіе генераль-инспектора.

Въ залѣ помѣщались портреты славнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ, древнихъ и новѣйшихъ. Портреты были на листахъ бумаги и рядомъ на другомъ листѣ текстъ, объяснявшій дѣла и изобрѣтенія лица, изображеннаго на портретѣ. Рядомъ съ залой былъ бильярдъ. Начальство находило полезнымъ для здоровія и развитія зрѣнія допускать игру на бильярдѣ для старшихъ воспитанниковъ. Въ бильярдной висѣли портреты Конецпольскаго, Ходкевича и другихъ знаменитостей. Тутъ же висѣли изображенія событій изъ міеологій и изъ Оввдія. Въ библіотекѣ, даръ Чарторыжскаго, была разставлена колекція фигуръ и группъ міеологическихъ. Въ залѣ физическихъ инструментовъ стояла машина, тоже даръ Чарторыжскаго, изображавшая солнечную систему со всѣми планетами и ихъ спутниками. Вся система приходила въ движеніе, и свѣтила обращались съ соотвѣтствующею скоростію. Машина эта была куплена въ Англіи или Голландіи, хорошо уже не помню. Оканчивая описаніе Военной школы, скажу что за бильярдной находилась офиціальная квартира графа Мошянскаго. Очень скупой, онъ былъ не слыханно богатъ какъ помѣстьями, такъ и драгоценными вещами. Ни у кого въ цѣлой Польшѣ навѣрное не было такого количества брильянтовъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, какъ у графа Мошинскаго. Петръ Потоцкій, назначенный сеймомъ посломъ въ Стамбулъ, купилъ у него мно-

гія вещи для подарковъ султану и его визирямъ — столы, цѣлыя серебряныя ванны и посуду, осыпанную бриліантами. Всѣ эти богатства графъ Мошинскій получилъ отъ Августа II, любившаго и воспитывавшаго его, какъ сына. Онъ былъ чрезвычайно силенъ, но лицомъ былъ не красивъ, ростомъ карликъ и горбать. Послѣ матери ему достались драгоценности и дворецъ въ Дрезденѣ. Однажды я видѣлъ на его платьѣ одинъ бриліантовъ на миллионъ злотыхъ. Генеральское шитье, пряжки у шпаги, рукоятка шпаги, плюмажъ на шляпѣ, звѣзда Бѣлаго Орла, на пальцахъ огромные перстни — все это сіяло бриліантами и притомъ лучшей воды. Однѣ петлицы мундира оцѣнвали въ тридцать тысячъ червонцевъ. Но по скупости, Мошинскій, чтобы не покупать дворца и не нанимать квартиры, жилъ даромъ занимая флигель зданія Военной школы.

При школѣ былъ хорошо устроенный лазаретъ; при немъ докторъ и хирургъ. Чистота и порядокъ, господствовавшіе въ немъ, были примѣрные. Въ теченіе семилѣтняго моего пребыванія въ Военной школѣ я два раза лежалъ въ лазаретѣ. Разъ болѣлъ scarlatina, другой разъ меня ударило въ голову шаръ, при игрѣ въ кегли. За лазаретомъ жилъ про ф о с ь (исполнитель наказаній), отставной унтеръ-офицеръ съ фізіономією разбойника. Тутъ же находился и карцеръ (коза). Я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, былъ, помню, однажды арестованъ и высидѣлъ въ карцерѣ всѣ праздники Св. Троицы и Св. Духа. Тяжелое это было для моего возраста наказаніе! Въ праздничные дни, лѣтомъ, мы ходили гулять по окрестностямъ Варшавы на Волю, Повонзки, Бѣлены и т. д. Но чаще всего мы ходили въ деревню Тарговку, лежащую въ десяти верстахъ отъ города и составлявшую королевское имѣніе. Тамъ насъ угощали холоднымъ

молокомъ, творогомъ и сыромъ съ булками. Измученные длинной дорогой, мы ложились около пруда при фольваркѣ п съ несказаннымъ удовольствіемъ нѣжились въ тѣни, прислушиваясь къ кваканію деревенскихъ лягушекъ. Лучшимъ ученикамъ, компаніями и подъ надзоромъ офицеровъ дозволялось присутствовать на разводахъ и парадахъ войскъ, стоявшихъ въ Варшавѣ, а такихъ было всегда достаточно: гвардія польская (коронная) пѣшая, гвардія Литовская, конная польская (коронная) гвардія, королевскіе уланы, артиллерія и многіе другіе. На всѣхъ этихъ зрѣлищахъ король бывалъ всегда одѣтъ въ мундиръ полка, которому предстояло быть на разводѣ. Но всегдашнимъ любимымъ королевскимъ мундиромъ былъ нашъ мундиръ — Военной школы: гранатового цвѣта фракъ съ пунцовымъ воротникомъ, шптый золотомъ. Когда открылись засѣданія четырехлѣтняго сейма, я, въ то время уже почти кончавшій ученіе, получилъ, съ нѣсколькими товарищами, позволеніе бывать на сесіяхъ. Мы очень усердно пользовались этимъ дозволеніемъ, и на наше молодое воображеніе рѣчи на сеймѣ производили очень сильное впечатлѣніе.

Князь Чарторыйскій, устраивая Военную школу, написалъ для нея катехизисъ, заключавшій въ себѣ правила нравственности и обязанности гражданина, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Кромѣ того кадеты обязаны были знать наизусть стихи Кротцкаго, басню Нарушевича о благородствѣ и сатиры его «Объ обязанностяхъ гражданина». Катехизисъ Чарторыйскаго съ его портретомъ, очень похожимъ, былъ у меня долгое время послѣ выхода изъ школы, но впоследствии какой то любитель рѣдкостей присвоилъ его себѣ.

ГЛАВА IV.

Общества варшавскаго я совершенно не зналъ. Время наше такъ было распредѣлено, что дѣла занимали каждый часъ. Притомъ въ Варшавѣ у меня не было никого изъ родныхъ. Я только иногда по праздникамъ бывалъ у родителей одного изъ моихъ товарищей, полковника Черскаго. У него же я провелъ и двѣ ваканціи. Но начиная съ четырнадцатилѣтняго возраста, когда я уже порядочно учился всѣмъ па и фигурамъ танцевъ, не случалось почти ни одного бала, на который бы я не попалъ. Дома, которые насъ воспитанниковъ приглашали на балы, были: княгини Сангушко литовской маршалши, Гумецкой жены кореннаго мечника, князя примаса Понятовскаго, Очинскаго бывшаго посломъ въ Голландіи и впоследствии назвавшагося княземъ. Его мемоары, изданные въ 1829 году, Баньонъ рѣшительно опровергъ, какъ недостоверные. Кромѣ того мы бывали на балахъ князя Радзивилла (Ranie Kochan-ki); папскаго нунція Салуцо, банкира Тепера, графа Брюля, генерала Грабовскаго, Кицинскаго, шефа королевскаго кабинета, Игнація Потоцкаго и эксъ-подкоморія князя Понятовскаго—старшаго брата короля. На балахъ, въ Лозенкахъ у короля мы тоже бывали.

О нѣкоторыхъ вышеупомянутыхъ мною домахъ, я передамъ болѣе замѣчательныя подробности, замѣченныя мною. Княгиня Сангушко была милая старушка. Домъ ея походилъ на описанія старинныхъ домовъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ историческихъ романахъ. Обои были въ ея дворцѣ изъ адамашка, полы устланы персидскими коврами, комнаты полны зеркалами въ серебрянныхъ вызолоченныхъ рамахъ, старинная прочная мебель и соотвѣтственные всему этому украшенію меблировки. Все показывало магнатское богатство и говорило о прочности и расчетѣ на долговременность. У нея я видѣлъ молодаго, лѣтъ четырнадцати, князя Романа Сангушко. За нимъ неотступно и повсюду слѣдилъ гувернеръ, старый французъ. Даже когда князь танцевалъ, гувернеръ ходилъ за нимъ слѣдомъ по сторонамъ и не спускалъ съ глазъ. О немъ говорили, что это единственный Сангушко, который будетъ умнымъ человѣкомъ и перенесетъ весь родъ. Но умнымъ человѣкомъ и этому Сангушко не суждено было сдѣлаться. Въ Краковской Академіи, гдѣ онъ долженъ былъ окончить свое воспитаніе, онъ вслѣдствіе прогулки за городъ заболѣлъ и умеръ. Неотступнаго французъ видно тогда при немъ уже не было, или можетъ быть черезчуръ строгое обереганіе повліяло на натуру князя и самомалѣйшее нарушеніе правилъ осторожности вызвало смертельную болѣзнь. На одномъ изъ баловъ я видѣлъ замѣчательнаго человѣка — нѣкоего Мискевича, выигравшаго въ Парижѣ, въ банкъ, сто тысячъ червонцевъ. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ въ черныхъ башмакахъ и розовыхъ чулкахъ. Тогда казалось совершеннымъ чудомъ видѣть поляка, привезшаго изъ-за границы капиталы; всѣ обыкновенно ограничивались тратою ихъ тамъ. Старикъ Валицкій, воевода Равскій, разумѣется за деньги, на вѣсъ золота,

продать ему свое усыновленіе и право на фамилію и гербъ. Послѣ чего г. Мискевичъ сталъ называться Валицкимъ.

На балу у княгини Чарторыжской, гдѣ былъ и король, когда я протанцовалъ соло, онъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ фамилію. Узнавъ, что я сынъ Букара изъ Кіевскаго воеводства, король сказалъ: это мой хорошій пріятель, затѣмъ погладилъ меня по лицу, поцѣловалъ и велѣлъ напоить меня чаемъ. Одна изъ дамъ, окружавшихъ короля, поспѣшила исполнить его волю и увела меня въ кабинетъ пить чай. У князя-примаса на балахъ я былъ два раза, у Радзивилла (Ranie Kochanku) только одинъ разъ. У папскаго нунція я видѣлъ его племянника—карлика семнадцатилѣтняго, который ростомъ былъ съ четырехлѣтняго ребенка. Этотъ карликъ былъ владѣтельный принцъ итальянскій. Князь Карлъ Радзивиллъ подарилъ ему кабриолетъ съ запряжкою изъ четырехъ ручныхъ медвѣдей. На одномъ изъ баловъ у Игнатія Потоцкаго, на именинахъ его дочери Кристины, я изображалъ вакханку, былъ нарумяненъ, съ распущенными волосами, обнаженною грудью и съ тирсомъ въ рукахъ. Какъ сумасшедшій бѣгалъ я за моимъ Вакхомъ—Александромъ Потоцкимъ, впоследствии бывшимъ великимъ конюшимъ. У князя Михаила Радзивилла я видѣлъ частыхъ гостей этого дома: англійскаго посла лорда Винтворта и Штапельберга. Винтворта, впоследствии, я видѣлъ посломъ въ Петербургѣ, а затѣмъ онъ былъ посломъ же въ Парижѣ, гдѣ его Наполеонъ такъ скомпрометировалъ публично въ Тюльери. Но думаю, маленькому Наполеону очень высоко приходилось поднимать голову—Винтвортъ былъ огромнаго роста.

Старшій братъ короля, экс-подкоморій Казиміръ Понятовскій, разведшійся съ женою, жилъ въ мѣстности, называемой Солень, надъ Вислой, въ небольшомъ, но мило устро-

енномъ домѣ, съ великолѣпнымъ садомъ. Къ нему съѣзжались въ пять часовъ и забавлялись въ саду. Затѣмъ вечеромъ собирались въ залѣ, надъ дверями которой было написано: *à l'amitié et aux plaisirs*. Знатныя дамы здѣсь не бывали, но вообще въ дамахъ недостатка не было. Король всегда пріѣзжалъ къ брату, о которомъ можно сказать одно: онъ всегда придерживался изрѣченія, написаннаго надъ дверями: собранія у него посвящались веселію и гулянкамъ безъ всякаго этикетальнаго стѣсненія.

Передъ открытіемъ сейма у короля бывали нѣсколько воскресеній сряду танцевальныя собранія въ Лазенкахъ. Генералъ Войно постоянно бралъ меня съ собою. Съѣзжались обыкновенно передъ полднемъ и затѣмъ шли на прогулку въ садъ къ мѣсту, гдѣ былъ фонтанъ и тѣнь. Здѣсь завтракали и затѣмъ шли въ концертную залу, гдѣ и открывался балъ. Собранія не бывали многочисленны. Король танцевалъ англесъ, польскій и кадрили. Но чаще только прохаживался около танцующихъ или въ сосѣдней бильярдной комнатѣ игралъ партію на бильярдѣ. Между пятью и шестью часами подавали обѣдъ и часъ спустя всѣ разъѣзжались. На одномъ изъ этихъ утреннихъ баловъ я видѣлъ княгиню Яблоновскую, жену брацлавскаго воеводы, извѣстную по своему уму и вліянію въ обществѣ. Она была урожденная княжна Сапѣга. Въ своемъ имѣніи на Полѣсьѣ, въ мѣстечкѣ Семятичахъ, она основала институтъ повивальныхъ бабокъ. Воспитанницы этого института пользовались славою и въ моемъ домѣ была одна изъ нихъ, Курчминская, нѣсколько разъ и всегда благополучно. Княгиня Яблоновская написала нѣсколько томовъ правилъ и постановленій для своихъ управляющихъ по имѣніямъ. Между прочимъ въ этой книгѣ, какъ говорили, заключались полезныя хозяйственные

совѣты и даже совѣты, служащіе для пріятнѣйшаго препровожденія свободнаго времени. Княгиня была тетка короля, но не родная. Когда она вошла въ залу, король окруженный молодыми и красивыми женщинами, быстро поднялся съ мѣста и поспѣшилъ къ ней на встрѣчу. Онъ поклонился княгинѣ очень низко и поцѣловалъ въ руку, она ему слегка кивнула головой. Шла она очень важно шагомъ твердымъ, точно и не король встрѣчалъ ее, а простой дворянинъ, Станиславъ Понятовскій. Дамы всѣ поднялись при ея приближеніи и поспѣшили дать ей мѣсто. Яблоновская была высокаго роста и очень величественна, одѣта въ старинную шелковую полосатую матерію, и головной уборъ такъ былъ подобранъ, что она въ совершенствѣ напоминала старинные фамильные портреты въ знатныхъ домахъ. Жена Сченскаго Потоцкаго, урожденная Миншекъ, которую я видѣлъ во дворцѣ въ С.-Петербургѣ статсъ-дамой, отчасти походила величественностію и важностію на княгиню Яблоновскую.

ГЛАВА V.

Отецъ мой, находя меня по лѣтамъ еще очень молодымъ, предполагалъ оставить меня въ школѣ до конца 1797 г. Но перемѣны въ краѣ иначе устроили мою судьбу. Въмѣсто королевскаго кабинета, куда отецъ думалъ меня помѣстить, воспользовавшись протекціей родственника нашего перваго королевскаго секретаря Детерта и Кипцинскаго шефа кабинета, майоръ Сераковскій предложилъ мнѣ поступить въ инженеры. Всѣ мои товарищи по седьмому классу тогда уже вышли въ военную службу въ реставрировавшуюся польскую армію, я оставался одинъ, ожидая мѣста въ комплектъ инженеровъ. Губе, учитель математики, не находя для себя удобнымъ ходить для меня одного въ VII классъ, и имѣя у себя частныхъ учениковъ, предложилъ мнѣ приходить къ нему на квартиру и слушать лекціи. При этомъ я познакомился съ частными учениками Губе — Людовико-Радзивилломъ, ординатомъ (правителемъ) Клѣцкимъ, Антономъ Радзивилломъ, женившимся впоследствии на теткѣ прусскаго короля Фридриха III и бывшимъ намѣстникомъ въ Великомъ княжествѣ Познанскомъ. Третьимъ слушателемъ лекцій былъ Александръ Потоцкій, впоследствии великій конюшій коронный. Они слушали уроки физики и геометріи. Но вмѣсто инже-

нерной службы, мнѣ пришлось вступить въ артиллерію. Генераль-маіоръ артиллеріи Станиславъ Потоцкій прінялъ меня очень любезно и послѣ экзамена вручилъ патентъ на чинъ подпоручика и ордонансъ (приказъ) ѣхать на Волинь въ Олыки, гдѣ стояли тогда три батареи артиллеріи, составлявшія волинскую бригаду. На Волинь я поѣхалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Мирославскимъ. Въ Дубнѣ мнѣ пришлось остаться, а Мирославскій поѣхалъ далѣе. Въ Дубнѣ тогда жилъ князь Михаилъ Радзивиллъ, онъ меня прінялъ очень ласково, пригласилъ бывать на обѣдахъ ежедневно и объявилъ, что знаетъ моего отца и старшаго брата Андрея Букара, служившаго въ его полку и недавно только умершаго. Семейство князя составляла жена, урожденная Рачинская—ангелъ доброты и трое мальчиковъ. Дѣти не хотѣли взять во вниманіе моихъ петлицъ и мундира; во всемъ полку ихъ отца не было ни одного такого молодого офицера, какъ я и они совсѣмъ мною завладѣли. Служба была очень легка. Только когда весь полкъ собирался въ полной парадной формѣ я съ моими пушками обязанъ былъ стоять на правомъ флангѣ. Болѣзнь, съ перваго начала весьма незначительная, скоро однако же очень усилившаяся, не позволила мнѣ вести долѣе этой пріятной жизни въ Дубнѣ. Я взялъ отпускъ и уѣхалъ домой, гдѣ и заболѣлъ серьезно. Выздоровѣвъ, я опять явился на службу и посланъ былъ въ мѣстечко Полонное. Здѣсь, пока мы не устроились, приходилось довольно тяжело. Время было осеннее, дождливое, и съ рапортомъ и въ караулъ приходилось ходить всякій разъ съ версту по ужаснѣйшей грязи. Товарищи мои офицеры, ни по обращенію, ни по воспитанію не были на меня похожи, и ихъ общество мнѣ приходилось очень не по вкусу. Исключеніе составлялъ одинъ штабсъ-капитанъ Гавронскій.

Онъ вошелъ въ мое положеніе и предложилъ квартировать вмѣстѣ. Надо замѣтить, что въ Полонномъ, заселенномъ жидами, главная часть мѣстечка окружена валомъ и рвами, за валомъ среди мѣстечка стоялъ замокъ, выстроенный еще Каспаромъ Любомырскимъ, тогда уже брошенный, но впрочемъ довольно хорошо уцѣлѣвшій. Двое воротъ возвышались по концамъ главной улицы, надъ воротами находились помѣщенія. Одно занималъ губернаторъ, т. е. главный экономъ имѣнія, другое занимали Гавронскій и я. Надъ воротами стояла надпись:

*Nisi dominus custodierit civitatem suam
frustra vigilat qui custodit eam.*

Слова эти могли въ равной степени относиться какъ къ мѣстечку и къ крепости, такъ же точно и ко всему краю нашему. Жизнь моя вмѣстѣ съ Гавронскимъ была довольно пріятна. Въ мѣстечкѣ нашлось кое-какое общество: въ Полонномъ жили, въ собственныхъ домикахъ, какіе-то адвокаты, офиціалисты (служащіе въ экономіяхъ), часовой мастеръ, католикъ, имѣвшій хорошихъ дочерей, каретникъ Фишеръ и другіе. Впослѣдствіи пришелъ съ бригадой и квартировалъ въ Новомъ Городѣ Янъ Потоцкій. Въ этой бригадѣ былъ вице-бригадиръ Адамъ Валевскій, которому въ это время вѣроятно даже и не снилось, чѣмъ онъ будетъ впослѣдствіи. Французъ майоръ Manget, какъ говорили, былъ незаконнымъ сыномъ короля Станислава. Съ лица онъ очень походилъ на Понятовскаго, но по лѣтамъ трудно было повѣрить его родству съ королемъ. Онъ отлично ѣздилъ верхомъ и имѣлъ великолѣпныхъ лошадей. Вообще въ этой бригадѣ офицеры были очень хорошіе люди и далеко не такіе неотесанные чурбаны, какъ мои товарищи. Бригаднымъ адъютантомъ былъ

Режнецкій, вполсѣдствіи славный кавалерійскій генералъ. Онъ былъ очень преданъ службѣ, что составляло въ то время вещь достойную удивленія при всеобщемъ небреженіи къ службѣ офицеровъ и командировъ. Въ польскомъ войскѣ, равно какъ и въ иностранныхъ войскахъ, стоявшихъ на нашихъ границахъ, офицеры посвящали все время картамъ и попойкамъ. Даже и двухъ часовъ въ день командиры не хотѣли посвящать на занятія съ офицерами. Фишеръ и Режнецкій работали сами, безъ всякаго ободренія, и оба они не имѣя никакой протекціи, изъ маленькихъ чиновъ, скоро дошли, первый до званія инспектора пѣхоты, второй—главнаго инспектора кавалеріи.

Вскорѣ положеніе офицеровъ артиллеріи еще болѣе улучшилось: сеймъ постановилъ выдать деньги на лошадей служащимъ въ артиллеріи, въ томъ числѣ субальтернъ-офицерамъ каждому на одну лошадь. Явилась возможность ѣздить на прогулки, въ гости и даже домой въ недолговременные отпуска. Воевода Стемпковскій пригласилъ меня бывать. Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ самъ возилъ меня къ генералу Закржевскому. Дорогой, возвращаясь отъ генерала, и узнавъ отъ меня исторію моего неожиданнаго вступленія въ артиллерійскую службу, Стемпковскій предложилъ мнѣ перейти въ пѣхоту въ полкъ Дзялынскаго, обѣщая дать чинъ капитана. Я благодарилъ его, но отказался воспользоваться протекціею, объясняя, что было бы съ моей стороны не совсемъ хорошо заграждать такимъ образомъ дорогу старымъ и заслуженнымъ офицерамъ полка. Воевода принялъ мой отказъ благосклонно и похвалилъ взглядъ мой на отношенія къ служебнымъ товарищамъ. Второй разъ я былъ у воеводы на его именинахъ 19 марта 1791 года вмѣстѣ съ моими товарищами Гавронскимъ и Энгельгардтомъ, оба они напились

за обѣдомъ, пользуясь тѣмъ, что вина были хороши и бокалы ходили безостановочно въ кругу гостей.

Весной 1791 года мы перешли на квартиры въ Немировъ и поступили подъ непосредственное начальство Костюшки. Владѣлецъ Немрова Викентій Потоцкій ничего не жалѣлъ для военныхъ; мы бывали у него на обѣдахъ и видѣли по истинѣ барское великолѣпіе во всемъ. За десертомъ подавались золотые вилки и ножи. Либераккій, комисаръ В. Потоцкаго (главноуправляющій) получалъ отъ него порученіе угощать насъ военныхъ у себя, и мы часто сходились у него на пуншъ. Либераккій этотъ былъ старый товарищъ Потоцкаго, который въ молодости, получивъ огромныя имѣнія, очень много промоталъ. Но и въ мое время богатства его были по истинѣ громадны. Немировскія имѣнія заключали семьдесятъ деревень. Кромѣ того, Потоцкому принадлежали Броды и Збаражское княжество въ Галиціи. Не знаю, дѣйствительно ли В. Потоцкому принадлежалъ титулъ князя, но вѣрно одно только, что во всѣхъ актахъ его титуловали всегда князь Сбаражскій. Либераккій за пуншемъ рассказывалъ намъ анекдотъ о своемъ принципалѣ, какъ онъ въ Парижѣ переманилъ на свою службу одного стагггета-француза (кучера) изъ службы короля Людовика XIV. Французъ этотъ возилъ его, самъ одѣтый въ шелковые чулки и съ книжкою въ карманѣ. Приѣхавъ куда нибудь, онъ отдавалъ возжи форейтору, самъ сходилъ съ козелъ, снималъ ботфорты, надѣвалъ башмаки и доставши изъ кармана книгу отдыхалъ въ ожиданіи приказаній своего господина. На вопросъ: какъ могъ онъ оставить королевскую службу для частной? французъ обыкновенно отвѣчалъ: польскій баринъ платитъ лучше, чѣмъ французскій король.

Викентій Потоцкій перенесъ свою резиденцію изъ Неми-

рова, гдѣ помѣщеніе было очень не велико, въ селеніе Ковалевки. Тамъ былъ дворецъ и при немъ великолѣпный садъ, съ оранжереями, наполненными тропическими растеніями. Женатъ онъ былъ на княгинѣ де-Линъ, урожденной княжнѣ Мосальской, и жену свою держалъ въ заперти, совершенно по-турецки. Даже окна ихъ жилыхъ комнатъ почти весь день были обыкновенно закрыты сторами. Приѣзжая въ костель къ обѣднѣ въ каретѣ, Потоцкій приказывалъ опускать стору въ окнахъ. Я видѣлъ его жену еще въ Варшавѣ, когда она была женой принца де-Линъ—она была брюнетка, небольшого роста, пріятной наружности, съ вздернутымъ à la Rocholane носомъ, очень живая и подвижная. Ревнуя жену, самъ Потоцкій славился своими слабостями къ женскому полу: у него была дочь отъ одной французки, которой онъ далъ фамилію de Saint-Vincent и выдалъ замужъ за Гофмана, маіора гвардейскаго легко-коннаго полка. Въ Немировѣ у него была любовница жиловка. У этой мы изъ любовничества были съ визитомъ и нашли великолѣпное помѣщеніе и туалетный столъ полный серебряныхъ вещей. Въ этомъ году сестра моя вышла замужъ за Антона Рачинскаго — стольника быдгоскаго и адвоката люблинскаго трибунала. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, довольно красивой наружности, отлично знающій съ законами, отечественною исторією, латинскимъ языкомъ и отличавшійся замѣчательнымъ даромъ слова. Самъ король просилъ моего отца отдать дочь Рачинскому. Вѣнчалъ молодыхъ абатъ Охотскій, для котораго мой отецъ выпросилъ у короля по этому случаю орденъ св. Станислава и передъ обрядомъ вѣнчанія собственноручно надѣлъ на него ленту и вручилъ абату королевскій дипломъ.

Въ сентябрѣ изъ Немирова мы перешли на квартиры въ

Брацлавль и въ количествѣ четырнадцать тысячъ регулярнаго войска поступили подѣ начальство старшаго генераль-маіора князя Іосифа Понятовскаго. Подѣ его командой служили генералы Костюшко, Веліовейскій, французъ Пуяртъ и многіе другіе, именѣ которыхъ я уже и не помню. Кѣ войскамъ были вскорѣ присоединены два пѣшіе полка, издавна уже стоявшіе въ Каменець-Подольскѣ и считавшіеся, какъ бы его гарнизономъ. Въ одномъ изъ нихъ служилъ хорунжимъ знаменитый внослѣдствіи І. Хлопицкій. Солдаты и офицеры этихъ гарнизонныхъ полковъ, по причинѣ долгой стоянки, поселились въ городѣ совершенно осѣдло, имѣли тамъ хозяйство и семейства.

Мы стояли около рѣки Буга, на равнинѣ, неподалеку отъ мѣстечка Кинь, и лагерная жизнь очень намъ нравилась всѣмъ, въ особенности молодежи. Постоянный шумъ, полковая музыка, большое общество, ежедневные маневры, прогулки и прочее не давали намъ времени задумываться и держали въ постоянномъ напряженномъ состояніи. Изъ Великой Польши пришелъ полкъ генерала Бродовскаго подѣ командою ополченнаго нѣмца Шерера. Для перехода его чрезъ Бугъ устроенъ былъ понтонный мостъ и мы съ любопытствомъ присматривались этому въ первые видѣнному нами зрѣлищу—переправы цѣлаго полка по понтонамъ. Но намъ не понравился діалектъ офицеровъ, командовавшихъ отдѣлами и выражавшихся на нарѣчій великопольсково. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ гетманъ Огинскій и осматривалъ войска. Онъ квартировалъ въ Брацлавлѣ и давалъ обѣдъ, на которомъ и я былъ. Старженскій, комисаръ, посланный сеймомъ, ротмистръ національной кавалеріи тоже осматривалъ войска. Чинъ ротмистра національной кавалеріи равнялся чину генераль-маіора на дѣйствительной

службѣ въ линейныхъ войскахъ арміи. Но не всѣ ротмистры національной кавалеріи могли, по желанію, переходить въ армію съ чиномъ генераль-маіора. Преимущество это доставалось только дѣйствительно служившимъ въ своихъ эскадронахъ. Они, поступивъ въ армію, получали сейчасъ же чины вице-бригадира, бригадира и генераль-маіора. Тѣ же, которые только числились въ національной кавалеріи, такъ всю жизнь и оставались съ титуломъ ротмистра. Многіе богатые люди, ради тщеславія, носили это званіе и на свой счетъ формировали и содержали свои эскадроны. Четыре недѣли простояли мы лагеремъ и потомъ разошлись по своимъ квартирамъ. Мы—въ Немировъ съ генераломъ Костюшкой.

ГЛАВА VI.

Точно такой же лагерь, какой составляли мы подь Брацлавлемъ, устроенъ былъ около мѣстечка Голѳмбъ. Здѣсь начальствовалъ генераль Виртембергскій; войскъ было меньше — всего восемь тысячъ. Что дѣлалось въ этомъ обозѣ я не знаю. Рассказывали только, что жена главнаго начальника княгиня Виртембергская, дочь Адама Чарторыжскаго, однажды явилась въ лагерь съ отцомъ, одѣтая маркитанткой съ огромными запасами провизіи и винъ и угощала офицеровъ и солдатъ. Ужъ это извѣстная вещь: гдѣ женщины вмѣшиваются, хотя бы въ дѣло самое серьезное, театральности избѣжать имъ кажется невозможнымъ. Всю зиму мы исполняли гарнизонную службу. Князь Понятовскій уѣхалъ въ Варшаву и главное начальство перешло къ генералу Костюшкѣ, по прежнему ко мнѣ благоволившему. Адъютантомъ у него былъ поручикъ Финеръ—мой товарищъ и пріятель еще при жизни въ кадетскомъ корпусѣ. Я ему всегда помогалъ заниматься въ канцеляріи. Костюшко кромѣ того поручилъ составить планъ дизлокаціи войскъ и обозначить гдѣ и сколько стояло нашего войска и чужеземнаго на нашихъ границахъ въ разныхъ пунктахъ. Карта была составлена, и генераль при рапортѣ отослалъ ее въ Варшаву въ военную комиссію. По-

томъ сдѣдалось извѣстнымъ, что одинъ изъ комисаровъ, объ имени его я умолчу, отослалъ копію этой карты за границу. Въ квартирѣ Костюшки, гдѣ я долженъ былъ почти постоянно находиться, было всегда черезъ чуръ натоплено. Докторъ предписалъ ему, въ то время больному, потогонное. У него въ квартирѣ стоялъ маленькій бильярдъ и мнѣ приходилось по нѣскольку часовъ играть съ генераломъ въ натопленной комнатѣ и рядомъ съ всегда пылающимъ каминномъ. Думаю, что тогдашнее мое положеніе можно было называть: приученіемъ себя къ атмосферѣ ада. Къ довершенію несчастія генералъ за столомъ не терпѣлъ соли; кушанья у него всѣ были прѣсныя и сладкія; даже солонки изгонялись. Я приносилъ съ собою соль потихоньку въ табакеркѣ. Когда Костюшко узналъ о моей хитрости, онъ очень смѣялся и признался мнѣ, что будучи въ гостяхъ у моего отца, ничего почти ѣсть не могъ; такъ все ему казалось соленымъ. Зимой у насъ бывали публичныя балы (reduty); на нихъ въ дамахъ не случалось недостатка; окрестныя имѣнія всѣ были въ рукахъ арендаторовъ—семейныхъ людей, а дочери и жены офицеровъ, квартировавшихъ по близости Брацлавля, дополняли необходимое количество дамъ для нашихъ баловъ. Между дамами отличалась жена полковника Шерера, очевидно очень понравившаяся генералу Костюшкѣ. Мужъ ея, по этой вѣроятно причинѣ, бывалъ постоянно въ командировкахъ именно въ то время, когда жена отправлялась танцовать въ Брацлавль. Наконецъ пришелъ приказъ идти въ походъ; начиналась кампанія... Мы двинулись въ Улановъ, а черезъ два дня пошли на Любаръ. Меня командировали впередъ осмотрѣть дорогу до Любара — мосты, гробли и переправы. Исполнивъ это порученіе, я сдалъ рапортъ, и войска двинулись къ Любару. Отецъ мой пріѣхалъ въ Любаръ и

явился къ главнокомандующему войсками князю Іосифу Понятовскому, желая узнать отъ него болѣе меня о планахъ кампаніи, съ цѣлью успокоить встревоженныхъ жителей кievскаго воеводства. На обѣдѣ у князя въ палаткѣ, гдѣ и я былъ въ числѣ приглашенныхъ, отецъ мой въ кунтушѣ съ подбритымъ лбомъ, выглядѣлъ истиннымъ сарматомъ среди фигуръ нашихъ офицеровъ въ нѣмецкихъ фракахъ съ короткими трубочками, попивавшихъ черный кофе. Понятовскій объявилъ отцу, что согласно приказаніямъ верховной власти онъ не долженъ атаковать непріятеля, но только защищать переправы и задерживать его походъ, отступая до извѣстнаго пункта на Волинь, гдѣ уже соединясь съ литовскими войсками онъ откроетъ новыя операціи военныхъ дѣйствій.

Когда войска расположились, велѣно было насыпать батареи и укрѣпиться. Меня было пазначили подъ команду Вельгорскому, шедшему съ авангардомъ, но потомъ на мое мѣсто командировали штабсъ-капитана Бѣлинскаго. Черезъ два дня послѣ выступленія Вельгорскаго громъ пушекъ и ружей возвѣстилъ о начавшейся битвѣ. Было это несчастное сраженіе на Бoryшковской гроблѣ. Мы понесли пораженіе по собственной неосторожности: предварительно не была осмотрѣна очень опасная мѣстность, заросшая кустами, подъ Бoryшковцами, гдѣ была гробля чрезъ болота и рѣку. Непріятель, подъ командою генерала Леонидова, сдѣлалъ засаду и подрубилъ мостъ. Атакованные внезапнымъ огнемъ изъ засады, когда мостъ обрушился подъ багажами, войска Вельгорскаго должны были поспѣшно ретироваться къ Полонному, съ огромнымъ урономъ. Штабсъ-капитанъ Бѣлинскій былъ убитъ, и это было бы неизбѣжною моею участіемъ, если бы первоначальное командированіе меня къ Вельгорскому,

не было измѣнено, къ моему спасенію. При польскихъ войскахъ вовсе не было легкой кавалеріи, и этому справедливо приписывали какъ неудачу нашу подъ Борошковцами, такъ и другія потери во время кампаніи. У русскихъ какъ легкія войска имѣются донскіе казаки, отдѣлы башкировъ и калмыковъ; у австрійцевъ — пандуры и кроаты. У Понятовскаго же было только ничтожное количество казаковъ надиворныхъ изъ Гановщины Чарторыйскаго, небольшая милиція Стебельскаго, князя Яблоновскаго и казаки Христофора Карвицкаго. Но все это далеко уступало громадной легкой кавалеріи при русскихъ войскахъ.

Поручивъ Богу защиту Полоннаго, согласно сдѣланной на воротахъ его надписи, мы отошли къ Заславію. Россіане шли за нами слѣдомъ на Лабунь, подъ предводительствомъ Каховскаго. На этомъ маршѣ отданъ былъ приказъ отрядамъ кавалеріи нашей, стоявшей на разныхъ пунктахъ около границы, присоединяться къ арміи. Происходили стычки съ непріятелемъ, оканчивавшіяся впрочемъ довольно благополучно для насъ. Во время одной изъ такихъ сшибокъ, у насъ исчезъ вице-бригадиръ Рудницкій, перешедшій къ непріятелю. Въ Острогѣ созвали военный судъ и присудили измѣнника Рудницкаго къ заочной позорной карѣ на висѣлицѣ. Впослѣдствіи конфедерація оправдала его измѣну.

На второй день, послѣ нашего прибытія въ Заславъ, князь Понятовскій вдругъ получилъ увѣдомленіе, что по дорогѣ отъ Лабуня показалось много казаковъ. Мы сейчасъ двинулись и заняли позицію, заградивъ непріятелю путь. Россіане наступали подъ начальствомъ генерала Маркова; загремѣла артиллерія и затѣмъ началась ружейная пальба. Моя батарея, состоявшая изъ двухъ пушекъ и двухъ гаубицъ (гранатницъ) была поставлена на правомъ флангѣ; рядомъ

со мною стоялъ полкъ Мальчевскаго. Битва продолжалась отъ семи утра до пяти часовъ послѣ обѣда. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня капитану Шамецкому граната оторвала ногу, а меня контузила въ палецъ, мѣсяца четыре послѣ все еще жестоко болѣвший. Генераль Марковъ требовалъ подкрѣпленія, посылая адъютантовъ въ Лабунь, гдѣ именно въ это время у главнокомандующаго Каховскаго былъ на обѣдѣ Сченснй Потоцкій. Но подкрѣпленій ему не послали, къ нашему счастью. Если бы они прибыли, мы навѣрное бы не удержались. Отсюда войска отошли къ Острогу. Костюшко вручилъ мнѣ за отличіе медаль на лентѣ ордена св. Станислава съ надписью: *Virtuti militari*.

Переправившись на лѣвую сторону Буга, главнокомандующій поручилъ Костюшкѣ защищать переправу около Дубенки. У насъ всего было пять тысячъ человѣкъ, а непріятель располагалъ несравненно большими силами. Костюшко велѣлъ насыпать укрѣпленія, и мы окопались по всей линіи. Моя батарея стала на правомъ крылѣ, упиравшемся въ австрійскую границу. Съ четырехъ часовъ утра началась перестрѣлка. Бугъ былъ пересохши и россіяне по бродамъ, заранѣе осмотрѣннымъ, переправились и выстроились подъ нашимъ огнемъ. Около шести часовъ пополудня колонна бригадира Палембаха перешла австрійскую границу и явилась въ тылу нашихъ линій. Пѣхота наша выстроилась, и пораженный первыми выстрѣлами Палембахъ упалъ. Начинало смеркаться, Костюшко видя, что граница не защищаетъ нашего фланга и можно насъ отрѣзать, приказалъ отступать. У непріятеля кромѣ Палембаха убитъ еще полковникъ Золотухинъ. У насъ потери оказались не велика: окопы защищали войска. Въ артиллеріи убитъ поручикъ Тепферъ, и генераль произвелъ меня на вакансію поручкомъ.

Въ Пяскахъ, войдя въ квартиру Костюшки я нашель у него Юліана Нѣмцевича; будучи въ Варшавѣ и присутствуя на сессіяхъ сейма, я нѣсколько разъ слышалъ рѣчи Нѣмцевича, но лично съ нимъ не былъ знакомъ. Узнавъ отъ генерала мою фамилію, онъ подошелъ ко мнѣ первый и передалъ, что одинъ изъ моихъ учителей, капитанъ Ленскій, прочитавъ въ газетахъ о битвѣ подъ Зеленицами и упоминаніе въ этой реляціи обо мнѣ, пришелъ въ восторгъ отъ успѣховъ своего воспитанника. У него былъ жалованный королемъ перстень съ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами. Ленскій сейчасъ же отнесъ его въ комиссію, собиравшую пожертвованія, и передалъ для доставленія мнѣ. Но перстень этотъ все таки мнѣ не достался. Будучи въ Варшавѣ впоследствии я самъ не пошелъ его требовать, а члены комиссіи не нашли нужнымъ отыскивать меня, какъ бы слѣдовало.

Въ Куровѣ князь Понятовскій получилъ изъ Варшавы увѣдомленія, что перемиріе заключено, и король самъ подписалъ конфедераціонный актъ Тарговицкой конфедераціи. Скрывъ это извѣстіе, онъ безъ всякой нужды предложилъ рекогносцировку. За нимъ поѣхало нѣсколько человѣкъ, завязалась перестрѣлка, и нѣсколько человѣкъ бесполезно погибли. Самъ князь спасся отъ казаковъ только благодаря своей превосходной англійской лошади, перескочившей два забора и вынесшей его. Между другими достойными сожалѣнія людьми убитъ Янушъ Иллинскій генераль-инспекторъ, прекрасный молодой человѣкъ, съ блестящими способностями, подававшій большія надежды. Только въ Козенцахъ Понятовскій въ приказѣ объявилъ о перемирії и подписа королемъ конфедераціоннаго акта. Вскорѣ вѣсть дошла къ намъ, что конфедерація формируетъ полки, и въ число новыхъ пол-

ковниковъ помѣщенъ Рудницкій. Тогда начиная отъ главнокомандующаго князя Понятовскаго, Костюшки, Вельгорскаго, множество генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ послали въ Варшаву просьбы объ отставкѣ. Костюшко, взявъ меня съ собою, поѣхалъ въ Варшаву, куда Понятовскій прибылъ уже прежде. Мы нашли его занятаго дѣлами войска, между прочимъ готовились дипломы и новые ордена съ такою же подписью, какъ и моя медаль.

Отправившись къ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобы передѣлать медаль на крестъ новой формы, я засталъ мастера за работой по королевскому заказу. Изъ двухъ кусковъ аквамарину, каждый длиною въ полъ аршина, приготовлялся скипетръ, оправленный въ золото и прекрасно отшлифованный. Скипетръ этотъ предназначался въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ. Держа въ рукахъ эту вещь и, чтобы лучше разглядѣть, приближаясь къ окну, я вдругъ подумалъ: вѣдь я могу споткнуться, упасть и разбить драгоцѣнный камень! Мысль эта нагнала на меня такой страхъ, что я поспѣшилъ положить скипетръ на столъ. Костюшко въ Варшавѣ заболѣлъ и слегъ въ постель. Я часто бывалъ въ Казиміровскомъ дворцѣ и проводилъ время съ прежними товарищами съ истиннымъ наслажденіемъ. Однажды когда я уже выходилъ изъ воротъ своей квартиры, вдругъ подъѣхалъ король верхомъ, сопровождаемый уланами. Я едва узналъ его, такъ онъ перемѣнился въ эти два съ половиной года. Онъ пріѣхалъ провѣдать больнаго Костюшку. Волосы короля посѣдѣли, фізіономія получила оттѣнокъ какой то печали и серьезности. Два часа король пребылъ у генерала и уѣхалъ. Костюшко сказалъ мнѣ послѣ, что онъ ему совѣтывалъ лично написать въ Петербургъ письмо къ Сченскому Потоцкому по дѣлу о наградахъ военнымъ, во время минувшей кам-

паніи, которыхъ конфедерація не хотѣла признать. Издавъ былъ даже декретъ, воспрещавшій военнымъ носить ново пожалованный имъ королемъ орденъ. Костюшко по совѣту короля написалъ къ Потоцкому, доказывая, что заслуги, оказанныя на войнѣ, въ каждомъ краѣ уважаются, даже враги не отрицаютъ ихъ. «Что касается меня, добавлялъ Костюшко въ письмѣ, если декретъ не будетъ уничтоженъ, я оставляю родину и удалюсь въ Америку, въ которой найду покровительство, такъ какъ за ея независимость проливалась кровь моя. Тамъ я буду умолять Всевышняго о дарованіи Польшѣ хорошаго и твердаго правительства и добродѣтельныхъ гражданъ...» Послѣднія слова относились къ извѣстной надписи, сдѣланной Потоцкимъ на его новомъ дворцѣ въ Тульчинѣ. Привожу здѣсь и отвѣтъ Потоцкаго, помѣченный 10 сентября 1792 года. «Я имѣлъ честь получить ваше письмо, Милостивый Государь, писанное изъ Варшавы отъ 6 сентября, и касающееся награжденій крестами, которые король противозаконно раздаетъ нашему храброму войску; оно, я увѣренъ, всегда можетъ заслужить и заслуживаетъ самую высшую награду. Къ вамъ, Милостивый Государь, я откровенно пишу потому, что сердцемъ и всею душою васъ уважаю; потому что желалъ бы увѣрить васъ и вашихъ военныхъ товарищей въ томъ, какъ я умѣю цѣнить ихъ заслуги, и какъ самая конфедерація ихъ оцѣниваетъ. Но я буду говорить къ войнамъ полякамъ—войнамъ республиканцамъ. Польша республика; она избираетъ короля своего главу, избираетъ администрацію для своего управленія; содержитъ войска для защиты, свободы и земель, которыми владѣетъ. Король избранъ быть главою республики; онъ имѣетъ свои обязанности, законами и условіями избранія опредѣленные. Но польскій король не имѣетъ власти законодательной, постановлять не можетъ.

На основаніи же какого права онъ установилъ орденъ? Республика не знаетъ этого ордена! Онъ не существуетъ, а если онъ не существуетъ, то и имѣть его никто не можетъ. Тѣ только могутъ носить этотъ орденъ, которые признаютъ за королемъ право у с т а н а в л я в а т ь—право законодательства. Но солдаты Польши должны знать, что они служатъ одной республикѣ, и что она одна имѣетъ право устанавливать что либо и издавать законы. Мы не отнимаемъ орденовъ у войска, мы только говоримъ, что орденовъ этихъ нѣтъ; они установлены противозаконно, а все противозаконное—не существуетъ и ничтожно. Война для поддержанія варшавскаго заговора и для установленія монархизма въ Польшѣ, этимъ заговоромъ навязаннаго республикѣ—есть война противъ республики. Мужество обманутаго войска, оказанное въ этой войнѣ, не подлежитъ награжденію; не слѣдуетъ сохранять и ордена противозаконно королемъ установленнаго. Наше обманутое войско дѣйствовало противъ чужеземныхъ войскъ, но эти чужеземныя войска не были врагами республики, не шли завоевывать ее, а были напротивъ союзниками и охранителями нашей свободы.

«Вы, храбро сражавшійся въ Америкѣ за ея свободу вмѣстѣ съ другими союзниками американцевъ—французами, вѣроятно бы не получили ордена Цинциата, еслибы дрались не съ англичанами, а тоже съ чужеземцами въ Америкѣ—французами, пришедшими защищать свободу Америки. Но конечно есть большая разница между помощью французамъ, данной американцамъ, составлявшимъ часть владѣній Англіи и воевавшимъ съ англичанами, и помощью, которую оказала Великая Екатерина союзной съ нею республикѣ, для одоленія варшавскаго заговора и восстановленія законности, попранной въ Варшавѣ въ минувшемъ году. Не-

разумную послѣднюю войну можетъ назвать святою и честною только тотъ, кто не жалѣлъ братской крови для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Дѣло не касалось самостоятельности республики, сохраненія ея земель, дѣло шло только объ осуществленіи самолюбивыхъ варшавскихъ проектовъ, которые несомѣстны ни со спокойствіемъ, ни тѣмъ болѣе со счастьемъ республики.

«Вы слишкомъ достаточно имѣете фактовъ, чтобы понять, что конфедерація вовсе не имѣетъ желанія обижать своихъ братьевъ, находящихся на службѣ въ войскахъ; что она цѣнитъ ихъ заслуги и стремится привязать ихъ сердца къ республиканскому правительству. Васъ лично генеральная конфедерація тоже безъ всякаго сомнѣнія оцѣниваетъ и уважаетъ, зная ваши достоинства и таланты. Но имѣя въ виду устройство республики, если что предпринимается — она поступаетъ основательно обсудивъ и въ силу настоятельныхъ потребностей общественной пользы.

«Прошу вѣрить, что я и лично былъ бы очень радъ доказать вамъ, какъ высоко васъ цѣню и съ какимъ уваженіемъ остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою Станиславъ Сченский Потоцкій».

Еще предъ началомъ несчастной войны король собственноручно писалъ къ Потоцкому, заклиная его не вводить отечества въ опасность и оставить свои намѣренія. Въ письмѣ былъ приведенъ примѣръ изъ римской исторіи — примѣръ Каріолана. Газеты напечатали это письмо короля. Отвѣта Потоцкаго я не помню.

Г Л А В А VII.

Во время моего пребыванія въ Варшавѣ, главнокомандующій русскими войсками генералъ-аншефъ Каховскій квартировалъ въ ней съ своимъ штабомъ. Дамы наши нѣсколько примирились съ непріятелями: опять начались балы и веселились по прежнему довольно порядочно. Валерьянъ Зубовъ влюбился въ жену Прота Потоцкаго и получилъ взаимность; онъ давалъ ей серенады роговой музыки въ Саксонскомъ Саду. Съ удивительной быстротою успокоивались все сердца и характеры. Я не долго оставался въ столицѣ и вмѣстѣ съ однимъ моимъ товарищемъ по военной школѣ, поручикомъ Бориславскимъ, поѣхалъ домой. Дороги не были безопасны: повсюду бродили мародеры польской и русской армій. Мы, пользуясь знакомствомъ съ маіоромъ Каховскимъ, племянникомъ и адъютантомъ генералъ-аншефа, взяли конвойнымъ донскаго казака. Это былъ донецъ лѣтъ пятидесяти, сильный, здоровый и одѣтый очень порядочно въ гранатоваго цвѣта мундиръ; палашь, пистолеты и пороховница у него были оправлены въ серебро. Очевидно это былъ солдатъ заслуженный и хорошаго поведенія. Дорогой мы очень забавлялись взорами, какіе казакъ постоянно кидалъ на всякое стадо овецъ или гусей, попадавшееся на пути. Приѣхавъ въ мѣстечко Локачъ

онъ показалъ намъ свою ловкость. Отправившись отыскивать намъ квартиру, онъ замѣтилъ въ одной избѣ подъ лавкой свинью и такъ ловко прокололъ ее пикой, что свинья даже не пискнула. Добычу свою онъ не менѣе ловко упряталъ въ мой экипажъ. Когда мы приѣхали на другой день на попасъ (кормить лошадей), войдя въ сѣни я вдругъ почувствовалъ запахъ гарн. Мнѣ со смѣхомъ передали вчерашній подвигъ казака, который тогда именно самъ принялся осмаливать свою добычу. Изъ Шепетовки мы отпустили донца и дали ему письмо къ маіору Каховскому, благодаря за конвой и прося его, ради дружбы и нашего знакомства, освободить въ отставку нашего донца, прослужившаго уже въ арміи двадцать семь лѣтъ.

Поѣздка эта была одна изъ самыхъ пріятнѣйшихъ дней въ моей жизни. Я ѣхалъ со старымъ школьнымъ товарищемъ, два года прежде меня вышедшимъ изъ школы, съ которымъ меня связывала искренняя дружба. У насъ обоихъ нашлось много чего рассказать и передать другъ другу. Передъ выѣздомъ изъ Варшавы я накупилъ новыхъ книгъ, и мы въ перемежку между разговорами занимались чтеніемъ. По дорогѣ мы заѣзжали къ родственникамъ Бориславскаго—Михаловскимъ, жившимъ неподалеку отъ мѣстечка Яновца. Владѣтельница Яновца—Пясковская, узнавъ о приѣздѣ двухъ офицеровъ изъ корпуса Костюшки, сейчасъ же прислала просить насъ къ себѣ. Яновець лежитъ противъ Казимержа—города нѣкогда имѣвшаго большую торговлю. Это родина Фирлеевъ, Тарловъ и Любомирскихъ. Мѣстность между Казимержемъ и Яновцемъ, надъ берегами Вислы, по истинѣ великолѣпнѣйшая, какую я только когда видѣлъ. По дорогѣ мы осмотрѣли поля битвъ подъ Зеленицами и Дубенкой. На зеленицкихъ поляхъ мы находили руки и ноги съ рукавами мунди-

ровъ и обувью; убитыхъ зарыли очень не глубоко и даже не насыпали никакихъ кургановъ; дожди вымыли землю, а звѣри разрыли неглубокія могилы, и трупы лежали почти непокрытые землею. Въ Тенешовкѣ Бориславскій разстался со мною и уѣхалъ на Подоль (нынѣшняя Подольская губернія), а я поѣхалъ домой.

Въ Варшавѣ, на улицахъ, послѣ моего отъѣзда происходили ссоры и даже битвы между военными разныхъ партій. Конфедерация захватила весь край и всѣ должности замѣстила своими сторонниками. Мѣсто ея засѣданій былъ Брестъ-Литовскъ. Злотницкій получилъ начальство въ Каменцѣ, Рачинскій, бывший адвокатъ и стольникъ бидгоцскій сдѣланъ генераль-маіоромъ и получилъ въ команду четыре полка. Онъ жилъ въ Ленчномъ. Онъ, какъ мнѣ кажется, думалъ подражать Моро, тоже бывшему адвокатомъ въ Ренѣ и потомъ прославившемуся, какъ полководецъ. Литовская конфедерация подъ предводительствомъ двухъ Косаковскихъ—епископа и гетмана, соединилась съ польскою; члены обѣихъ конфедераций изъ Брестъ-Литовска перешли въ Гродно и составили сеймъ въ 1793 году. Вѣлинскій былъ его маршаломъ. На этомъ сеймѣ Рачинскому отдали имѣнія Колонтая, Гостовецъ. Но онъ недолго пользовался ими и долженъ былъ бросить все и бѣжать въ 1794 году.

У насъ въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ повѣтахъ командовалъ генераль-лейтенантъ Любовидзскій. Былъ это честный человѣкъ, даже если хотите можетъ быть и храбрый, но головой былъ слабъ. О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ свое время онъ былъ значительною особою: какъ генераль-поручикъ кавалеръ Вѣлаго Орла и св. Станислава и главное — командиръ нѣсколькихъ тысячъ войскъ, расположенныхъ на Подолѣ, Волини и въ Кіевскомъ округѣ. Во

время переимѣнъ, ознаменовавшихъ 1793 годъ, о немъ часто говорили: то называли его храбрымъ, то объявляли трусомъ. Но мнѣ кажется оба заключенія не совсѣмъ справедливы.

Любовидзскій послѣ родителей по всей вѣроятности ничего не получилъ. Я зналъ въ военной службѣ двухъ его братьевъ— совершенно бѣдныхъ и жившихъ однимъ жалованьемъ. Сестра его была замужемъ за нѣкимъ Гейбовичемъ ¹⁾, человѣкомъ тоже не аристократическаго рода. Слухи ходили, что двѣ дамы усердно занимались протектированіемъ молодого и красиваго Любовидзкаго. Для него купили званіе ротмистра. Впослѣдствіи онъ женился на Чарнецкой и взялъ за нею большое приданое. За небольшія деньги онъ купилъ хорошее имѣніе Новый Хвостовъ. Еще будучи женихомъ Чарнецкой, онъ имѣлъ дуэль съ Бохановымъ—штабъ-офицеромъ русскихъ войскъ. Любовидзскій стрѣлять не умѣлъ, а его противникъ былъ стрѣлкомъ первой руки. Но секундантъ Любовидзкаго Яниковскій такъ хорошо наставилъ своего кліента, что Бохановъ былъ убитъ на повалъ. Но... это былъ единственный случай, доказывавшій личную храбрость Любовидзкаго. Король Станиславъ, выѣзжая на встрѣчу Павлу, бывшему еще наслѣдникомъ престола и ѣхавшему путешествовать по Европѣ подъ фамиліей *Comte du Nord*, взялъ для конвоя ротмистра Любовидзкаго. Дорогой онъ замѣтилъ, что лошадь ротмистра покрыта великодѣннымъ и дорогимъ чепракомъ—стоившемъ не менѣе шести тысячъ червонцевъ.

— Мой Любовидзскій, спросилъ удивленный король, откуда у тебя этотъ чепракъ?

¹⁾ Гейбовичи происходятъ отъ евреевъ и фамилія эта очевидно переименованное слово—Лейбовичъ—сынъ Лейбы.

— Отъ отца по наслѣдству, отвѣтилъ ротмистръ.

— Ну, очень же ужъ богатаго ты имѣлъ отца, съ явною пронию возразилъ король. Изъ ротмистровъ Любовидзскій дошелъ до чина бригадира, что равнялось генераль-маіору арміи. По старшинству ему дали чинъ генераль-поручика. Ему еще болѣе было обѣщано, но кромѣ ордена Александра Невскаго кажется ничего болѣе не дали. По своимъ способностямъ не могъ онъ ничего болѣе заслужить.

Въ мартѣ 1793 г. Кречетниковъ объявилъ, въ силу дарованной ему власти, о присоединеніи къ Россіи польскихъ земель, начиная отъ Друи по лѣвому берегу Двины все воеводство Виленское и дальше чрезъ Столпы Нѣвижъ, Пинскъ до границъ Галиціи по Днѣстру и Днѣпру до Ягорлыки—древней границы между Россією и Польшей. Въ этомъ же манифестѣ и самъ Кречетниковъ объявленъ генераль-губернаторомъ. Манифестъ помѣченъ былъ изъ лагеря подъ Полоннымъ. Отецъ мой рѣшился оставить службу — онъ былъ судьей. И только ради желанія избѣжать подозрѣнія и чтобы не быть зачисленнымъ въ число «недовольныхъ» нѣкоторое время послѣ присоединенія края онъ исправлялъ свою должность и затѣмъ передалъ кандидату Проскурѣ. Отецъ выпустилъ надворныхъ музыкантовъ, постановилъ отпустить бороду и сдѣлаться пустынникомъ. Смерть воеводы Стемповскаго, его сердечнаго друга, много повліяла на намѣренія моего отца. Онъ даже заболѣлъ. Докторъ Китиль послалъ его въ Бардіовъ на воды; но предписалъ только брать ванны, а отнюдь не пить. Неполненіе этого предписанія разстроило здоровье больного. Еще до его отѣзда къ намъ пріѣхалъ Любовидзскій. Онъ объявилъ, что изъ Петербурга предписано взять изъ каждаго рода войскъ по одному штабъ и оберъ-офицеру и послать какъ делегатовъ въ столицу для

представленія императрицѣ. Увидѣвъ меня, онъ уговорилъ ѣхать съ нимъ, говоря, что ему вполне довѣрено кого взять, выданы подорожныя на всѣхъ и деньги на путевыя издержки. Мнѣ захотѣлось видѣть столицу, и я согласился ѣхать.

Г Л А В А VIII.

Когда Любовидзскій привезъ меня къ Кречетникову и представилъ Грохольскому (впослѣдствіи вице-губернатору), шефу его канцеляріи, я былъ въ мундирѣ и съ новымъ орденомъ. Я объявилъ, что желаю снова поступить на службу и готовъ принести присягу. Грохольскій пошелъ къ Кречетникову и возвратясь объявилъ: что генераль можетъ меня принять, но не прежде, какъ я сниму орденъ, считающійся уничтоженнымъ. Я разумѣется снялъ орденъ, Кречетниковъ меня принялъ и разрѣшилъ принести присягу. По поводу этого ордена со мною еще былъ случай на балу въ Дубнѣ, во время контрактовъ (ярмарки). Тамъ былъ князь Михаилъ Любомірскій съ цѣлой компаніей офицеровъ. Многимъ былъ въ глаза носимый мною запрещенный орденъ, но никто не осмѣлился спросить меня, почему я позволяю себѣ его носить. Вдругъ во время бала молодежь узнаетъ, что стовариваются сорвать у меня крестъ съ груди. Сейчасъ же вокругъ меня сформировалась почетная стража, и я безопасно оставался до конца бала съ моимъ крестомъ. Въ Новомъ Хвастовѣ, гдѣ жилъ Любовидзскій, у него были двѣ канцеляріи: русская, подъ завѣдываніемъ маіора Стоянова, и польская,

которую велъ какой-то намѣстникъ ¹⁾ національной кавалеріи при помощи одного товарища и двухъ писарей. Генераль, узнавъ, что мнѣ хорошо знакома письменная полковая часть, предложилъ мнѣ принять подъ свое завѣдываніе его польскую канцелярію. Я сдѣлался его адъютантомъ и шефомъ канцеляріи, для чего, по званію моего начальника генераль-поручика, мнѣ слѣдовало имѣть чинъ штабс-капитана, и Любовидзскій дозволилъ мнѣ носить отличія этой степени, т. е. четыре звѣздочки въ золотомъ полѣ на эполетахъ. Поручикъ имѣлъ три, подпоручикъ двѣ, а хорунжій одну звѣздочку. Въ канцеляріи былъ настоящій хаосъ. Едва я успѣлъ устроить бое-какой порядокъ, какъ было получено извѣстіе, что Кречетниковъ получилъ другое назначеніе, а на его мѣсто присланъ Юрій Владиміровичъ Долгорукій. На встрѣчу новаго начальника выѣхали губернаторы волынской и подольской и мой генераль, взявшій меня съ собою въ Малый Хвостовъ—мѣстечко, лежащее на старой русской границѣ. Долгорукій, пріѣхавъ, отправился прямо въ Лабунь, гдѣ и остался жить.

Въ концѣ іюля мы отправились въ Петербургъ. Офицеры ѣхали въ коляскахъ и кибиткахъ вмѣстѣ съ делегатами низшихъ чиновъ. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ Любовидзскимъ въ четверомѣстной каретѣ. Кромѣ меня съ генераломъ ѣхалъ русской службы пѣхотный капитанъ Щепановскій, родомъ бѣлорусъ, бойко говорившій порусски, но физіономіи непріятной, и мнѣ онъ не очень нравился. Въ Кіевѣ мы были у губернатора Ширкова — восьмидесятилѣтняго старика, женатаго на полькѣ. Далѣе путь нашъ лежалъ на Черниговъ, Моги-

¹⁾ Намѣстникъ и товарищъ національной кавалеріи — чины, первый соответствуетъ подпоручику, второй—званію рядового.

левъ и Витебскъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ я въ первый разъ увидѣлъ іезуитовъ, совершавшихъ литургію. Съ нихъ ректоромъ я и познакомился. Въ половинѣ августа уже почти ночью мы прибыли въ столицу и остановились въ домѣ генераль-поручика Бороздина, на Невскомъ проспектѣ. Мацкевичъ, высланный впередъ, нанялъ для насъ этотъ домъ. Любовидзскому объявили, что для представленія его высшимъ лицамъ необходимы мундиры генераль-лейтенанта русской формы. Мой генераль чрезъ два дня одѣлся въ длинный зеленый мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но мы остались въ прежнихъ мундирахъ, въ нихъ и представлялись. Я и генераль Любовидзскій были сперва у полковника Ставицкаго, шефа канцеляріи предсѣдателя военной коллегіи графа Н. И. Салтыкова. Послѣ представленія Салтыкову велѣно было представиться Платону Александровичу Зубову, жившему во дворцѣ. Зубовъ принялъ насъ и объявилъ, что онъ увѣдомитъ, когда всѣ делегаты будутъ имѣть счастье представиться государынѣ. Чрезъ нѣсколько дней разрѣшеніе это послѣдовало, и Любовидзскій съ офицерами отправился во дворецъ.

Тогда было обыкновеніе, что всѣ должествовавшіе представляться государынѣ, ожидали ее въ залѣ, чрезъ которую она проходила, возвращаясь изъ церкви во внутренніе покои. Насъ тоже выстроили по старшинству чиновъ и по списку, переданному дежурному камергеру. Списокъ этотъ онъ долженъ былъ читать соотвѣтственно тому, какъ мимо насъ проходила государыня. Намъ было объявлено, что когда императрица будетъ подавать руку для цѣлованія, не брать этой руки въ свои руки, но поднять высоко лѣвую руку и когда императрица положить на нее свою—поцѣловать. Государыня была уже очень пожилая женщина — лѣтъ слиш-

комъ шестидесяти, но наружности величественной; черты лица ея были замѣчательны и носили еще слѣды былой красоты. Но она была очень полна. Платье на ней было изъ серебрянной л а м ы (родъ штофа) со шлейфомъ, который носили придворныя дамы — статсъ-дамы или фрейлины. На головѣ у нея была маленькая брильянтовая корона. Послѣ представленія мы уѣхали. На другой день, точно такимъ же порядкомъ, мы представлялись наслѣднику и женѣ его Маріи Ѳеодоровнѣ. Представленіе совершалось въ апартаментахъ занимаемыхъ великимъ княземъ—въ большой залѣ, въ концѣ которой полъ былъ выше на одну ступеньку. У края этого возвышенія стоялъ великій князь съ женой. По снискъ, чинтанному дежурнымъ, мы подходили, становились на колѣни и цѣловали подаваемую намъ руку, а великій князь каждого изъ насъ цѣловалъ въ лице. Также насъ представили великимъ князьямъ Александру и Константину, и они насъ приняли очень любезно. Другихъ великихъ князей въ это время во дворцѣ не было. Подобно намъ представлялись и делегаты дворянства нашихъ губерній. Въ это время совершался бракъ великаго князя Александра съ принцессой Баденской, а посему кромѣ нашихъ делегатовъ были еще представленія депутацій татаръ, киргизовъ, киргизъ-кайсабовъ и другихъ — съ косыми глазами и плоскими лицами. Приѣхало посольство турецкое и татарское, и посолъ занялъ домъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры. Когда наступилъ день «бракосочетанія» особенный церемоніаль обозначалъ кому и гдѣ быть и кто могъ получить входъ во дворецъ къ столу. Намъ, по особенной милости, дозволено было бывать вездѣ, гдѣ намъ захочется. Я охотно воспользовался этою милостію; ни одинъ балъ, ни одна служба даже въ придворной церкви не были мною пропущены.

Во время этого торжества я всякій день бывалъ во дворцѣ. Намъ даже дозволили осматривать комнаты молодыхъ; залъ для туалета и всѣ драгоценности, разложенныя въ немъ.

Платонъ Зубовъ былъ пожалованъ генераль-фельдцейхмейстеромъ. Онъ потребовалъ отъ Любовидзкаго, чтобы тотъ выбралъ для него двоихъ офицеровъ изъ числа делегатовъ, для помѣщенія ихъ въ своемъ штабѣ. Я, которому первому предложилъ нашъ генераль перейти въ штабъ Зубова, отъ этой чести отказался; отецъ мой былъ боленъ, и меня вовсе не соблазняло честолюбіе. Жизнь въ деревнѣ имѣла для меня болѣе прелести. Комаръ и Парадовскій были выбраны — первый служилъ въ Національной Кавалеріи, второй — въ Легкоконномъ полку. Имъ сейчасъ же отвели помѣщеніе во дворцѣ. Я бывалъ у нихъ очень часто и съ ними осматривалъ комнаты дворца. Но чаще всего мы оставались на половникъ графа Зубова. Рядомъ съ его спальней была большая комната. Въ ней собирались всѣ желавшіе представиться графу, или имѣвшіе къ нему дѣло. Я могъ замѣтить всеобщую роскошь и богатство во дворцѣ, даже простые офицеры, служившіе при дворѣ, отличались богатствомъ и роскошью. Я нѣсколько разъ приходилъ къ моимъ товарищамъ рано утромъ. Имъ подавали большой чайникъ кофе, такой-же чаю, молочникъ изъ хрусталя для сливокъ — всѣмъ этимъ легко могли бы насытиться нѣсколько человѣкъ. Каждый день имъ подавали двѣ бутылки какого-то вина, цвѣтомъ бѣло-розоваго, вкусомъ похожаго на легкій медъ.

Любовидзскій, зная что въ Россіи знатные люди любятъ держать карликовъ, привезъ съ собою двоихъ: одинъ имѣлъ лѣтъ 15 и очень искусно игралъ на торбанѣ и плясалъ, а другому было всего лѣтъ 11, и онъ даже былъ довольно неук-

люжъ. Но графу Зубову, которому ихъ Любовидзскій подарилъ, одѣтыхъ въ золотое шитое платье, они до того понравились, что заболѣвъ графъ держалъ ихъ въ свой спальнѣ и кормилъ съ своего стола. Теперь, черезъ столько лѣтъ трудно и даже невозможно передать описанія всѣхъ зрѣлищъ, которыхъ мы были свидѣтелями въ теченіе девяти дней, занятыхъ, по программѣ, празднествами. Лучшая улица Петербурга—Невскій проспектъ, Адмиралтейство, дворецъ Сенатскій были великолѣпно иллюминированы. Транспарантъ громадной величины, поставленный противъ Адмиралтейства изображалъ всѣ народы, подвластные императрицѣ Екатеринѣ, въ ихъ національныхъ костюмахъ. Между ними былъ изображенъ и полякъ въ кунтушѣ. Сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ, въ которомъ за одинъ разъ зажжено десять тысячъ ракетъ. Видъ былъ по истинѣ изумительный и великолѣпный. Мнѣ случалось бывать на придворныхъ балахъ, всегда начинавшихся минюэтомъ. Молодая Великая княгиня и пять сестеръ ея мужа всѣ въ орденахъ, даже и самая младшая — шестилѣтняя составляли минюэтъ. Кавалерами были Великіе князья и молодые люди изъ первыхъ домовъ русской аристократіи. Во время этихъ празднествъ представлялись государынѣ: Потоцкая, урожденная Любомпрская, впоследствии вышедшая за Валерьяна Зубова, и въ третій разъ за Уварова, и другая Потоцкая, урожденная Комаровская. Эта послѣдняя была, согласно модѣ господствовавшей при дворѣ, набѣлена и нарумянена. Но первая извѣстная красавица, явилась безъ бѣлилъ и румянъ. Впоследствии красота ея была признана, но на первомъ представленіи она имѣла довольно неавантажный видъ. Ея портреты писалъ Лампи, первый тогдашній портретистъ въ Петербургѣ.

Приключались и смѣшныя ошибки. Такъ нашъ генераль,

одѣвшись въ мундиръ, короткіе панталоны и башмаки, отправился во дворецъ. Но тутъ его остановили и замѣтили, что въ такомъ нарядѣ (въ башмакахъ и чулкахъ) дозволено являться однимъ флотскимъ офицерамъ. Онъ долженъ былъ потихоньку уѣхать домой и переодѣться. Грохольскій сшилъ себѣ шелковое платье, богато разшитое золотомъ и надѣвъ его тоже поѣхалъ во дворецъ. Едва онъ вошелъ, какъ къ нему явились знакомые и предостерегли, что онъ не имѣетъ права носить такого наряда. Это предоставлено только сенаторамъ и высшимъ чинамъ. Грохольскій долженъ былъ уѣхать и переодѣться. Во дворецъ всѣ являлись въ мундирѣ вѣдомства или полка, къ которому принадлежали. Изъ замѣчательныхъ лицъ, которыхъ я видѣлъ во дворцѣ, меня поразили графъ Кобенцель—австрійскій посолъ. Онъ былъ весь въ платьѣ тѣлеснаго цвѣта: его волосы, брови, рѣсницы, даже глаза и цвѣтъ лица бѣлесоватый соотвѣтствовали платью. И ѣздилъ онъ шестеркою бѣлесоватыхъ лошадей, въ свѣтлой же каретѣ. Кобенцель считался умнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ собесѣдникомъ. Императрица всегда приглашала его на свои частныя собранія въ эрмитажѣ. Князь Четвертинскій подалъ императрицѣ просьбу, заявляя претензію на княжество кievское, основывая ее на томъ, что весь его родъ, кромѣ, фамиліи Четвертинскихъ, всегда носилъ еще прозвище—Святополкъ. По его словамъ ему, князю кievскому, для полученія наслѣдства недоставало очень немногаго: нѣсколькихъ сотъ тысячъ войска, нѣсколькихъ сотъ пушекъ и нѣсколькихъ десятковъ миліоновъ. За недостаткомъ этихъ милостей, князь кievскій удовольствовался чиномъ статскаго совѣтника и званіемъ фрейлны для своей дочери. Знаменитая красавица, она впоследствии вышла замужъ за Нарышкина. Сынъ Четвертинскаго былъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, осмотрѣвъ любопытнѣйшія вещи и побывавъ въ лѣтнихъ императорскихъ дворцахъ, находящихся въ окрестностяхъ столицы, мы задумали посѣтить Кронштадтъ. Положено было ѣхать изъ Ораніенбаума, куда мы прибыли, и осмотрѣвъ все достопримѣчательное, мы сѣли на прекрасный к у т е р ь, присланный нарочно за нами вице-адмираломъ Пушинымъ. Разстояніе между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ семь верстъ; это самый значительный изъ русскихъ портовъ на Балтійскомъ морѣ, или вѣрнѣе на Финскомъ заливѣ. Въ этотъ же заливъ впадаетъ и Нева. Мнѣ эта прогулка не доставила большаго удовольствія; темный вечеръ, поздняя осень и сильный холодный вѣтеръ, поднимавшій большія волны, не особенно дѣлалъ пріятнымъ переѣздъ. Многимъ даже дѣлалось дурно. Я курилъ трубку и вѣроятно благодаря ей не чувствовалъ тошноты. На утро, по приѣздѣ въ Кронштадтъ, вице-адмиралъ пригласилъ насъ на обѣдъ, и сыну своему, командиру корабля, приказалъ показать намъ флотъ. Я ужъ не помню сколько мы осмотрѣли кораблей, но въ особенности удивилъ меня 112 пушечный корабль. Мы взобрались на палубу по веревочной лѣстницѣ, и капитанъ Пушинъ показывалъ намъ всѣ достопримѣчательныя вещи. Затѣмъ мы осмотрѣли заведеніе, гдѣ исправляютъ суда. Это—каналъ длиною въ нѣсколько десятковъ сажень, пропорціонально широкій и глубокий. При помощи шлюзовъ его наполняютъ водою, вводятъ судно и потомъ затворяютъ шлюзы и выкачиваютъ воду. Судно остается обмелѣвшимъ на подпоркахъ, и его тогда починяютъ. Обѣдъ у вице-адмирала былъ настоящій русскій и отличался развѣ только морскими лакомствами и тѣмъ, что послѣ всякаго кушанья подавались особые сорта винъ. Когда мы послѣ обѣда собирались обратно, гостепріимный хозяинъ

приказалъ, въ подарокъ генералу, принести нѣсколько десятковъ бутылокъ разныхъ наливокъ. На томъ же кутерѣ, на которомъ пріѣхали, мы и отправились обратно въ Ораніенбаумъ. По дорогѣ видѣли небольшую лодку, почти скрывавшуюся между громадными волнами. Въ этой лодкѣ князь Александръ Любомирскій, прямо изъ Петербурга, пустился въ Кронштадтъ. Меня даже ужасъ объялъ, когда я увидѣлъ лодку Любомирскаго среди моря взволнованнаго бурнымъ вѣтромъ. Но Любомирскій, много путешествовавшій, вѣроятно считалъ эту поѣздку шуткою. Съ своей стороны я согласенъ съ Китономъ Утическимъ, говорившемъ: что онъ никогда не проститъ себѣ зачѣмъ поѣхалъ моремъ туда, куда можно доѣхать по суши. Къ моему оправданію послужитъ развѣ только то, что въ Кронштадтъ по суши попасть было невозможно. Прямо водою въ Кронштадтъ три мили (21 вер.), а на Ораніенбаумъ семь миль (49 верстъ).

Намъ доставило большое удовольствіе осматриваніе дачъ русскихъ вельможъ по дорогѣ въ Петербургъ, также осмотръ царскаго звѣринца, фонтановъ въ Петергофѣ и разныхъ вещей, оставшихся послѣ Петра I. Между прочимъ — его кровать совершенно въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ ее оставилъ. Намъ показывали башмаки имъ самимъ починенные. Ораніенбаумъ, великолѣпная мѣстность, прежде принадлежалъ знаменитому Меншикову. Въ немъ Петръ III провелъ послѣдніе дни своей жизни.

Въ февралѣ 1794 г. мы выѣхали изъ Петербурга съ запасомъ наливокъ Пущина. Мы ѣхали на Тулу и Москву. Экипажи посланы были отдѣльно, по причинѣ громадныхъ свѣговъ, а мы сами ѣхали въ большихъ крытыхъ московскихъ саниахъ. Печальная и тяжелая была эта дорога. По обѣимъ сторонамъ лежали снѣжные сугробы, вышиною равнявшіеся

верху нашихъ саней; извозчики пѣли свои монотонныя, грустныя пѣсни, а мой генераль храпѣлъ около меня. Я дорогой спать не могу и не рѣшался спать, боясь какого нибудь несчастнаго случая. Передъ глазами у меня были только звѣзды на небѣ и снѣга, а въ ушахъ — пѣсни ямщиковъ и храпъ генерала. Согласитесь, что мнѣ не могло быть очень весело. Въ нашихъ саняхъ поломался откосъ, и мы въ одну ночь семь разъ опрокинулись.

Москва, куда мы прибыли, имѣла еще тогда видъ совершенно восточнаго города. Городъ очень великъ, но выстроенъ безъ симетріи и порядка; рядомъ съ хорошими домами строились избы и совѣмъ будки, какія-то лавченки и т. п. Церквей оказывалось безчисленное множество; по голосу народному сорокъ сороковъ, а въ дѣйствительности двѣсти съ чѣмъ-то, почти триста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на пространствахъ тысячи квадратныхъ сажень, стояло по три и даже болѣе церквей. Въ Москвѣ мы пробыли три дня. Любавидзскій являлся къ генераль-губернатору, а я посѣтилъ майора Милютину, владѣльца фабрики шелковыхъ платковъ. Сынъ его бывалъ въ нашемъ домѣ, служа въ астраханскомъ гренадерскомъ полку. Чтобы познакомиться съ публикою мы были въ московскомъ театрѣ и видѣли какую-то драму. Первый актеръ Мировскій игралъ такъ, что зрители плакали. Даже я плакалъ, хотя русскій языкъ зналъ не особенно бойко. Какъ мы слышали, Мировскій получаетъ жалованья 6.000 р. въ годъ. Мы спѣшили уѣхать домой. Зима въ 1794 году не обѣщала быть постоянной; послѣ сильнѣйшихъ морозовъ наступила оттепель и даже дожди въ концѣ февраля. До Кіева мы ѣхали почти что по голой землѣ. Здѣсь я получилъ извѣстіе о смерти моего отца.

Въ апрѣлѣ я возвратился домой. Только четыре мѣсяца

минуло со дня смерти отца. И видъ мой, котораго отецъ передъ смертью постоянно вспоминалъ, былъ причиною новыхъ слезъ матери. Пробывъ дома двѣ или три недѣли, я отправился въ Лабунъ къ новому главнокомандующему войсками Пвину Петровичу Салтыкову. Представившись ему, я просилъ уволить меня совершенно въ отставку. Салтыковъ объявилъ, что не имѣетъ права сдѣлать этого, но дозволилъ мнѣ жить дома, съ обстоятельствомъ только являться въ главную квартиру отъ времени до времени. Спустя нѣсколько недѣль я снова пріѣхалъ къ графу Салтыкову. Это случилось именно въ то время, когда Вышковскій съ бригадой польскихъ войскъ оставилъ русскую службу и шелъ на соединеніе съ Костюшкою. Булгаковъ съ четырехтысячнымъ гренадерскимъ полкомъ перерѣзалъ ему дорогу у Старога Константинова. Но Вышковскій успѣлъ пробиться и ушелъ. При мнѣ съ поля сраженія прилетѣлъ съ рапортомъ къ Салтыкову генералъ Мальчевскій, покрытый грязью и пылью. Когда Мальчевскій уѣхалъ, графъ Салтыковъ узнавъ, что я состоялъ долго при Костюшкѣ, наединѣ разспрашивалъ меня о характерѣ, способностяхъ и привычкахъ тогдашняго польскаго диктатора. Онъ говорилъ мнѣ, какъ неблагоразумно поступаютъ поляки, затѣвая борьбу при такомъ неравенствѣ силъ. Мнѣ Салтыковъ совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ и поступить на службу и даже предлагалъ свою протекцію. Но я отказался, ссылаясь на вдовство моей матери и необходимость помогать ей.

Г Л А В А IX.

Въ 1795 году совершилось новое устройство нашего края. Король отрекся отъ престола и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Въ Гродно собрались тогда всѣ жаждавшіе и алкавшіе орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава. Ордена эти за очень невысокую плату можно было купить у перваго королевскаго камердинера — Рикса, титуловавшагося пясочинскимъ старостою. Онъ торговалъ этими отличіями. И мы совершенно неожиданно вдругъ увидѣли орденскія звѣзды на многихъ лицахъ, которые... Но я не хочу здѣсь говорить о нихъ и называть ихъ по именамъ.

Генераль Рачинскій — мужъ моей сестры, въ 1794 году, подобно многимъ другимъ приверженцамъ конфедераціи, долженъ былъ отказаться отъ командованія. Костюшко, провозглашенный главнокомандующимъ, сейчасъ же занялся преобразованиемъ войска по своимъ планамъ. Въ уваженіе отношеній своихъ къ нашему дому, онъ поручилъ частнымъ образомъ предостеречь Рачинскаго и посовѣтовать ему, отказавшись поскорѣе добровольно отъ командованія, скрыться. Рачинскій бѣжалъ въ Галицію и въ Чернеевцахъ, главномъ городѣ Буковины, укрылся до окончанія революціи.

На австрійской границѣ, въ Мытницѣ, родственникъ мой

лено повидатися съ знакомими, но Марченковъ не оставлялъ его ни на одну минуту и не спускалъ съ глазъ. Изъ Житомира генераль проѣхался до Березова. Возвратясь изъ Сибири, Дзялынскій жилъ очень недолго. Онъ умеръ въ Житомирѣ, пораженный апоплексіей, въ ту самую минуту, когда собирался сѣсть въ карету и ѣхать къ губернатору¹⁾. Покойному было всего сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Былъ онъ очень пріятный и любезный человекъ. Братъ его, Ксаверій Дзялынскій, въ это же время (1794 г.) былъ арестованъ въ Пруссіи, но прусаки ограничились взысканіемъ съ него нѣсколькихъ сотъ талеровъ штрафа и уволили. Въ Галиціи съ поляками поступали не въ примѣръ строже: пѣмцы австрійскіе, что называется, какъ допатою валили арестованныхъ въ тюрьмы. Въ 1795 году послѣдовала новая организація губерній. Тутолминъ, или вѣрнѣе Беклешовъ устроили ее. Съ этихъ же поръ начало возрастать и значеніе Иллінскаго. Жена его, урожденная Комаровская, много повліяла въ дѣлѣ его возвышенія. На него, какъ градъ, посыпались ордена, чины и имѣнія; его пожаловали камергеромъ, сенаторомъ и оставили въ Петербургѣ. Въ этомъ же году сестра моя развелась съ своимъ мужемъ эс-генераломъ Рачинскимъ. До окончанія процесса, она по согласію епископа Цѣцишевскаго рѣшилась жить въ монастырѣ св. Бригиды въ Луцкѣ. Я отвезъ ее и помѣстилъ въ монастырѣ. Возвращаясь оттуда, въ Гульчѣ, мнѣ пришлось кормить лошадей. Въ это время, съ противоположной стороны, откуда я пріѣхалъ, приблизился экипажъ, въ которомъ сидѣлъ какой-то военный. Оказалось по справкѣ, что это ѣхалъ бригадиръ

¹⁾ Смерть Дзялынскаго описана нѣсколько иначе въ запискахъ Охотскаго, которому слѣдуетъ болѣе довѣрять, такъ какъ онъ былъ очевидецъ.

русской службы Шенбекъ, ѣхавшій на Волынъ принимать присягу императору Павлу... Это было первое извѣстіе о перемѣнѣ правленія и о смерти Екатерины. Въ Славутахъ, куда я пріѣхалъ, самъ воевода послѣдилъ видѣться со мною и узнать о дѣйствительности слуха о новомъ царствованіи. Всѣхъ оно чрезвычайно интересовало. Павелъ I-й сейчасъ же приступилъ къ реформамъ. Въ войска введена была строжайшая дисциплина; вездѣ почти были перемѣнены чиновники, въ особенности главнѣйшіе начальники. Въ Каме-нецѣ былъ присланъ графъ Гудовичъ, бывшій адъютантомъ императора Петра III-го. Установлена была новая форма какъ для военныхъ, такъ и для гражданскихъ чиновъ: и только въ формѣ дозволялось бывать въ губернскомъ городѣ и представляться властямъ. Для насъ форма была слѣдующая: волосы подчесанные вверхъ, отнюдь не опущенные на лобъ; кромѣ того напояженные и напудренные. Платокъ на шеѣ завязанный гладко, безъ всякихъ бантовъ и концевъ. Шляпа трехугольная. Ни въ какомъ случаѣ не круглая, которой никто не имѣлъ право носить. Тѣмъ, которые носили польское платье, тоже были даны правила, но они касались въ особенности только шапокъ. Я тоже долженъ былъ представляться въ новой формѣ новому начальству. Губернатора Гревса, бывшего у насъ два года, смѣнилъ Миклашевскій, человѣкъ пріятный, какъ по наружности, такъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Онъ былъ у насъ въ Иванковѣ, и наше общество такъ ему понравилось, что онъ всѣхъ гостей пригласилъ къ себѣ въ Житомиръ и далъ въ честь нашу балъ. Но онъ былъ у насъ не долго. На его мѣсто прислали генерала Рѣшетева, человѣка честнаго, но формалиста, придерживавшагося буквы закона. На него нельзя было подѣйствовать ни чѣмъ; генералъ былъ рѣшительно

недоступенъ ни какому вліянiю. На его мѣсто назначенъ былъ Курасъ, бывшій шефъ канцеляріи Суворова, а на мѣсто Кураса — Волконскій, братъ любимца Императора Александра. Глазенапъ смѣнилъ Волконскаго. Человѣкъ добрый и чрезвычайно деликатный во всѣхъ дѣлахъ съ помѣщиками, онъ однакоже имѣлъ непріятность съ В. Гижицкимъ ¹⁾. Но самымъ извѣстнымъ изъ волынскихъ губернаторовъ былъ Комбурлей. Пріѣздъ его обѣщалъ очень много хорошаго для Волыни. Самъ по себѣ онъ былъ богатъ, и по жевѣ Комбурлей взялъ тоже большое состояніе; онъ былъ такъ сказать выше клеветы. Жизнь велъ онъ барскую, манеры и воспитаніе у него были придворныя, и онъ легко сумѣлъ заслужить уваженіе помѣщиковъ. Въ это время кое-кто успѣлъ возбудить въ высшихъ сферахъ недовѣріе и даже подозрѣнія къ настроенію, господствовавшему въ нашихъ губерніяхъ. Комбурлей одинъ ручался за вѣранный ему край и атестовалъ его съ лучшей стороны. Я теперь припоминаю письмо Оадея Чацкаго, писанное изъ Петербурга къ моему брату, или Вилежинскому, хорошо уже не помню. Въ письмѣ говорилось, что кому то вздумалось донести о несоотвѣтственности мѣста въ Кременцѣ для гимназіи (лицея), будто бы подверженномъ эпидемическимъ болѣзнямъ и расположенномъ черезъ чуръ уже близко отъ границы. Въ опроверженіе доноса Чацкій представилъ статистическія данныя какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ учебныхъ заведеній, доказывавшія, что смертность въ кременецкой гимназіи сравнительно очень ничтожна. Что же касается близости границы, то тогдашній министръ просвѣщенія графъ Зава-

1) В. Гижицкій ударилъ его бокаломъ въ домѣ Иллинскаго при большомъ собраніи (смотри записки Охотскаго часть III).

довскій, очень уважавшій Чацкого и сочувствовавшій его планамъ, доказалъ, что близость границы на успѣхи въ наукахъ вліянія имѣть не можетъ. «Мы должны благословлять Комбурлея, писалъ Чацкій, — всѣ его донесенія исполнены желанія добра и полнѣйшаго довѣрія къ населенію губерній нашихъ, и они послужили къ установленію о насъ самаго лучшаго мнѣнія». Я ужъ не знаю, какъ это случилось, что подъ его управленіемъ въ послѣдствіи возникли многія злоупотребленія. Противъ этихъ злоупотребленій вооружились сенаторъ Иллинскій и братъ мой Мартинъ. Императоръ Александръ прислалъ на ревизію сенатора Сиверса съ неограниченными полномочіями для изслѣдованія и устройства края. Комбурлея смѣнилъ Сенъ-Пріестъ. Сиверсу въ видѣ помощника данъ былъ генералъ-маіоръ Станиславъ Потоцкій. Сиверсъ посылалъ свои донесенія прямо Государю, о мѣстѣ пребыванія котораго его заранѣе увѣдомляли. Императоръ самъ просматривалъ донесенія Сиверса и потомъ передавалъ ихъ фельдмаршалу Салтыкову для исполненія. Мнѣ приходилось читать распоряженія Императора Салтыкову и Сиверсу; они полны самыхъ лучшихъ намѣреній для нашего края. Самый выборъ Сиверса уже говоритъ, что Императоръ желалъ для насъ всего хорошаго. Сенаторъ этотъ отличался честностію и скромностію въ жизни; онъ даже не держалъ повара. Обѣдъ ему приготовляла баба-кухарка, на вѣрность которой онъ вполнѣ полагался. Сиверса по справедливости можно было назвать русскимъ Аристидомъ. Я его самъ лично не видалъ. Но у брата моего есть его портретъ на транспарантѣ, какъ говорятъ, очень похожій. Транспарантъ этотъ былъ приготовленъ къ празднику, данному жителями въ честь Сиверса. Ревизія Сиверса происходила въ 1814 — 1815 г. Но желаніе Государя Александра I узнать основательно по-

ложеиіе нашего края существовало гораздо раньше. Еще въ 1803 году сенаторы Иллинскій и Голохвостовъ были посланы для осмотра губерній Волинской и Подольской. Я былъ тогда на балѣ, который генераль Ферзенъ давалъ въ честь ихъ. Въ чьемъ домѣ былъ этотъ балъ теперь не помню, но зала была большая и хорошо освѣщена. На одномъ концѣ ея стояли два большія кресла, обитыя зеленою кожею, предназначенныя для сенаторовъ, и ряды, по обѣимъ сторонамъ, стулья для дамъ. Ферзенъ не былъ женатъ. Кто изъ дамъ занялъ мѣсто хозяйки не помню. Но хорошо помню, что балъ открылъ Иллинскій польскимъ съ тростію въ рукѣ, и по окончаніи танцевъ сѣлъ на свое кресло. Голохвостовъ на свое кресло не сѣлся, а ходилъ между гостями и разговаривалъ. Здѣсь были и обѣ сестры Иллинскаго, Забержевская и младшая, впоследствии вышедшая за В. Гижицкаго. Все это собралось, чтобы видѣть Иллинскаго въ такой высокой роли. Туалетъ Забержевской удивилъ меня, да я думаю и многих удивилъ не меньше меня. На ней было платье изъ чего то бѣлаго и очень прозрачнаго, на лѣвой рукѣ у плеча собранное и поддерживаемое дорогимъ фермоаромъ, на лѣвой сторонѣ приподнятое до колѣна и точно также поддерживаемое фермоаромъ. Такой костюмъ можно видѣть развѣ на древнихъ статуяхъ Греціи и Рима. Мода эта относилась ко временамъ французской революціи, когда охотно подражали древнимъ. Всѣмъ извѣстно до какой степени сенаторъ Иллинскій любилъ пышность и торжественность. Меня одинъ разъ очень удивилъ его туалетъ. Это случилось въ Янушпольѣ, гдѣ онъ былъ съ женой и откуда намѣревался ѣхать въ Петербургъ. На немъ былъ пунцовый малтійскій мундиръ съ камергерскимъ ключемъ и со всѣми орденами. На головѣ зеленый кожаный каскетъ

(родъ уланской шапки) съ галунами и страусовыми перьями.

Прибавлю здѣсь нѣсколько подробностей о болѣе любопытныхъ предметахъ, затронутыхъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Когда было утверждено увеличеніе арміи, помѣщики начали добровольно, на свой счетъ формировать эскадроны, вооружать и обмундировывать ихъ. Когда эскадронъ представлялся высшимъ властямъ, то его владѣлецъ получалъ титулъ ротмистра, и эскадронъ назывался по его фамилии. Самъ ротмистръ обыкновенно эскадрономъ не командовалъ, а сдавалъ его поручику. Въ награду за хлопоты и расходы по сформировкѣ эскадрона, ротмистръ, сидя дома, считался въ чинѣ генераль-маіора, но не былъ дѣйствительнымъ, а только титулярнымъ генераль-маіоромъ. Въ случаѣ же, если ротмистръ, поставившій эскадронъ, самъ оставался командиромъ, его производили въ маіоры, вице-бригадиры и бригадиры. Послѣдній чинъ равнялся дѣйствительному званію генераль-маіора. Каждому дозволялось записываться въ эскадронъ и носить титулъ «товарища» Народной Кавалеріи, сидя у себя дома, но при этомъ требовалось поставять за себя двухъ вооруженныхъ добродѣтельныхъ людей, хотя бы даже и изъ своихъ крестьянъ. Я самъ, хотя и былъ офицеромъ артиллеріи, числился товарищемъ въ эскадронѣ Любовидзкаго и поставилъ за себя двоихъ людей. Мои братья, оставаясь дома, тоже служили въ національной кавалеріи при посредствѣ такой замѣны. Послѣ раздѣла Польши и уничтоженія арміи намъ возвратили лошадей и людей, замѣнявшихъ насъ въ эскадронахъ. Обычай замѣщать себя крѣпостными людьми въ эскадронахъ вошелъ въ употребленіе вслѣдствіе того, что помѣщики записывали на службу даже малолѣтнихъ сыновей, которые, разумѣется, не могли

явиться на службу по востребованіи, а должны были по неволѣ замѣщаться. Король Станиславъ-Августъ первый началъ увеличивать регулярныя войска. Четырехлѣтній сеймъ постановилъ поднять численность арміи до ста тысячъ. Но это было исполнено только на бумагѣ. Въ 1792 году польское войско не превышало шестидесяти тысячъ.

Воевода Стемпковскій былъ въ полномъ значеніи *bon vivant*. Король Станиславъ-Августъ, котораго онъ былъ фаворитомъ, употреблялъ его для пріобрѣтенія сторонниковъ себѣ въ Кіевскомъ воеводствѣ и для иныхъ дѣлъ своихъ. Имѣя многихъ враговъ, король долженъ былъ приближать къ себѣ людей, вѣрно увѣдомлявшихъ его какое настроеніе господствовало между дворянствомъ. Значеніе и богатство Стемпковского выросли очень быстро. Кому нибудь вѣроятно случалось видѣть гравюру коронаціи Пресвятой Дѣвы Почаевской ¹⁾, совершенной на счетъ Потоцкаго, каніевскаго старосты. Нагрѣшивъ, онъ подъ конецъ жизни сдѣлался очень набожнымъ. Совершилась эта коронація въ началѣ царствованія короля Станислава Понятовскаго. На гравюрѣ изображенъ на челѣ своего эскадрона Стемпковскій, тогда еще только ротмистръ. Послѣ уже на него посыпались милости короля, званія, чины, кресло въ сенатѣ, ордена, староства, цѣлыя полки и т. п. Натѣшившись всѣмъ этимъ, онъ передавалъ ихъ другимъ, согласно тогдашнему обычаю, за хорошее вознагражденіе. Во время бунта въ Украинѣ онъ имѣлъ даже право жизни и смерти. Онъ былъ очень способ-

¹⁾ Въ католической религіи дозволяется, съ разрѣшенія папы, возлагать корону на образъ, который ознаменовался чудомъ, или вообще вошелъ въ большое почитаніе въ народѣ. Это называется коронаціею. Коронуются исключительно только образа Спасителя и Пресвятой Дѣвы.

ный, но не очень хорошо воспитанный человекъ. Что касается его родовитости, я всегда этому приписывалъ мало значенія, увѣренный, что въ этомъ отношеніи немногія фамиліи въ Польшѣ могутъ похвалиться своей дѣйствительной родовитостію. Съ моимъ отцомъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ. Что касается подозрѣнія о принадлежности его къ конфедератамъ, то это врядъ ли справедливо: Стемпковскій до самой своей смерти въ 1793 году былъ при особѣ короля. Когда онъ умеръ, отецъ мой горько оплакивалъ его. Отецъ не принялъ предложенныхъ ему конфедераціей значительныхъ выгодъ и отъ участія въ ней отказался. Это самое уже есть ручательствомъ, что Стемпковскій тоже не принадлежалъ къ числу конфедератовъ. Слушая во всемъ его совѣтовъ, отецъ мой вѣроятно и въ этомъ дѣлѣ склонился бы поступить иначе, еслибы воевода думалъ согласно съ людьми, затѣявшими конфедерацію. Жилъ Стемпковскій по барски и король постоянно платилъ за него долги. Я лично былъ знакомъ съ нѣкіемъ Вечѣмскимъ, отдавшимъ 200.000 злотыхъ Стемпковскому на проценты, и когда послѣ смерти воеводы кредиторы бросились получать свое, онъ сказалъ: правда! я очень много теряю, но честное слово, я на свои 200.000 навѣрное сполна выпилъ вина въ Лабунѣ у воеводы. Стемпковскій имѣлъ чинъ генералъ-лейтенанта и командира украинскихъ войскъ, и у него всегда можно было встрѣтить много военныхъ. Великолѣпный дворецъ его въ Лабунѣ послѣ его смерти обрушился. Правда, онъ умеръ еще за нѣсколько лѣтъ раньше короля, но и въ то время очевидно доходы короля были значительно меньше, и рука, помогавшая некогда воеводѣ, не могла уже быть очень щедрою.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МЕМОАРОВЪ ХРЖОНЦОВСКАГО.

ГЛАВА I.

Станиславъ Сченснй Потоцкій былъ сынъ Франца Салезія Потоцкаго, воеводы Кіевскаго и Анны, урожденной Потоцкой, дочери познанскаго воеводы. Онъ родился въ 1753 году и приходился правнукомъ Феликса (Сченснаго) Потоцкаго великаго короннаго гетмана. Фамилія Потоцкихъ дѣлилась на двѣ линіи; одна называлась гетманской, другая — примасовской. Послѣдняя происходила отъ Павла Потоцкаго, каштеляна Каменецкаго, бывшаго тринадцать лѣтъ въ Россіи въ плѣну и женившася на дочери царя Ивана, отъ которой сынъ Феодоръ и былъ примасомъ (Первенствующимъ епископомъ старѣйшаго города Гнѣздо).

Сченснй Потоцкій имѣлъ четырехъ сестеръ, но какъ единственнаго сына, мать его нѣжила и баловала. Это впрочемъ не помѣшало развиваться его физическимъ силамъ и тѣлосложенію его сдѣлаться крѣпкимъ. Воспитателемъ его былъ ксендзъ изъ братьевъ піаровъ—Вольфъ, человекъ ученый и какъ духовный очень примѣрный. Наставникъ утвердилъ въ его сердцѣ твердую вѣру и религіозныя истины, любовь къ строгой справедливости и внушилъ почти отцовскія отноше-

нія къ его крѣпостнымъ—подданнымъ. Но что касается политическихъ идей, внушенія Вольфа не были такъ безупречны; строгій послѣдователь господствовавшихъ тогда въ народѣ убѣжденій, онъ поселилъ въ умъ своего ученика несчастное убѣжденіе, что избирательность короля—краеугольный камень польской свободы и что всеобщее избирательное право, руководимое магнатами, лучшая гарантія вольностей народа. Сченснй Потоцкій до юношескихъ лѣтъ не уѣзжалъ никуда изъ родительскаго дома. Онъ былъ наслѣдникомъ Умани, Тульчина, Браилова, Могилева, Крестынополя, Тарковцовъ, Дукли, Хоростова, Струсова и Велькихъ Очей; староствъ: Рубежевскаго, Сокальскаго, Опалинскаго, Гайсинскаго и Звинигорскаго. Домъ его отца былъ почти царскій и великолѣпный, который постоянно посѣщали магнаты. Надворная служба Потоцкихъ, за исключеніемъ комнатныхъ дворянъ изъ несовершеннолѣтней молодежи, шатныхъ, ловчихъ, подчашихъ, конюшихъ и т. п., состояла изъ тридцати человѣкъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ и владѣвшихъ имѣніями. Между ними Злотницкій, впослѣдствіи генераль-маіоръ русской арміи, человѣкъ достаточный, былъ далеко не изъ первыхъ. Маршаломъ двора у Потоцкаго былъ сперва князь Четвертинскій, а потомъ Сбраковскій староста Завидецкій. Надворная милиція состояла изъ пѣхоты, драгуновъ, улановъ и козаковъ. Офицеры имѣли патенты отъ короля и въ силу поставленія сейма, носили шитье регулярныхъ войскъ. Въ 1770 году во время чумы, которая распространилась до границъ Червонной Руси, тогдашняя резиденція Потоцкихъ, Крестынополь, Тартаковъ и староство Сокальское, были оцѣплены линіей войска, подъ командою Карла Сбраковскаго (шурина Хржонстовскаго). Онъ былъ комендантъ лейбъ-гвардіи драгуновъ и офицеръ саксонскихъ

войскъ, взятыхъ въ прусскую службу во время семилѣтней войны. За границею пространства, оберегаемаго войсками отъ чумы, лежали владѣнія каштеляна Комаровскаго. Онъ и его красавица и прекрасно воспитанная дочь, до учрежденія карантинной стражи, были частыми и любимыми гостями Цотоцкихъ. Молодой Станиславъ Сченский влюбился страстно въ Комаровскую. Когда карантинъ прекратилъ визиты каштеляна, онъ началъ скучать и изыскивалъ средства, какъ бы увидѣться съ возлюбленною. Мать не отпускала его никуда и вела все еще какъ ребенка. Онъ началъ просить ее отпустить его на объѣзды военныхъ пикетовъ, стоявшихъ на границѣ, говоря что его здоровье требуетъ такого движенія и такого образа жизни. Съ великою неохотою мать однакоже согласилась отпустить его объѣзжать пограничныя пикеты, подъ надзоромъ Карла Сбраковскаго, бывшаго тогда уже маршаломъ двора въ Кристинополѣ. Сбраковскому вручена была, на время объѣздовъ, власть воспитателя. Но вмѣсто объѣздовъ, молодой Потоцкій просиживалъ у Комаровскихъ. Сбраковский молчалъ, рассчитывая заслужить этимъ милость молодаго господина и на этомъ строя свои собственные планы. Каштелянъ Комаровскій радъ былъ имѣть зятемъ первокласнаго магната и согласился обвѣнчать свою дочь съ нимъ тайно. Но тайна не могла долго сохраняться. Шпіоны придворные открыли и увѣдомили обо всемъ стараго воеводу Салезія Потоцкаго. Мнишекъ, каштелянша краковская ¹⁾, посовѣтовала ему, не признавать бракъ, похитить дочь Комаровскихъ, отвезти ее въ Львовъ, запереть въ монастырь и начать дѣло о разводѣ. Она рассчитывала выдать за Сченскаго свою дочь Иозефину. Самого же Сченска-

¹⁾ Каштелянъ краковскій былъ первымъ сенаторомъ королевства.

го, по ея же совѣту, хотѣли выслать тѣмъ временемъ за границу, вмѣстѣ съ Брюлемъ, братомъ madame Мнишекъ. Сченсый и самъ уже догадывался, что его тайный бракъ отцу извѣстенъ и что отецъ не хочетъ признать его. Печаль и страхъ мучили его. Придя однажды въ комнату своихъ сестеръ, онъ вдругъ упалъ въ обморокъ. Дали знать отцу. Воевода велѣлъ всѣмъ выйти изъ комнаты. Но вышли не всѣ. Младановичева ¹⁾ спряталась въ комнатѣ и подслушала разговоръ. Старикъ воевода ласково сказалъ сыну:

— Я знаю о твоёмъ не хорошемъ поступкѣ. Но мать о немъ не знаетъ, и извѣстіе о твоей женитьбѣ убило бы ее. Согласись же на разводъ, а я обѣщаю, что твою жену такъ награждать, что ей не останется болѣе о чемъ сожалѣть.

Сченсый согласился на предложеніе отца. Тогда воевода призвалъ Карла Сѣраковскаго и приказалъ ему съ отрядомъ драгунъ, ночью напасть на домъ Комаровскихъ, схватить ихъ дочь и доставить въ Кристинополе, въ закрытомъ экипажѣ. Объятый ужасомъ и возмущенный, Сѣраковскій упалъ на колѣни предъ воеводою и умолялъ его не дѣлать открытаго насилія фамиліи дворянина и сенатора, у котораго онъ самъ столько разъ былъ гостемъ. Во всякомъ иномъ случаѣ Сѣраковскій клялся въ готовности пролить свою кровь за Потоцкихъ, но тутъ отказывался дѣйствовать. Воевода, противъ ожиданія, не разсердился на неповиновеніе, и только просилъ Сѣраковскаго сохранить въ тайнѣ ихъ разговоръ. При этомъ онъ подарилъ ему, въ знакъ своей милости, табакерку, усыпанную брильянтами и наполненную червонцами.

Затѣмъ были призваны начальники надворныхъ козаковъ,

¹⁾ Младановичъ былъ управляющій въ Умани и зарѣзанъ гайдаками вмѣстѣ со всѣми дворянами, во время такъ называемой Уманской рѣзни. Дочь его воспитывалась въ домѣ Потоцкихъ.

Вильчекъ и Домбровскій, и имъ поручено было похитить дочь Комаровскихъ. Эти не затруднились и ночью напали на спящихъ въ домѣ каштеляна Комаровскаго, схватили несчастную молодую жену Сченснаго Потоцкаго, уже бывшую беременною, съ постели, раздѣтую, въ одной зеленой юпочкѣ изъ китайки, бросили въ сани и увезли, прикрывъ несчастную сверху перинами. На несчастіе они, возвращаясь, въ лѣсу, встрѣтили транспортъ до трехсотъ крестьянскихъ возовъ, съ которыми нельзя было размянуться на узкой зимней дорогѣ. Пришлось ждать пока возы все прошли. Опасаясь крпковъ похищенной, слуги Потоцкаго что разъ то болѣе и болѣе наваливали на нее подушекъ и перинъ. Когда транспортъ проѣхалъ и перины были сняты, подъ ними оказался трупъ. Несчастная умерла задушенная, а можетъ быть и просто ужасъ убилъ ее. Вильчекъ и Домбровскій тогда положили, что имъ не остается ничего болѣе, какъ скрыть слѣды своего ужаснаго дѣла. Они прорубили ледъ въ близъ лежащемъ пруду и бросили туда тѣло первой жены Сченснаго Потоцкаго, урожденной каштелянши Комаровской. Вильчекъ, принявъ имя Загорскаго, а Домбровскій подъ собственнымъ именемъ скрылись послѣ этого въ украинскія имѣнія воеводы, гдѣ въ должностяхъ экономовъ дожили до самой своей смерти очень покойно. Сынъ Вильчека ходилъ въ школу вмѣстѣ со мною (Хржонстовскимъ) въ Умани и потомъ былъ попомъ въ деревнѣ Мниховкѣ, уманскаго ключа. Весной Косовскій, экономъ имѣнія, въ прудъ котораго бросили тѣло, тоже бывшій на службѣ Потоцкихъ, между кусками льда увидѣлъ трупъ женщины и по зеленой юпочкѣ узналъ жену своего молодого господина, дочь Комаровскихъ, пропавшую безъ извѣстія, послѣ ночнаго нападенія на ихъ домъ. Призвавъ гуменнаго (смотрителя за молотьбой), Косовскій,

тайно, остерегаясь даже крѣпостныхъ людей, бывшихъ на барщинѣ, выкопалъ могилу и похоронилъ остатки несчастной. За это Потоцкіе покровительствовали ему и его дѣтямъ. Сынъ Косовскаго потомъ были довѣренными на службѣ Потоцкихъ, одинъ состоялъ кассиромъ у Болеслава Потоцкаго, а другой главноуправляющимъ имѣніями Софьи Потоцкой.

Узнавъ объ убійствѣ своей жены, Сченсный Потоцкій впалъ въ отчаяніе и задумалъ убить себя. Перочиннымъ ножомъ онъ уже подрѣзалъ себѣ горло, когда вбѣжавшій въ комнату камердинеръ Бистецкій, успѣлъ у него силой отнять ножикъ и его, облидаго уже кровью, удержать отъ самоубійства. Его поспѣшили выслать за границу. Въ отсутствіе сына умерла сперва мать, а потомъ и отецъ, Салезій Потоцкій, воевода кievскій. Сченсному досталось огромное имѣніе и значительные долги, сдѣланные отцемъ. Въ одной Галиціи, отошедшей по первому раздѣлу къ владѣніямъ Австріи, у Потоцкаго было сто деревень. Онъ ихъ передалъ во владѣніе Понинскому, съ однимъ условіемъ, уплатить лежащія на нихъ долги и уступить ему право на Звенигородское староство. Австрійское правленіе не нравилось Сченсному и онъ оставилъ Кристинополь, перенесши свою резиденцію въ Тульчинъ. Послѣ смерти родителей, Потоцкій женился на Іозефинѣ Мнишекъ, каштеляншѣ краковской.

Мать Сченснаго Потоцкаго отличалась набожностію и примѣрной строгостію нравовъ. Своихъ придворныхъ дѣвицъ (дворянокъ) за самомалѣйшее свободное обхожденіе съ мужчинами сѣкла розгами. Очень часто она ночью вставала съ постели и шла подслушивать въ помѣщеніе своихъ резидентокъ, съ цѣлью разузнать не забрался ли къ нимъ кто-нибудь изъ молодежи. По поводу этихъ подслушиваній съ нею приключился однажды забавный казусъ: шуринъ ея, Карлъ

Сѣраковскій, попался ей ночью въ темномъ коридорѣ, выходя изъ комнаты одной фрауэнцимеръ.

— Кто здѣсь идетъ?! гнѣвно крикнула Потоцкая, видя фигуру въ темнотѣ. Испуганный Сѣраковскій, для спасенія, вздумалъ прикинуться духомъ изъ чистилища ¹⁾—застоналъ, завылъ и заохалъ. Сувѣрная Потоцкая убѣждала, увѣренная, что ей встрѣтилось привидѣніе. Согласно господствовавшей тогда модѣ во всѣхъ большихъ домахъ, Потоцкая держала карликовъ—брата и сестру. Въ большой залѣ стоялъ ихъ, изъ бумажки сдѣланный, домъ въ нѣсколько комнатъ. Карликъ носилъ титулъ генераль-полиціе-мейстера и занимался шпионствомъ по всему дворцу, донося о всемъ слышанномъ и видѣнномъ Потоцкой. Подражая этикету версальскаго двора, котораго послѣдней представительницей была герцогиня де-Креки, бывавшая при дворѣ Наполеона, Потоцкая точно также соблюдала всѣ формальности при выѣздѣ изъ дому и строго взыскивала за ихъ нарушеніе. Такъ у нея постановлено было, чтобы помогая ей садиться въ карету, дежурный дворянинъ не смѣлъ прикасаться къ ея плечу, а ограничивался только подставляя для опоры сжатый крѣпко кулакъ. Одинъ изъ вновь принятыхъ, не зная этого правила, осмѣлился коснуться своею плебейскою рукою ея платья, подсаживая ее. Потоцкая обернулась и собственно-ручно дала ему пощечину.

Сдѣлавшись самостоятельнымъ, Стенный Потоцкій, тогда еще только хорунжій коронный, приблизилъ къ себѣ нѣкоего Мошченскаго, маіора фузилеровъ. Мошченскій былъ посланъ въ Украину для распоряженій и устройства всего

¹⁾ По понятіямъ католической религіи, кромѣ ада и рая, есть еще нѣчто среднее—чистилище, въ которомъ души мучатся временно и потомъ переходятъ въ рай.

необходимаго, при переселеніи магната въ его тульчинскія имѣнія. Но распоряженія этого маіора фузилеровъ обошлись Потоцкому впослѣдствіи не дешево. Онъ началъ съ того, что выгналъ всѣхъ почти арендаторовъ, не обращая вниманія на контракты; экононы и управляющіе тоже по большей части были изгнаны. Между всѣмъ этимъ обиженнымъ народомъ нашелся таки одинъ, который не поддался безъ спору. Старый шляхтичъ Гиновскій затѣялъ процессъ. Процессъ свой, который самъ по себѣ онъ навѣрное бы проигралъ, хитрый шляхтичъ передалъ генералу Чернышеву, стоявшему въ то время съ войскомъ въ Украинѣ. Поддерживаемый русскимъ посломъ въ Варшавѣ, Чернышевъ энергически повелъ дѣло. Оно прошло земскіе суды, трибуналъ и поступило на рѣшеніе сейма. Мошченскій правда выигралъ его, но выигрышъ этотъ обошелся Потоцкому въ два милліона злотыхъ, не считая ежегодной пенсіи въ 12.000 злотыхъ, подаренной магнатомъ за труды этому же самому Мошченскому, съ прибавкою всѣхъ четырехъ, выигранныхъ по процессу деревень, которыя тоже были ему отданы по закладному праву пожизненно. Жизнь въ Тульчинѣ для Потоцкаго обозначилась не особенно пріятнымъ случаемъ. Еще проживая въ Галиціи, онъ былъ на карнавалѣ у своего родственника Велегурскаго. Коронный кухмистръ Велегурскій былъ посломъ въ Парижѣ; тамъ, по его просьбѣ, Руссо написалъ проектъ конституціи, который по мнѣнію этого философа былъ самымъ подходящимъ для Польши. У Руссо онъ познакомился съ абатомъ Мабли, братомъ извѣстнаго Кондильяка и еще съ однимъ графомъ. Сынъ этого графа и абатъ Мабли пріѣхали къ Велегурскому. Желая почтить своихъ парижскихъ гостей, Велегурскій задумалъ отпраздновать повеселѣе заговенья и пригласилъ Потоцкаго съ женой. Изъ-за границы Велегурскій привезъ съ собою

какую то французскую графиню съ дочерью. Впослѣдствіи на графинѣ онъ самъ женился, а сынъ его на ея дочери. Любитель музыки и самъ аргистъ, онъ былъ первый на Волынѣ, повезшій домъ по французскимъ образцамъ. У него въ домѣ не было видно кунтушей; былъ театръ любителей, французская кухня, маскарады и свободные нравы. Взрослые сыновья тоже служили приманкой, ради которой съѣзжались къ нему въ домъ цѣлыми роями красавицы Волыни. Среди этого шума и съумасшедшихъ увеселеній, завязался романъ между женой Сченснаго Потоцкаго и старшимъ сыномъ Велегурскаго (Былъ посломъ въ Петербургѣ). Потоцкіе уѣхали въ Тѹльчинъ, и здѣсь то Сченсному попались письма любовниковъ, изъ которыхъ онъ узналъ непріятныя для себя вещи. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ хотѣлъ отослать ее къ родителямъ. Уже укладывали ея вещи и огромное приданое серебро, когда хитрая женщина, обливаясь слезами, упала къ ногамъ мужа и до тѣхъ поръ валялась у его ногъ, пока онъ ее не простилъ. Со стороны мужа это было искреннее прощеніе и примиреніе. Но не совсѣмъ такъ искренна была хитрая Мнишекъ. Придворные рассказывали потихоньку, что широкоплечій блондинъ Клембовскій, явившійся вмѣстѣ со штатомъ молодой Потоцкой, былъ ея любовникомъ еще въ дѣвичество въ домѣ каштеляна Мнишекъ. Въ Тѹльчинѣ онъ носилъ титулъ маршала ея двора. Сама Іозефина Потоцкая была высокаго роста; взглядъ, улыбки и обращеніе у нея были самые пріятные. При этомъ солидность обращенія высшаго общества она умѣла соединить съ особенною любезностію.

Въ отношеніи мужа она соблюдала всегда уступчивость, принаравливаясь къ его характеру, и старательно избѣгала всякихъ поводовъ возбудить его подозрительность. Такими ка-

чествами она съумѣла прочно привязать его къ себѣ, до того самаго времени, какъ онъ влюбился въ жену Вита. Окружающіе ее очень любили. Никто не рисковалъ сказать про нее что либо передъ мужемъ. Даже вѣрный камердинеръ Сченснаго Бистецкій долженъ былъ молчать. Ея повѣренныя и приближенныя оставались ей вѣрны. А поэтому, если что и случалось, ничего изъ этого на явѣ и соблазнъ не выходило. Вообще жизнь Потоцкихъ до самаго 1788 года въ Тульчинѣ текла чрезвычайно спокойно. Онъ очень заботился о своихъ подданныхъ. Обѣзжая верхомъ свои деревни и хуторы, Потоцкій выслушивалъ жалобы и просьбы крестьянъ; понемногу устранялъ разорительныхъ арендаторовъ, которыхъ прежніе главноуправляющіе наплодили очень много. Не болѣе двадцати арендаторовъ остались у него во всѣхъ волостяхъ и то изъ числа людей, хорошія качества которыхъ были имъ лично провѣрены. Остальныя имѣнія управлялись администраціей, раздѣленныя на огромныя фольварки, изъ которыхъ почти каждый заключалъ приписанныхъ къ своему вѣдомству нѣсколько десятковъ деревень. Постановлено было, съ каждой избы (семьи), какъ бы велика она не была, требовать въ годъ только двѣнадцать дней барщины—одинъ день въ мѣсяцъ. Двѣнадцать дней во время сѣнокоса и столько же съ лошадыю, составляли всю барщину съ каждой семьи. Сельскія дѣвушки, желая поглядѣть на дивный дворецъ въ Тульчинѣ, сами покупали водку эсауламъ (нарядчикамъ на работы), чтобы ихъ посылали для работъ въ резиденцію.

Я съ удовольствіемъ припоминаю счастливый и довольный быть людей того времени въ этомъ краѣ. Не встрѣчались правда на всякомъ шагу барскихъ дворцовъ, какъ это можно встрѣтить нынѣ, но точно также не было и разоренныхъ селеній: *pas de chateaux, pas de chaumières*. Бѣлыя избы, каждая окру-

женная службами въ тѣни сада, пріятно ласкали взоръ, вовсе не напоминая теперешнихъ безобразныхъ еврейскихъ мѣстечекъ, выстроенныхъ въ одну улицу. За избами выглядѣли стога сѣна и скирды хлѣба; много было скота и лошадей и овецъ повсюду въ имѣніяхъ Потоцкаго, въ его селахъ богатыхъ и красивыхъ. Свобода, добрый бытъ, веселія лица встрѣчались на каждомъ шагѣ. А въ лѣтніе вечера улицы селъ наполнялись пѣснями дѣвокъ и свирелями паробковъ. Въ праздники до полудня всѣ были по церквамъ, и только съ полудня здоровый и веселый народъ заглядывалъ въ шинки. Нечего и говорить собственно о фодльваркахъ Потоцкаго. Это были счастливыя оазисы, затерянные въ глубинѣ прекрасныхъ степей или въ глуши великолѣпныхъ лѣсовъ. Они были переполнены хлѣбомъ, скотомъ, сѣномъ и т. п. Нынче нѣтъ и слѣдовъ этого. Возлѣ каменныхъ дворцовъ людей, купившихъ имѣнія Потоцкаго, можно видѣть самую ужасную нищету народа.

Стенный Потоцкій не заботился объ увеличеніи доходовъ. Онъ думалъ болѣе объ улучшеніи земли и добромъ бытѣ своихъ подданныхъ. Будущее, а не настоящее занимало первое мѣсто въ его расчетахъ и планахъ. Онъ старался сохранить лѣса, истребляемые тогда безбожно для поддержанія еврейскихъ винокурень. Сохраненіе, разведеніе и охраненіе отъ порубокъ лѣсовъ занимали его въ особенности. Онъ посадилъ и возрастил нѣсколько милліоновъ тополей въ Украинѣ, нынче почти вездѣ окончательно уже вырубленныхъ. Потоцкій первый развелъ англійскіе сады, поднялъ до высокой степени процвѣтанія любимыя имъ занятія садоводствомъ и огородничествомъ. Ему же принадлежитъ первенство въ дѣлѣ хозяйства, введеніе новыхъ сортовъ хлѣба, постройки порядочныхъ экономическихъ зданій, заведеніе садовъ и огоро-

довъ. Но особенно зорко глядѣлъ онъ, чтобы экономы и комиссары не обижали крѣпостной людъ.

Имъ улучшена порода рогатаго скота — помѣсь итальянской съ венгерской. Потоцкій купилъ тысячу испанскихъ овецъ, платя за каждую штуку по двѣнадцати червонцевъ. Лошади его стада были такъ хороши, что когда онъ подарилъ Кауницу шестерикъ лошадей, министръ этотъ далъ тысячу червонцевъ Ободинскому, привезшему ихъ въ Вѣну. Лещинскій завѣдывалъ у него центральною канцеляріею, въ которой сосредоточивалось все управленіе волостями. Старшаго своего сына Станислава онъ заставлялъ серьезно работать въ этой канцеляріи. Кассы приходо-расходныя, расходъ лѣсовъ и общіе отчеты онъ самъ усердно и аккуратно всегда провѣрялъ.

Изъ развлеченій онъ наиболѣе любилъ верховую ѣзду, садоводство и охоту. Онъ устроилъ огромныя звѣринцы, и главнымъ ловчимъ былъ у него Врублевскій. Кромѣ разнаго сорта собакъ, у него были англійскія гончія, — могшія преслѣдовать звѣря двѣ, три мили по слѣду. Потоцкій любилъ музыку, а капельмейстеръ его Ферари, считался въ Польшѣ въ то время первымъ композиторомъ. Онъ не прочь былъ и потанцевать, когда что нибудь мѣшало ѣхать верхомъ или какъ нибудь иначе воспользоваться моціономъ. Вкусъ его не былъ избалованъ. Онъ любилъ ѣсть гречневые пироги со смѣтаной, молоко, медъ и кукурузу. Тульчинскій дворецъ не былъ блестящимъ домомъ. Меланхолическое и грустное настроеніе хозяина, сообщало всему дому угрюмый и непривѣтливый видъ. Но меланхолія Потоцкаго не была выраженіемъ его презрѣнія къ людямъ; это было только привычка больше заниматься своими мыслями, чѣмъ окружающими людьми. Выражался онъ плохо и съ большимъ трудомъ. Иногда

по цѣлымъ часамъ видѣли его молча сидящимъ, съ глазами устремленными на одинъ какой нибудь предметъ. Имѣя много добрыхъ качествъ, онъ имѣлъ два важныхъ недостатка: былъ упрямъ и до крайности лѣнивъ относительно всякой умственной работы. Сильная воля, когда она вначалѣ преслѣдовала хорошія цѣли, сдѣлала его идоломъ края; потомъ она же довела его до весьма печальнаго конца. Потоцкій былъ такъ лѣнивъ, что самъ по цѣлому полугоду и больше не отвѣчалъ на самыя нужныя письма. А по недоброму при этомъ у него никогда не было офиціального секретаря.

Однажды лѣтомъ приближенный князя Томашевскій удивился, увидя въ передней какого-то несчастнаго шляхтича въ лисей куртѣ, потѣющаго въ знойный день, очевидно въ ожиданіи чего-то. Было это въ іюнѣ. Чего вы здѣсь ожидаете? спросилъ онъ. Шляхтичъ со слезами признался, что еще съ начала зимы пріѣхавъ съ письмомъ къ Потоцкому и съ приказаніемъ не выѣзжать безъ отвѣта, онъ ждетъ этого отвѣта уже восьмой мѣсяцъ. Лисья куртка, бывшая въ пору во время зимы, въ іюнѣ сдѣлалась настоящимъ наказаніемъ шляхтича, а другаго платья у него съ собою не было.

Устроивъ свои дѣла Сценснй Потоцкій поѣхалъ съ женою за границу въ Италію и Швейцарію. Возвращаясь оттуда онъ посѣтилъ двоюроднаго брата своей жены Михаила Мнишекъ, маршала великаго княжества Литовскаго; у него въ Вишневецѣ онъ засталъ тогдашняго наслѣдника престола В. К. Павла Петровича, тоже возвращавшагося изъ-за границы, и короля Станислава Августа. Понятовскій тутъ же предложилъ Потоцкому воеводство русское, вакантное послѣ смерти Августа Чарторижскаго. Велѣдъ за симъ, Сценснй купилъ отъ разорившагося мота Стемковскаго его реги-

нентарство (предводительство — шефовство), украинское, дававшее ему право на чинъ генераль-лейтенанта. Часть войска, носившая названіе «Украинской партіи», составляла очень значительный корпусъ въ польской арміи того времени. Это время можно считать началомъ политической жизни и дѣятельности Сченснаго Потоцкаго. Въ 1784 г. на сеймѣ въ Гроднѣ онъ подарилъ республикѣ пѣхотный полкъ, сохранившій названіе полка Потоцкихъ. Самъ князь былъ его шефомъ, Мощенскій полковникомъ, Ржевускій подполковникомъ, Лансормскій маіоромъ, первымъ капитаномъ Карлъ Сѣраковский, вторымъ Каменецкій, далѣе въ чинахъ капитановъ были графъ Красицкій, Пржебендовскій и Брониковскій. Кромѣ этого республика получила шесть мѣдныхъ пушекъ съ полнымъ комплектomъ людей и упряжи. Все это содержалось на счетъ Потоцкаго. Такимъ поступкомъ была пріобрѣтена популярность почти повсемѣстная въ краѣ и кромѣ приближенныхъ дома Потоцкихъ многіе изъ совершенно независимыхъ дворянъ носило въ то время мундиръ Потоцкихъ—гранатовый фракъ съ голубыми обшлагами.

Великолѣпный новый дворецъ въ Тульчинѣ былъ украшенъ надписью, чтобы домъ этотъ всегда служилъ жилищемъ добродѣтельныхъ и свободныхъ. Въ началѣ 1787 года въ Кіевъ прибыла Императрица Екатерина II съ своимъ министромъ Потемкинымъ, намѣреваясь на весну ѣхать Днѣпромъ въ Крымъ, осматривать вновь присоединенный къ имперіи край. Въ Кіевъ на свиданіе съ Императрицей пріѣхалъ король Станиславъ Августъ. Съ нимъ цѣлая толпа магнатовъ польскихъ окружили Императрицу. Потемкинъ посѣтилъ короля въ Каніовѣ и подружился съ нимъ. Всевластный русскій министръ купилъ тогда у Любомирскаго Смѣлянскія имѣнія и на сеймѣ выхлопоталъ себѣ право гражданства въ Польшѣ.

Причины такихъ его поступковъ остались скрытыми. Но онъ тогда уже обѣщалъ заключить вѣчный миръ съ Польшей, съ условіемъ, чтобы республика увеличила свою армію до ста тысячъ на будущемъ сеймѣ и обязалась помогать Россіи въ войнѣ съ турками. Всѣ магнаты, бывшіе въ сборѣ, порѣшили исполнить это на будущемъ сеймѣ, маршалство на которомъ постановлено было поручить Сченскому Потоцкому. Сеймъ долженъ былъ быть конфедераціонный, т. е. экстра-ординарный, могущій измѣнять даже краеугольные законы республики ¹⁾.

На этотъ же съѣздъ въ Кіевъ прибылъ и Игнатій Потоцкій, врагъ короля Станислава, вслѣдствіе процесса извѣстной англичанки, которую осудили на пожизненное заключеніе въ Данцигъ. Онъ пріѣхалъ собственно узнать что замыслилось и устроивалось на кіевскомъ съѣздѣ. Потемкинъ принялъ его не совсѣмъ хорошо. Изъ этого было для Игнатія Потоцкаго вполне достаточно, чтобы отправиться въ Берлинъ, открыть королю все условленное съ русскимъ дворомъ и предложить на будущемъ сеймѣ, если король прусскій согласится предложить республикѣ такой же, какъ Россія, союзъ, и перетянуть на его сторону большинство голосовъ. Игнатій Потоцкій рассчитывалъ на великопольскую шляхту, гдѣ было мало магнатскихъ домовъ и болѣе независимыхъ голосовъ и откуда можно было ожидать значительнаго количества депутатовъ. Въ Малой Польшѣ преобладали Чарторыжскіе. Въ соединеніи съ ихъ партіей, великопольскіе депутаты непременно должны были образовать на сеймѣ большинство, враждебное русскому союзу.

¹⁾ На обыкновенныхъ сеймахъ дѣла рѣшались единогласно, а на конфедераціонныхъ—по большинству голосовъ.

Между тѣмъ Сченский Потоцкій, думая, что все должно пойти какъ было условлено въ Кіевѣ, даже и не подозрѣвалъ великопольскихъ интригъ. Онъ отказался отъ званія воеводы русскаго, чтобы имѣть право быть посломъ на сеймѣ. Брацлавскій повѣтъ выбралъ его. У Брюля онъ купилъ генеральство артиллеріи и съ твердою увѣренностью получить жезлъ маршала на сеймѣ, Сченский прибылъ въ Варшаву. Но велико было и удивленіе его, когда палата депутатовъ избрала маршаломъ не его, а Станислава Малаховскаго...

ГЛАВА II.

Въ 1795 году Потоцкій возвратился изъ Гамбурга¹⁾. Обѣзжая окрестности Умани, онъ нашелъ, неподалеку отъ этого города, очень красивую мѣстность, перерѣзанную и обставленную гранитными скалами. Здѣсь онъ задумалъ устроить садъ, планъ котораго поручилъ сдѣлать инженеру Мецлю и назвалъ Софіювкой, по имени своей возлюбленной — бывшей жены Вита. Садъ этотъ обошелся весьма дорого, какъ говорятъ, нѣсколько милліоновъ. Въ этомъ саду, въ темной рощѣ поставленъ бюстъ поэта Трембецкаго съ надписью, стихами, сочиненными самимъ Стенскимъ Потоцкимъ. Главнымъ интересомъ его жизни, послѣ возвращенія изъ Гамбурга, было устройство своихъ крестьянъ. Онъ ввелъ уплаты чиншевыхъ денегъ (оброки) вмѣсто барщины. Каждый день пѣшей барщины былъ при этомъ оцѣненъ по 12 грошей, а конный по 15 грошей польскихъ. Всѣ свободныя поля и луга, не вошедшіе въ обрубъ фольварковыхъ земель, были роз-

¹⁾ Потоцкій, въ самомъ разгарѣ затѣяннаго имъ переворота, еще передъ революціей 1794 года, влюбился въ жену Вита и уѣхалъ съ нею въ Гамбургъ, бросивъ всѣ дѣла, гдѣ и пробылъ до 1795 года, когда уже Польша перестала существовать.

даны крестьянамъ бесплатно. При такомъ хозяйствѣ все его огромное состояніе приносило ему всего два милліона дохода. Доставшись его наслѣдникамъ это же состояніе приносило потомъ до двадцати милліоновъ. Жиды у него были повсемѣстно изгнаны изъ шинковъ. Сынъ его, тоже Сченс-ный Потоцкій, измѣнилъ потомъ всѣ эти порядки. При управ-леніи стараго Потоцкаго, всѣ подати и повинности государ-ственные, въ его волостяхъ, всегда въ назначенный срокъ были вносины крестьянами безъ хлопотъ и задержекъ. Это то же продолжалось только до его смерти. Если бы другіе помѣщи-ки Украины подражали ему и отмѣнили повсемѣстно бар-щину, благосостояніе народа возрастало бы, а съ нимъ воз-растали бы и доходы самихъ владѣльцевъ. Но большинство глядѣло на хозяйство иначе: выгодность продажи хлѣба въ Одессѣ всѣхъ увлекала; всякій старался расширить запашку и высѣвать сколько возможно больше. Но отсюда истекало двойное зло: крестьянъ приходилось обременять барщиной выше ихъ силъ; а хлѣбъ, доставляемый въ количествѣ да-леко превышающемъ спросъ торговли въ Одессѣ, упадаль въ цѣнѣ. Въ результатѣ получилось обѣднѣніе крестьянъ и упадокъ самихъ владѣльцевъ. Переводъ крестьянъ съ бар-щинной на чиншевую (оброчную) повинность, если не былъ дѣйствительно ихъ эманципаціей, во всякомъ случаѣ приносилъ имъ всѣ ея блага, охраняя ихъ отъ всѣхъ золъ, неизбежно обрушившихся на земледѣльцевъ при увольненіи ихъ безъ надѣловъ ¹⁾. Отъ первой жены своей, Іозефины По-тоцкой, урожденной Мнишекъ, Сченснй имѣлъ пять доче-рей, которыхъ всѣхъ и выдалъ замужъ. Старшая, красавица Викторія, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, вышла

¹⁾ Въ Австрійской Галиціи крестьяне уволены безъ надѣла земель.

за молодаго Шоазеля, развелась съ нимъ и вышла вторично за Бахметьева. Вторая, Роза, вышла замужъ за Антона Потоцкаго, развелась и вышла вторично за Браницкаго. Третья, Констанція, была за Яномъ Потоцкимъ, четвертая Октавія, за Свейковскимъ и пятая — Юлія, за Николаемъ Сапѣгою. Самъ Сченский Потоцкій, выдавъ дочерей замужъ, въ третій разъ женился на madame Витъ. Въ царствованіе императора Павла, вторая жена Потоцкаго, Іозефина, привезла въ Петербургъ своего старшаго сына Сченскаго, для того чтобы онъ вступилъ въ отправленіе даннаго ему званія камергера двора. Въ самое короткое время онъ успѣлъ задолжать въ Петербургѣ до двухъ милліоновъ рублей. Узнавъ объ этомъ, Павелъ велѣлъ его съ фельдгегеремъ отослать къ отцу подъ присмотръ и для прекращенія возможности такъ мотать свое состояніе. Но это былъ любимый сынъ стараго Потоцкаго. Онъ заплатилъ за него петербургскіе долги и кромѣ части, приходившейся на его долю, наравнѣ съ братьями, подарилъ ему еще Могилевъ на Днѣстрѣ и прикупилъ для него же Немпровскія волости, въ которыхъ считалось до десяти тысячъ душъ. Такая доброта отца не помѣшала однако же сыну влюбиться въ красавицу мачиху. Нѣсколько лѣтъ преступная связь эта оставалась для него тайною, но такъ какъ нельзя утаить въ мѣшкѣ шила, то и любовь эта открылась. Старикъ Сченский лежалъ уже въ это время цѣлый годъ больной; самъ лечилъ себя по книгѣ и пилъ воду съ разведенною въ ней смолой. Своему надворному лекарю Мейеру онъ не довѣрялъ, и когда собственное леченіе не помогало, обратился къ доктору Григолевскому. Его послѣднія минуты были очень печальны. Жену онъ не велѣлъ пускать къ себѣ, а сыну заявилъ гнѣвъ свой. Онъ даже подозревалъ, что его отравили. Но подозрѣніе это оказалось

несправедливымъ. Послѣ его смерти анатомировали его трупъ, и нашли поврежденіе почекъ. Доктора рѣшили, что болѣзнь произошла отъ чрезмѣрнаго употребленія возбуждающихъ конфетъ (конфеты діаболіни). Временно тѣло его положили, одѣтое въ богатый генеральскій мундиръ, въ часовнѣ на публичномъ кладбищѣ. Но воры забрались туда, ограбили его и нагаго поставили, прислонивъ къ стѣнѣ. Послѣ этого наслѣдники сложили 300.000 злотыхъ (45 тысячъ рублей), выстроили костелъ съ монастыремъ отцевъ доминикановъ и погребли его тамъ. Погребеніе было очень пышное, и отъ каждой деревни обширныхъ владѣній Потоцкихъ явились на это торжество делегаты. Но и въ костелѣ остатки Потоцкаго не успокоились. Ихъ снова перенесли въ часовню, выстроенную на кладбищѣ. Потоцкій умеръ въ мартѣ 1805 г. Всѣхъ дѣтей послѣ него осталось пять дочерей и четыре сына отъ второй жены Іозефины Мнишекъ и двѣ дочери и три сына отъ третьей жены Софьи, бывшей сперва за Витомъ.

ГЛАВА III.

Для избѣжанія упрековъ въ пристрастіи къ Потоцкимъ отъ читателей этихъ записокъ, считаю нужнымъ объяснить всѣ мои отношенія къ этой фамиліи. Отецъ мой, въ 1780 году, изъ Брестъ-Кувяскаго воеводства, съ капиталомъ въ нѣскольکو тысячъ злотыхъ, переселился въ уманскія волости и былъ тамъ арендаторомъ въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ.

Въ эти времена хлѣбопашество почти никакого не давало барыша, Черноморской торговли вовсе еще не было. Всѣ доходы арендаторовъ ограничивались отдачею жидамъ корчемъ. Корчмы обыкновенно отдавали на три года съ торговъ, назначаемыхъ въ Умани на день св. Яна. Къ этому дню собирались въ мѣстечко цѣлыя массы израильтянъ въ тяжелыхъ атласныхъ, подбитыхъ лисицами шубахъ. Арендаторы обязаны были впередъ за три года уплачивать экономин за корчмы; цѣны быстро росли, а между тѣмъ жида ежегодно приносили убытокъ, не уплачивая условленныя ими суммы арендаторамъ. Отецъ мой постоянно бралъ изъ своего капитала, доплачивая за аренду, пока наконецъ умеръ, не оставивъ намъ дѣтямъ ни одного гроша въ наслѣдство. Ловкіе арендаторы на Украинѣ получали барыши, отправляя въ Варшаву солонину и свинину. Но моему отцу и на этомъ

не повезло. Я былъ двадцати лѣтъ уже женатымъ на дѣвущкѣ, не принесшей мнѣ приданого, а поэтому долженъ былъ обратиться къ службѣ и получить мѣсто довольно значительное въ уманьской экономіи. По смерти стараго Сченс-наго, его сыновья сложились и отдали нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ для наградъ заслуженнымъ слугамъ ихъ дома. Но я изъ этихъ денегъ ничего не получилъ, не умѣя по придворному выпрашивать. Комиссія, распоряжавшаяся этими деньгами, забыла обо мнѣ, а я полагаясь на мои заслуги, самъ не напомнилъ о себѣ. Только въ 1828 году, въ уваженіе моей тридцатилѣтней службы, мнѣ было назначено небольшое вознагражденіе. Изъ всего этого можно легко заключить, что я не имѣю причины быть сторонникомъ Потоцкихъ, и напротивъ считаю себя недостаточно вознагражденнымъ за мою тридцатилѣтнюю службу ихъ отцу и имъ. Все что я здѣсь высказалъ—высказано безпристрастно.

Что касается моихъ политическихъ мнѣній, время очень сильно измѣнило ихъ. Послѣдніе два года существованія четырехлѣтняго сейма, я, живя въ то время въ Варшавѣ, не пропустилъ ни одного засѣданія. Наслушавшись разныхъ ораторовъ, въ то время я былъ жаркимъ сторонникомъ реформъ, жаркимъ противникомъ конфедераціи. Мой шуринъ занималъ въ генеральности конфедераціи должность секретаря, а потомъ былъ посломъ въ Голандіи, и братъ мой занялъ его мѣсто секретаря; оба они предлагали мнѣ и выборъ три мѣста: секретарство въ Злато-польской таможнѣ. Злотницкій цѣлыхъ четыре мѣсяца оставлялъ для меня вѣдѣннымъ мѣсто поручика въ гусарской бригадѣ, и Косаковский епископъ, почти деспотически распоряжавшійся дѣлами генеральности, предлагалъ мнѣ мѣсто въ Финансовой комиссіи. Но тогда я не считалъ для себя возможнымъ принять какое-бы то ни было

предложеніе отъ конфедераціи. Событія послѣдующихъ годовъ и ближайшее знакомство съ дѣлами теперь уже совершенно измѣнили мои первоначальныя мнѣнія относительно дѣятельности четырехъ-лѣтняго сейма и поступковъ Сченскаго Потоцкаго. А по этому прошу вѣрить, если я его защищаю и извиняю, то не дѣлаю этого ради какихъ нибудь постороннихъ соображеній, но единственно на основаніи убѣжденія моего, опирающагося на моей совѣсти.

ГЛАВА IV.

Старшій сынъ Сченснаго Потоцкаго—Сченснй Юрій Потоцкій родился съ очень счастливыми качествами сердца и очень хорошими способностями. Воспитаніе его было поручено ксендзу Трускалевскому, перешедшему въ свѣтское духовенство изъ ордена о.о. піаровъ. Это былъ человѣкъ ученый, въ обществѣ пріятный и остроумный, но вліять на нравственную сторону своего воспитанника не могущій, такъ какъ собственная его нравственность была не очень высокаго качества. Онъ могъ разъ въ недѣлю отслужить обѣдню, разъ въ годъ въ день св. Станислава — опекуна Польши и патрона принципала, сказать новую хорошую проповѣдь, наконецъ отсидѣть свои часы за урокомъ, но не болѣе. Остальное его время посвящалось разгуливанію по разнымъ домамъ мѣстечка, вмѣшательству въ любовныя ссоры и интриги. Онъ въ особенности любилъ быть довѣреннымъ лицомъ и посредникомъ всѣхъ влюбленныхъ, съ цѣлью пользоваться при этомъ въ свою пользу чѣмъ можно. Такъ протекала вся его жизнь, закончившаяся дурной (венерическою) болѣзнію и печальною смертью.

Изъ школы такого педагога, молодой Потоцкій былъ еще почти юношей отвезенъ въ Петербургъ и поставленъ при дворѣ

безъ надзора и руководства въ званіи камергера. Онъ предався роскоши, картамъ и женщинамъ. Павелъ I, какъ мы уже сказали, отправилъ его съ фельдгегеремъ къ отцу. Нѣжно любившій его Потоцкій заплатилъ всѣ его долги и желая сдѣлать его богаче братьевъ, подарилъ ему Могилевъ и Немировскія волости, содержавшія слишкомъ 10.000 душъ крестьянъ. Сынъ не могъ однакоже воздержаться, чтобы до безумія не влюбиться въ красавицу мачиху. Онъ остался опекуномъ братьевъ и распорядителемъ всѣхъ громаднхъ имѣній. Возвращаясь изъ Одессы онъ въ Богопольскомъ ключѣ, увидя что часть необъятныхъ тамошнихъ степей не засѣяна, счелъ это признакомъ лѣности крестьянъ, и отмѣнилъ распоряженіе отца, по которому вмѣсто барщины крестьяне платили чиншъ (оброкъ). Барщина была введена снова, и съ нею арендаторство. Настоящею причиною такого поступка молодого владѣльца было вовсе не опасенія усиленія лѣни крестьянъ, а соблазнъ; многочисленные охотники взять въ аренду имѣнія Потоцкихъ предложили ему, усиливъ барщину, выплачивать за каждаго пѣшаго работника 15 грошей, а за коннаго 20 грошей и выплатить всю арендную сумму впередъ за три года. Прельщенный такими предложеніями Потоцкій не далъ развиться доброму быту крестьянъ и лучшее дѣло своего отца уничтожилъ въ самомъ началѣ. Взятый за три года впередъ доходъ пошелъ отчасти на выплату восьмой части, слѣдовавшей мачихѣ, и отчасти былъ расточенъ самымъ нерасчетливымъ образомъ. При раздѣлѣ наслѣдства, не взирая на всю снпеходительность братьевъ, у Станислава Юрія оказались такіе громадныя долги, что онъ рѣшился отдать мачихѣ всѣ свои имѣнія, даже великолѣпную картинную галерею въ Немировѣ, собранную Викентіемъ Потоцкимъ. За это, по условію, мачиха обязалась выплатить всѣ его долги и да-

вать ему въ годъ на расходы по пятнадцати тысячъ червонцевъ. Затѣмъ еще вполне здоровый, Потоцкій уѣхалъ въ Парижъ и влюбился въ какую-то англичанку. Употребленіе возбуждающихъ средствъ и разныя излишества, довели его скоро до ужасной болѣзни; тѣло отпадало кусками отъ костей несчастнаго, вслѣдствіе крайней испорченности крови. Доктора послали его на воды въ Пириней, гдѣ онъ и заключилъ свою ничтожную жизнь, оставивъ братьямъ краснорѣчивое и печальное посмертное предостереженіе, чтобы они не шли по его слѣдамъ, а оберегали свое здоровье и свое состояніе.

любовницу, подавала государю просьбу объ увольнении ея мужа, ему дозволили возвратиться, но онъ уже въ то время не состоялъ въ числѣ живыхъ.

Другая замѣчательная личность изъ тульчинскихъ игроковъ былъ тульчинскій управляющій Игнатій Юковскій. Онъ сначала игралъ очень скромно. Грошъ по грошу собиралъ деньги и имѣлъ уже двѣ тысячи червонцевъ. Тогда онъ рискнулъ на всѣ двѣ тысячи червонцевъ,—заложилъ банкъ. Сченный Потоцкій, жаждавшій сорвать всякій банкъ, рискуя въ десять разъ большія суммы, очень скоро, что называется штурмомъ, взялъ всѣ двѣ тысячи червонцевъ Юковского. Несчастный ушелъ съ пустыми руками, почти потерявъ разсудокъ отъ отчаянія и подумывая о самоубійствѣ. Уже былъ снятъ со стѣны пистолетъ, какъ вдругъ его ослѣнила счастливая мысль: послать за евреями тульчинскими и взять у нихъ взаймы. Евреи сейчасъ же принесли ему какъ управляющему безотговорочно тысячу рублей асигнаціями. Съ этими деньгами Юковскій вернулся въ залу, гдѣ шла игра. Банкъ держалъ князь О., генераль-провіантмейстеръ, избравшій для себя квартиру въ Тульчинѣ. Свернувъ свои асигнаціи какъ можно крѣпче, чтобы они представляли самый малозначущій сверточекъ, Юковскій поставилъ ихъ на карту—и выигралъ, загнулъ пароль (на три куша), спросилъ банконема: отвѣчаетъ ли онъ? и получивъ отъ улыбавагося князя О. проническій отвѣтъ—отвѣчаю! поставилъ и снова выигралъ. Затѣмъ выигралъ семь кушей, пятнадцать кушей и наконецъ тридцать кушей, т. е. тридцать тысячъ въ нѣсколько минутъ. По тогдашнему курсу выигрышъ равнялся 150.000 золотыхъ польскихъ (22.500 р. сер.). Далѣе Юковскій повелъ уже осторожную игру и вскорѣ устроилъ свой капиталъ. У него явились великолѣпное столовое серебро, хрусталь и богатый гар-

деробъ. Онъ началъ жить по барски, но прожилъ не долго. Смерть его произошла отъ довольно страннаго случая. Онъ подъ конецъ сдѣлался изнѣженнѣйшимъ сибаритомъ, въ родѣ того, которому даже листокъ розы, попавшій на постель, могъ мѣшать спокойно спать. Разъ ему подали чулки, въ которыхъ оказалась небольшая дыра, Юковский пришелъ въ ярость, слѣдствіемъ которой были апоплексія и смерть. Братъ получилъ послѣ него въ наслѣдство 25.000 червонцевъ. Одинъ изъ братьевъ покойнаго Игнатія Юковскаго—Петръ купилъ у Сченскаго Потоцкаго за безцѣнокъ Бранловъ. Произошло это отъ того, что когда при составленіи условій продажи Потоцкій потребовалъ отъ своей канцеляріи свѣденій, сколько въ годъ приносятъ дохода бранловскія имѣнія, канцелярія по ошибкѣ позабыла включить въ число доходовъ барыши съ винокурни, завода для выдѣлки извести и еще кое-чего, всего на 30.000 злотыхъ въ годъ меньше.

Оома Ви., бывшій совѣтникъ конфедераціи, былъ въ числѣ счастливцевъ, обыгрывавшихъ Потоцкаго: для этихъ людей Сченский былъ просто золотою рѣкою. Ви. нахваталъ изъ этой рѣки 700.000 злотыхъ. Онъ извѣстенъ еще и тѣмъ, что поссорившись во время игры съ старикомъ поэтомъ Трембецкимъ ударилъ его по лицу. А когда бѣдный оскорбленный старикъ потребовалъ поединка, Ви. уклонился отъ поединка, заблаговременно давши знать полиціи о мѣстѣ и времени назначенной встрѣчи.

Поэтъ Трембецкій, камергеръ короля Станислава-Августа, послѣ третьяго раздѣла Польши, былъ приглашенъ князьями Чарторыжскими на жительство въ Грановъ. Оттуда, когда Потоцкій, послѣ развода со второй женой Іозефиной Мнишекъ, снова переселился въ Тульчинъ, онъ былъ приглашенъ на жительство въ Тульчинъ, гдѣ и жилъ до смерти. Поклонникъ

Пивагора Трембецкій не ѣлъ говядины и не пилъ крѣпкихъ напитковъ. За поему «Софіювку» Потоцкій далъ ему двѣ тысячи червонцевъ; всѣ свои сочиненія поэтъ посвящалъ третьей женѣ Потоцкаго. Въ комнатѣ у него всегда горѣла свѣча для закуриванія трубки. Халата онъ не носилъ и ходилъ у себя въ комнатѣ въ одной рубашкѣ, длинной по пяты. Каждую субботу у его оконъ выстраивались нищіе, и онъ ихъ собственноручно надѣлялъ милостыней. Между его сочиненіями должна была находиться исторія Польши, написанная по латыни. Послѣ смерти Трембецкаго мнѣ было поручено пересмотрѣть его бумаги. Но прежде чѣмъ я успѣлъ сдѣлать это, изъ Кременца пріѣхалъ какой-то господинъ и взялъ всѣ бумаги Трембецкаго. Была ли въ числѣ ихъ исторія Польши на латинскомъ языкѣ, никто изъ народа, населявшаго въ то время Тульчинъ, освѣдомиться не позаботился. Вскорѣ послѣ обиды, понесенной имъ отъ Оомы Ви., поэтъ отъ горя впасть въ ребячество и въ состояніи тихаго умопомѣшательства окончилъ свою жизнь. Подъ конецъ онъ не могъ спать. Кто-то ему посовѣтовалъ пить водку для лучшаго сна. Лекарство дѣйствовало успѣшно, и Трембецкій въ послѣдніе дни пристрастился къ употребленію водки.

Дызма Томашевскій, сынъ Вислицкаго подчашаго, родился 1 января 1749 года. Воспитаніе получилъ онъ въ іезуитской школѣ въ Сandomыжѣ. Его родственникъ (мужъ родной тетки), каштелянъ Карась, былъ при королѣ надворнымъ маршаломъ; по его рекомендаціи Д. Томашевскій поступилъ въ королевскую канцелярію. Король послалъ его въ сandomирское воеводство дѣйствовать на сеймикѣ, при избраніи словъ на сеймъ, въ пользу своей партіи, но онъ вмѣсто того вступилъ въ барскую конфедерацію, отъ которой получилъ чинъ ротмистра, участвовалъ въ сраженіяхъ и раненный

подъ Ланскороной попался въ плѣнъ. По просьбѣ короля его освободили изъ плѣна. Когда Томашевскій излечился отъ раны, онъ снова былъ допущенъ къ прежней должности и королевской канцеляріи. Король, еще больной отъ ранъ, нанесенныхъ ему въ голову барскими конфедератами, принялъ своего помилowanego придворнаго въ постелѣ и упрекнулъ его только слѣдующими словами:

— А! вотъ и ты... Если бы коза не скакала, были бы у нея и ноги цѣлы.

Затѣмъ его съ Деболи отправили въ званіи секретаря посольства въ Петербургъ, гдѣ въ это время обязанность посла исправлялъ Псарскій. На пути въ Петербургъ пришлось переправляться чрезъ Днѣпръ въ мѣстечкѣ нѣкоего Піоро. Переправа оказалась крайне затруднительною по причинѣ ледохода; владѣлецъ мѣстечка — старикъ совершенно сѣдой, какъ лунь, рассказывалъ Томашевскому и Деболи о своихъ приключеніяхъ въ Петербургѣ, въ которомъ онъ былъ при началѣ царствованія Елисаветы.

Піоро, владѣлецъ мѣстечка, былъ въ молодости при дворѣ Кетлера великаго герцога Курляндіи. У жены Кетлера Анны Іоанновны гостила ея двоюродная сестра Елисавета Петровна, дочь Великаго Петра. Молодой придворный сумѣлъ понравиться ей и пользовался ея благосклонностію до самаго отбытія Анны Іоанновны съ его покровительницею въ Москву на царство. Тогда онъ разомъ потерялъ и покровительницу и службу при курляндскомъ дворѣ. До самаго вступленія на тронъ Елисаветы Петровны онъ оставался на родинѣ безъ мѣста. Но въ это время нѣкоторые изъ его родственниковъ, зная что онъ былъ любимцемъ бывшей великой княжны, а тогда императрицы, сдѣлали для него складку и помогли отправиться въ Петербургъ. Приѣхавъ въ

столицу, Піоро не имѣя званія, могущаго дать ему право испросить для себя аудіенцію у императрицы, принужденъ былъ отыскивать благопріятный случай быть ею замѣченъ. Онъ жилъ у какого-то діака и прожилъ почти всѣ свои деньги, ожидая этого благопріятнаго случая. Онъ бѣгалъ изъ церкви въ церковь и на разныя зрѣлища, стараясь, чтобы императрица его замѣтила, но увы, всѣ старанія были напрасны. Однажды, проходя по какому-то мосту на одномъ изъ рукавовъ Невы (вѣроятно на каналѣ) Піоро услышалъ за собою стукъ ѣдущей кареты и топотъ лошадей. Пришлось, давая экипажу дорогу, прислониться спиной къ периламъ моста. Въ каретѣ, къ которой онъ былъ обращенъ лицомъ, онъ увидѣлъ и узналъ императрицу. Государыня тоже сейчасъ узнала его. Верховому офицеру приказано было освѣдомиться, гдѣ онъ живетъ и затѣмъ императорскій кортежъ скрылся, а Піоро, обрадованный, возвратился домой, ожидая съ минуты на минуту приглашенія во дворецъ. Но дни проходили за днями, а приглашенія не было. Піоро началъ уже терять надежду и разъ вечеромъ сидѣлъ очень огорченный и погруженный въ самыя печальныя думы при мерцающемъ свѣтѣ жалкаго освѣщенія своей комнаты, какъ вдругъ подъѣхала карета, и тотъ же самый офицеръ, который спрашивалъ его на мосту о квартирѣ, явился снова и объявилъ, что имѣетъ приказаніе пригласить его во дворецъ. Императрица приняла его очень мпlostивно и оставила на службѣ при дворѣ. Ему отвели помѣщеніе въ самомъ дворцѣ, и пользуясь благосклонностію государыни, Піоро достигъ очень хорошаго положенія и приобрѣлъ состояніе.

Переправившись чрезъ Дняпръ Томашевскій съ Деболи прибыли благополучно въ Петербургъ, гдѣ первый и оста-

вался до смерти своего отца, послѣ которой онъ вернулся на родину, продалъ имѣніе, доставшееся ему по наслѣдству, и поѣхалъ за границу. Онъ былъ во Франціи и въ Италіи. По возвращеніи изъ путешествія у него изъ всего наслѣдства осталось только 20.000 злотыхъ (3000 р.). Деньги эти онъ помѣстилъ у Потоцкаго и за нихъ получилъ въ аренду, безъ всякой годичной выплаты, по заставному праву, имѣніе Поповку, въ которомъ числилось больше трехсотъ душъ мужескаго пола. Кромѣ того магнатъ пригласилъ его на постоянное жительство въ Тульчинъ.

Въ 1780 году Томашевскій женился на моей сестрѣ (Хржонстовской), съ которой познакомился въ Варшавѣ. Въ 1784 году онъ былъ выбранъ въ Люблинскій трибуналъ. По окончаніи судебной сессіи вмѣстѣ съ братомъ Антономъ, онъ снова поѣхалъ за границу и былъ въ Парижѣ и на прекрасныхъ берегахъ Рейна. Въ 1789 году исполнялъ должность комисара въ военно гражданской комиссіи въ Брацлавлѣ, а въ 1792 году вызванъ былъ Потоцкимъ въ Яссы и оттуда поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ. Когда же была объявлена Тарговицкая конфедерація, Томашевскій получилъ званіе генеральнаго секретаря этой конфедераціи. Въ этомъ же году въ октябрѣ ему дали званіе министра-резидента при амстердамскомъ дворѣ. Онъ уѣхалъ въ Вѣну и ждалъ тамъ своихъ вѣрительныхъ грамотъ отъ тогдашняго канцлера ксендза Сулковскаго. Но гроденскій сеймъ уничтожилъ званіе министра-резидента при амстердамскомъ дворѣ. Томашевскому пришлось возвратиться домой, чего онъ однако же не сдѣлалъ и прожилъ за границею цѣлыхъ десять лѣтъ, частью во Львовѣ, частью въ Вѣнѣ. Имѣніе Поповку онъ отдавалъ, лично отъ себя уже, другимъ арендаторамъ, а самъ держалъ въ арендѣ разныя имѣнія въ Галиціи, сперва

Шумляны, а потомъ селенье Цуцоловцы за рѣкою Стрыемъ. Потоцкій заставилъ его возвратиться въ Украину и жить въ имѣннѣ Пененжакахъ, тоже отданномъ ему въ аренду. Послѣ смерти Потоцкаго, Дызма Томашевскій, выдавшій уже замужъ свою дочь за Матфея Раковского, не захотѣлъ оставлять капиталовъ въ 60.000 злотыхъ на дальнѣйшее время въ рукахъ вдовы Потоцкой. Онъ ее всегда считалъ неаккуратной плательщицей. Отыскивая болѣе безопасное помѣщеніе для своихъ денегъ, онъ, что называется, изъ огня попалъ въ полымя, отдавъ деньги Ржевуской и взявъ отъ нея по закладному праву имѣніе Софіевку около Константинова. Контрактъ оказался написаннымъ не по закону, Томашевского вскорѣ изъ имѣнія выгнали и деньги его пропали окончательно. Съ тѣхъ поръ онъ уже постоянно жилъ въ Поповкѣ; молодые Потоцкіе отдали ему это имѣніе пожизненно. Умеръ Томашевскій въ 1825 году на семьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія.

Ошибочныя обвиненія всегда слѣдуетъ отличать отъ настоящей вины. Томашевскій любилъ свою родину, но на положеніе ея и потребности смотрѣлъ съ той же самой точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на эти вещи и Сченснй Потоцкій. Воспитанный въ слѣпой приверженности къ правамъ «золотой свободы», онъ раздѣлялъ всѣ тогдашніе предразсудки по этой части. Надо было слышать съ какимъ восторгомъ онъ рассказывалъ о выборахъ на престолъ короля Станислава Понятовскаго въ лагерѣ шляхты подъ Волей, гдѣ и онъ находился подъ хоругвью (знакомъ) Калиновскаго, ротмистра сандомирскаго воеводства.

Перечислимъ здѣсь его литературныя работы. Въ 1780 году онъ написалъ стихами комедію «Супруги въ разводѣ». Спустя сорокъ лѣтъ вышла его поэма «Земледѣліе». Послѣ

Вѣнскаго конгреса, онъ въ теченіе трехъ или четырехъ мѣ-
сяцевъ, создалъ поэму «Ягеллонѣаду», жестоко униженную
и раскритикованную Мицкевичемъ. Последнее впрочемъ не
помѣшало тогдашнему попечителю вилenskaго университета,
князю Чарторыжскому прислать Томашевскому за его поэму
дипломъ почетнаго члена университета. Прозой онъ издалъ
исполненную риторики и фразъ брошюру, направленную про-
тивъ конституціи 3 мая, установленной четырехлѣтнимъ сей-
момъ. Посолъ этого сейма, поэтъ Трембецкій, отвѣтилъ ему,
правда не такъ краснорѣчиво. но за то несравненно осно-
вательноѣе на его брошюру. Въ послѣдніе годы жизни онъ
еще написалъ прозой комедію «Первая любовь» и издалъ
одинъ томъ «Мѣшанинъ». Онъ обладалъ поэтическимъ да-
ромъ, но даръ этотъ не былъ выработанъ; кромѣ того слѣ-
пое подражаніе французскимъ классикамъ все портило. Иног-
да впрочемъ и у него попадаются стихи поэтическіе, или
фразы, звучащіе искреннею любовью къ родинѣ.

ГЛАВА VI.

Епископъ Романъ Сѣраковскій приходился племянникомъ архіепископу Львовскому. Онъ неизвѣстно по какой причинѣ отказался отъ своей обязанности епископа и очень даже блестящей будущности, оставилъ свой капитулъ и перешелъ жить въ Умань. Здѣсь его небольшая бенефіція (пробожство), кромѣ жалованья, назначеннаго Потоцкимъ, и обыкновенной ординаріи (содержанія съѣстными припасами), не имѣла почти никакихъ постоянныхъ доходовъ. Потоцкій правда отдалъ ему въ арендное содержаніе имѣніе Пеніонжковье, но такъ какъ почтенный епископъ любилъ играть въ карты и жить въ роскоши, то и приходилось ему очень часто прибѣгать къ жидамъ и закладывать имъ свои вещи. Вторая жена Потоцкаго, урожденная Мнишекъ, любившая подшутить, однажды послала ему въ подарокъ богатую епископскую митру, уложенную въ покроецъ, сдѣланный изъ картъ польскихъ и французскихъ. Когда въ 1787 году началась война Россіи съ Турціей, Сѣраковскій сумѣлъ попасть въ особенную милость у князя Потемкина. Черезъ него онъ заключалъ очень выгодные контракты на доставку продовольствія русскимъ войскамъ и уступая потомъ эти контракты другимъ лицамъ получалъ значительные барыши. Въ такой

же точно милости у Потемкина находился Михаилъ Мусаковскій (тоже приближенный Сченснаго Потоцкаго), державшій въ арендѣ Умань, Роковъ и Касановки. Онъ былъ постояннымъ сотоварищемъ епископа во всѣхъ его торговыхъ дѣлахъ. Въ первоначальномъ актѣ тарговицкой конфедераціи имя епископа Сѣраковского значилось между совѣтниками генеральности. Онъ имѣлъ въ виду получить доходное епископство, и едва конфедерація перенесла свои засѣданія въ Гродно, Сѣраковскій явился туда и началъ участвовать въ собраніяхъ генеральности. Однако же ему ничего небыло дано, и послѣ прекращенія конфедераціоннаго союза онъ возвратился на Украйну, тщетно домогаясь получить отнятое у Колонтая пророжество (приходъ) Кржижановское, дававшее 40.000 злотыхъ въ годъ дохода. Провинціи, присоединенныя къ Россіи, были въслѣдствіи раздѣлены на три епископства могилевское, пинское и латычевское. Екатерина назначила Сѣраковского епископомъ Латычевскимъ, а императоръ Павелъ I подарилъ ему кромѣ того еще имѣнія.

Сѣраковскій подписалъ огромное множество постановленій о разводахъ. За разводомъ Потоцкаго съ урожденной Іозефиной Мнишекъ, потянулся цѣлый длинный рядъ разводовъ, между которыми наиболѣе замѣчательными и мнѣ, по моимъ сношеніямъ съ Тульчиномъ извѣстными, были: разводъ Вита, съ гречанкой, второй разводъ Вита съ урожденной Острогоръ, Качковскаго съ Маковецкой, Грушецкаго съ Иржкевичъ, Лещинскаго съ Полумбіанкой, Вивье съ Новиковой, Геколева тоже съ Новиковой, Вистецкаго съ Бѣльдицкой, Тржецинскаго съ Иржкевичъ (бывшей уже въ разводѣ съ Грушецкимъ), Кубальскаго съ Великовской, Хойновскаго съ Семинской и т. д.

Адамъ Мощенскій, родомъ великополянинъ (изъ нынѣшняго великаго герцогства Познанскаго), служилъ въ фузилерахъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, предпочитая службѣ выгоды быть приближеннымъ у богатаго молодого магната Сченснаго Потоцкаго, въ то время носившаго еще титулъ хорунжаго короннаго. Жалованье Мощенскому было назначено въ годъ 12.000 злотыхъ (1800) руб.). Одинъ изъ его братьевъ, Игнатій, имѣлъ званіе подчашаго, а другой, Александръ, титуловался генераломъ, но больше былъ извѣстенъ подъ именемъ «Веселаго Саши». Этотъ послѣдній былъ женатъ на богатой вдовѣ Чечелевой. Адамъ Мощенскій изъ Крестынополя посланъ былъ Потоцкимъ въ Украину обревизовать администрацію украинскихъ имѣній и покончить дѣла съ арендаторами.

Нѣкто шляхтичъ Гиновскій имѣлъ претензіи на имѣніе Буцкаго ключа. Салезій Погоцкій (отецъ Сченснаго), чтобы покрыть эти претензіи, отдать ему въ аренду село и фольваркъ Красноставку. Мощенскій нашелъ это излишнимъ и не признавая претензіи Гиновскаго, выгнать его изъ Красноставки. Лишенный пріюта на старости, Гиновскій передалъ всѣ свои претензіи Чернишову, генералу русскихъ войскъ, стоявшихъ въ то время въ Польшѣ (Дѣло было послѣ перваго раздѣла). Дѣло началось въ земскомъ судѣ, затѣмъ перешла въ трибуналъ и наконецъ поступило въ сеймовый судъ, гдѣ и послѣдовало рѣшеніе. Потоцкій выигралъ дѣло и взялъ вверхъ надъ русскимъ генераломъ, что очень льстило его гордости. Но Мощенскій ради этого выигрыша долженъ былъ не жалѣя сыпать деньгами, и процесъ обошелся магнату почти въ два миліона злотыхъ (300.000 р.). Кромѣ того и самыя выигранныя имѣнія были отданы Мощенскому по заставному праву за 150.000 злотыхъ. Но впрочемъ Мо-

своимъ семействомъ, жилъ въ Тульчинѣ на счетъ Потоцкаго, а потому ему легко было собрать значительное состояніе. У Жирослава Потоцкаго Мощенскій въ послѣдствіи купилъ слишкомъ тысячу душъ и сыну своему Іосифу оставилъ прекрасное имѣніе безъ долговъ.

ГЛАВА VII.

Госпожа Крепсъ, урожденная Младановичъ ¹⁾, оставила двѣ рукописи; одна, объ уманьской рѣзни, была передана въ редакцію «Познанскаго тыждника» и тамъ напечатана, другая рукопись: о похищеніи и утопленіи первой жены Сченснаго Потоцкаго, урожденной Комаровской, пропала вмѣстѣ съ вещами Крепсъ. Мнѣ (Хржонстовскому) madame Крепсъ читала эту рукопись, и содержаніе ея я помѣстилъ въ біографіи Сченснаго. Дочь Младановича была послѣ уманьской рѣзни привезена въ Кристинополь (имѣніе Потоцкихъ) и состояла дворской дѣвицей при генеральшѣ Брюль. Крепсъ поручикъ въ чужеземномъ корпусѣ (родъ иностраннаго легіона) женился на ней. Умирая, мужъ оставилъ ей капиталъ, и не хватало только нѣсколько тысячъ злотыхъ для дополненія суммы, необходимой на уплату за имѣніе Пеніожковцу, которую впоследствии купилъ у Потоцкихъ Русецкій. Вдова Крепсъ не рѣшалась на эту покупку, не желая оставаться въ долгу и не будучи въ состояніи заста-

¹⁾ Младановичъ былъ губернаторомъ (управляющимъ) уманьскими имѣніями и погибъ со всѣмъ семействомъ во время бунта гайдамакъ, уцѣлѣла одна его дочь, принятая на воспитаніе Потоцкимъ и вышедшая замужъ за Крепса.

вить Тишевскаго, повѣреннаго молодаго Станислава Потоцкаго, уступить ей съ оцѣнки эти нѣсколько тысячъ. Затѣмъ она взяла въ аренду казенныя имѣнія, на которыхъ потеряла все свое состояніе и умерла, получая на содержаніе изъ милости отъ Александра Потоцкаго. Зять ея Ропъ отказался отъ значительныхъ имѣній, не желая жить въ Курляндіи, и всю жизнь прожилъ съ тещей. Онъ умеръ отъ горловой чахотки. Внуки Крепсъ остались въ совершенной нищетѣ.

Михайлъ Мусаковскій получилъ бесплатно въ пользованіе отъ Потоцкаго два имѣнія: Роги и Кассановку. Кромѣ того, по милости князя Потемкина, онъ имѣлъ случай заключить нѣсколько очень выгодныхъ подрядовъ на поставку продовольствія русской арміи во время турецкой войны. Подобно Ивановскому онъ получалъ отъ этихъ поставокъ огромные барыши. Но при всѣхъ этихъ удобныхъ случаяхъ къ обогащенію, Мусаковскій еще сумѣлъ надѣлать огромныхъ долговъ. Избѣгая наложенія ареста на доходы данныхъ ему Потоцкимъ имѣній, онъ добровольно отказался отъ нихъ и взаменъ получилъ ежегодный пансіонъ. Умеръ онъ сумасшедшимъ.

Дивное было это время. По той ли причинѣ, что въ Украинѣ не было никакой иностранной торговли, или вслѣдствіе неравномѣрности урожаевъ, но только цѣны на хлѣбъ постоянно то упали, то подымались. Такъ въ 1782 году, когда родители мои переселились изъ Волыни въ уманскія имѣнія, за корецъ ржи платили по золоту (15 коп.). Но такъ какъ во всей Уманьской волости, чрезвычайно обширной, было не болѣе десяти фольварковъ, обрабатываемыхъ экономіей, а крестьяне, не понуждаемые къ обработкѣ полей, больше занимались скотоводствомъ и пчеловодствомъ, то посѣвы по этому были очень не велики; запасовъ у крестьянъ

янь не было; ежегодный сборъ былъ едва достаточенъ на годовое продовольствіе, а избытокъ крестьянинъ пропивалъ. Отсюда происходило, что случись одинъ какой нибудь неурожайный годъ—и цѣны на хлѣбъ сейчасъ же неимоვნю подымались. Въ 1787 году, когда была поставка хлѣба для русской арміи, за корецъ ржи приходилось платить по тридцати злотыхъ. Я помню какъ Томашевскій, у котораго въ его имѣніи Поповкѣ сгорѣлъ овняъ, наполненный хлѣбомъ, отдалъ за два корца ржи (два четверика) Злотипцкому вола, годнаго уже къ запряжкѣ въ плугъ.

Братъ мой Михаилъ, служившій въ австрійской службѣ, былъ потомъ начальникомъ надворной милиціи Потоцкихъ. Она была сформирована изъ шляхты и употреблялась для охраненія границъ во время чумы. Затѣмъ онъ служилъ поручикомъ въ національной кавалеріи. Конфедерация произвела его въ чинъ маіора и послала съ денешами къ посольству польскому въ Константинополь. По возвращеніи оттуда онъ поселился на жительство въ Тульчинѣ и былъ всегда въ большой милости у Іозефины Потоцкой, урожденной Мнишекъ. Послѣ смерти Сченснаго онъ держалъ нѣсколько лѣтъ въ арендѣ уманскія пмѣнія; а подъ старость поселился въ Богопольѣ, гдѣ собранныхъ капиталовъ хватило ему до самой его смерти на хорошій столъ и хорошія вина. Къ довершенію всегда счастливой жизни Богъ далъ ему и смерть хорошую; онъ умеръ не болѣвъ—просто заснулъ.

Какой-то неизвѣстный описалъ стихами уманскую рѣзню; вѣроятно авторъ былъ очевидцемъ этого событія и счастливо избѣжалъ общей гибели. Рукопись поэмы я видѣлъ, въ ней недостаетъ начальныхъ стиховъ; въ этой рукописи, въ числѣ убитыхъ, поименованъ нѣкій Лещинскій. Остававшагося послѣ него сироту Салезій Потоцкій взялъ на воспитаніе, вѣроятно въ память фамиліи, одинаковой съ фамиліей нашего короля философа, а можетъ быть и изъ уваженія къ дѣйствительному родству Лещинскихъ изъ Умани съ бывшимъ королемъ. Взятый на воспитаніе и выросшій въ Крестинполѣ ребенокъ назывался Клеменсъ Лещинскій; его приучили къ письменнымъ дѣламъ, и онъ впослѣдствіи былъ начальникомъ канцеляріи у Станислава Потоцкаго, давшего ему чинъ капитана въ полку, носившемъ имя полка Потоцкихъ. Когда Потоцкіе собирались ѣхать въ Вѣну, одна изъ ихъ надворныхъ дѣвицъ, старая дѣва Полумбіанка, упала къ ногамъ господъ своихъ и умоляла ихъ, въ награду за ея услуги, выдать ее замужъ за молодого Лещинскаго. Сватовство, которое Станиславъ Потоцкій взялъ на себя, конечно заставило Лещинскаго жениться на Полумбіанкѣ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ военной службы и завѣдывалъ важнѣйшими дѣлами Потоцкихъ всегда съ особеннымъ стараніемъ и успѣхомъ. Во время конфедераціи ему былъ данъ чинъ полковника Виницкихъ казаковъ. По возвращеніи Сченснаго Потоцкаго изъ Гамбурга, Лещинскій развелся съ Полумбіанкой, не имѣвшей дѣтей и женился на разведенной женѣ Вевіо. Овдовѣвъ, онъ еще разъ женился на дочери Петра Юковскаго и умеръ уѣзднымъ предводителемъ дворянства подольскаго уѣзда. Послѣ него остались дѣтямъ въ наслѣдство Браиловскія имѣнія.

Квяткевичъ, извѣстный какъ основатель двухъ уманскихъ

деревень: Свириловки и Зеленковой, былъ при жизни Салезія Потоцкаго главноуправляющимъ Тарговицкаго ключа, лежащаго на границѣ нынѣшней Новороссіи, а потому ближе всѣхъ находящагося отъ уманскихъ имѣній, подверженныхъ разбоямъ гайдамакъ. Чтобы обезопасить себя отъ разбоевъ, Квяткевичъ самъ записался въ реестры Запорожья, но лично службы не несъ, а посылалъ ежегодную дань въ Запорожье—бочку водки. Когда подходило время вспыхнуть уманскому бунту, Квяткевичъ бѣжалъ къ запорожцамъ, гдѣ и прятался до самаго усмиренья волненій, послѣ чего снова вернулся здоровъ и невредимъ. Онъ былъ единственнымъ изъ богатырей воспѣтыхъ въ поэмѣ «Столица Гудий польска!» Еще въ 1785 году я его видѣлъ въ живыхъ; онъ былъ женатъ на родственницѣ Поструцкихъ, владѣвшихъ деревней Подберезье въ Луцкомъ повѣтѣ и находившихся такимъ образомъ въ сосѣдствѣ съ моими родителями. Самъ Квяткевичъ впоследствии купилъ себѣ имѣніе въ кievскомъ воеводствѣ, а въ Уманѣ, до самой своей смерти, держалъ въ арендѣ деревни Зеленки и Легендину. Уманскія имѣнія Потоцкихъ проходили слѣдующіе фазисы въ своемъ управленіи: Послѣ смерти Младановича, убитаго гайдамаками, управлялъ Рудзкій, выдавшій дочь свою за Шоплапскаго, предводителя дворянства. Его смѣнилъ Левандовскій; этотъ послѣдній, когда отказался отъ управленія Уманщиной, былъ выбранъ депутатомъ отъ Брацлавскаго повѣта въ Коронный трибуналъ. Сыну своему Рудольфу и дочери, вышедшей за Ратиборовскаго, Левандовскій оставилъ до 200 000 злотыхъ капитала. Сынъ все состояніе растратилъ и умеръ, живя изъ милости у сестры. Уманью управлялъ послѣ Левандовскаго, съ титуломъ генеральнаго губернатора Клоновскій, съ нимъ въ 1783 году приключился

очень неприятный случай. Поймали запорожца на самомъ мѣстѣ воровства и заключили въ тюрьму подъ стражей лежневъ-казаковъ. Лежневыми казаки назывались потому, что принадлежали къ числу «залогн» ганизона (по польски залог; гарнизонъ происходитъ отъ слова залечъ). Запорожца вывели на работу, окапывать валы замка. Во время этой работы, онъ лопатою, которою копалъ, ударилъ по головѣ лежневаго казака, убилъ его и убѣжалъ въ лѣсъ, называемый Грановымъ. Лѣсъ оцѣпили сейчасъ же и бѣглеца поймали. Въ Умани въ это время существовалъ Судъ Магдебургскій; его составляли Войтъ Яремый, судья Скальскій и писарь Дыдынскій. Въ силу полномочія, даннаго ему сеймомъ, судъ этотъ имѣлъ право осуждать, безапелляціонно на смерть, разбойниковъ и воровъ, пойманныхъ въ обрубѣ его юрисдикціи. Говорили, что генеральный губернаторъ Кленовскій, не ожидая приговора суда, велѣлъ запорожца повѣсить, и когда уже виновный былъ на висѣлицѣ, тогда только судъ собрался и приговорилъ его къ смерти. Вслѣдствіе этого самъ Кленовскій едва не былъ схваченъ и отданъ подъ военный судъ за убійство. Его спасъ, предупредивъ, Сологубъ; Кленовскій оставилъ управленіе и укрылся. Когда буря утихла, онъ поселился въ Липовецкомъ уѣздѣ, гдѣ купилъ имѣніе Подвысокое. Управляющимъ послѣ него сдѣлался Дунаевскій. Это былъ очень хорошій администраторъ изъ школы знаменитаго комисара Чарторыжскихъ—Ивановскаго. Подъ управленіемъ Дунаевскаго Умань приняла совсѣмъ въ иной видъ. Онъ написалъ очень обстоятельную инструкцію для всѣхъ офиціалистовъ (служащихъ), умножилъ число фольварковъ, обстроилъ ихъ очень хорошо и входя во всѣ подробности хозяйства, которое онъ отлично зналъ, успѣлъ доходность имѣнія увеличить до очень зна-

чительной суммы. При этомъ онъ не любилъ и избѣгалъ ненужной бюрократіи. Въ огромномъ имѣніи онъ велъ всѣ распоряженія при помощи всего двухъ писцевъ, и самъ лично диктовалъ всѣ приказанія.

ГЛАВА VIII.

Не останавливаясь на разных незамѣчательныхъ личностяхъ, населявшихъ Тульчинъ и помогавшихъ Потоцкому разоряться, вспомню здѣсь о Рудницкомъ. Жизнь его представляетъ разительный примѣръ до чего можетъ довести слабость характера, хотя бы даже человѣкъ въ дѣйствительности имѣлъ добрыя качества. Рудницкій участвовалъ еще во время барской конфедераціи; онъ отличился въ сраженіи подъ Ярославлемъ въ Червонной Руси, гдѣ успѣлъ отбить изъ плѣна двѣсти конфедератовъ, осужденныхъ въ ссылку. При переформировкѣ арміи, въ 1788 году, его какъ стараго опытнаго офицера, приняли съ чиномъ вице-бригадира національной кавалеріи. Во время войны 1792 года гетманъ Ржевускій издалъ универсалъ, приказывая польскимъ войскамъ не считать русскую армію за непріятельскую, а соединиться съ нею. Рудницкій, признавая власть гетмана законною властію, самъ одинъ оставилъ ряды польской арміи. Впослѣдствіи, одинъ изъ плѣнныхъ, встрѣтивъ Рудницкаго, осыпалъ его упреками и обидными словами за его поступокъ, и это такъ его тронуло, что онъ былъ нѣсколько

времени, какъ помѣшанный ¹⁾). Послѣ третьяго раздѣла Польши онъ вышелъ въ отставку и жилъ у Потоцкаго въ Гамбургѣ, получая отъ него пожизненный пансіонъ въ шесть тысячъ червонцевъ. Съ Потоцкимъ вмѣстѣ онъ возвратился въ отечество и поселился въ Умани. Кромѣ пансіона, ему данъ былъ пожизненно хуторъ съ нѣсколькими крѣпостными. Онъ жилъ очень скромно, всѣ доходы употребляя на вспомошествованіе бѣднымъ родственникамъ и неимущимъ. Изъ своего хутора, Рудницкій ежедневно ѣздилъ въ Умань къ обѣднѣ въ костелъ отцевъ базильяновъ. Сойдя съ лошади онъ оставлялъ свою лошадь на свободѣ пастись, а самъ чрезъ большой монастырскій дворъ отправлялся въ часовню къ обѣднѣ. Въ монастырѣ была школа, и ученики преслѣдовали бѣднаго старика ежедневными криками: Рудницкій! Рудницкій! Мертвецъ ²⁾!! держите бѣглеца!.. Онъ никогда не жаловался на эти обиды и не переставалъ пріѣзжать ежедневно въ костелъ къ обѣднѣ, покорно перенося преслѣдованія мальчишекъ. Однажды послѣ очень долгаго богослуженія, онъ зашелъ отдохнуть къ своему племяннику, служившему въ земской канцеляріи, легъ на его постель и умеръ. Богъ далъ ему легкую смерть въ награду за очень тяжелую жизнь.

Въ числѣ населенія Тульчина отличался Дудинскій. Въ молодости онъ былъ парикмахеромъ Потоцкаго и тогда носилъ фамилію сообразную своему ремеслу — Зачесальскаго. За вѣрность и преданность, доказанную своему господину, будучи уже въ зрѣломъ возрастѣ, онъ получилъ должность

¹⁾ Бригадиръ Рудницкій бѣжалъ изъ польскихъ войскъ къ непріятелю. По военному суду его изображеніе было повѣшено въ Острогѣ и онъ объявленъ былъ лишеннымъ чести и имени (Смотри Записки Охотскаго).

²⁾ Его считали мертвымъ, такъ какъ онъ de jure былъ повѣшенъ въ Острогѣ.

казначей тульчинской главной экономіи. Жизнь его разумѣется пошла веселѣе и соотвѣтственно этому онъ принялъ фамилію Дудинскаго. И въ самомъ дѣлѣ очень хорошо было жить казначею огромныхъ волостей. Со всей массы оброковъ, арендъ, доходовъ съ мельницъ и тому подобнаго, въ его пользу шелъ тридцатый грошъ со всякаго взноса въ кассу Потоцкаго. Четырехлѣтній сеймъ, нуждаясь въ деньгахъ, дозволилъ покупать дворянство, продавая дипломъ по двѣсти червонцевъ. Дудинскій купилъ себѣ такимъ образомъ дворянство и послѣ этого приобрѣлъ отъ князей Четвертинскихъ ключъ Китайградскій. Не довольствуясь этимъ новый панъ Дудинскій затѣялъ со своимъ прежнимъ владѣльцемъ процессъ о границахъ, но проигралъ. Былъ у него братъ, для котораго за дворянство тоже нужно было уплатить двѣсти червонцевъ. Но Дудинскій пожалѣлъ уплатить непроезводительный расходъ вторично; братъ такъ и остался не дворяниномъ. Этотъ послѣдній умеръ неженатымъ потому, какъ говорилъ, чтобы не увеличивать число плебеевъ.

Метцль, побочный сынъ генерала Брюля, былъ отданъ въ корпусъ и вышелъ оттуда хорошимъ математикомъ и инженеромъ. Онъ былъ адъютантомъ при Потоцкомъ и за нимъ уѣхалъ въ Гамбургъ; онъ же устроилъ и знаменитую «Софіювку». Послѣ ему доставили мѣсто при Новосильцовѣ. Живя въ Умани онъ отличался скупостію. Въ гостяхъ ѣлъ за двоихъ, у себя питался одною курицей. Лакей, долженствовавшій быть сытымъ остатками послѣ барина, голодалъ, принимая со стола однѣ кости до чисто обглоданныя и даже высосанныя. За это онъ имѣлъ выгоду: ему ненужно было мыть тарелокъ: Метцль дочиста вылизывалъ ихъ. Однажды ему несчастливо случилось, и онъ началъ тонуть въ купальняхъ Софіювки. Работникъ бросился помогать и спасъ ему жизнь,

за что позучилъ два злотыхъ—30 копѣекъ. Болѣе вѣроятно, по одѣнкѣ самого Метцля, его жизнь не стоила. Съ высока смотря на поляковъ и всѣхъ не знающихъ математики, онъ называлъ ихъ быдломъ (скотами).

ГЛАВА IX.

Въ журналѣ Семейный Ежедневникъ (Dziennik Domowy) въ Познани, выходящемъ подъ редакціею Каминскаго, въ 1843 году помѣщенъ былъ разсказъ о Софіи Потоцкой подъ названіемъ «Прекрасная Фанаріотка», написанный графомъ de la Garde. Этотъ графъ нѣсколько времени жилъ въ Тульчинѣ, и поэму Трембецкаго «Софіювку» перевелъ на французскій языкъ. Если бы кто вздумалъ, пиша исторію, руководствоваться источниками, равными по достовѣрности сочиненію графа де ля-Гардъ, событія самыхъ недавно минувшихъ временъ превратились бы въ басни, похожія на басни вѣковъ давно прожитой старины. Даже трудно понять какъ могъ авторъ, въ такомъ небольшомъ сочиненіи, помѣстить столько анахронизмовъ, выдумокъ и лжей. Онъ пишетъ, что графъ Б, посоль французскій въ Турціи, проѣзжая однажды по улицамъ Константинополя, съ почетной свитой янычаръ, увидѣлъ прекраснаго ребенка — фанаріотку. Ребенку-дѣвочкѣ тогда было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Онъ заговорилъ съ нею и узнавъ, что она дочь бѣднаго хлѣбника, сказалъ ей передать матери, чтобы та пришла къ нему, а онъ постарается помочь ей. Обрадованная мать является къ посланнику и получаетъ отъ него предложеніе продать

ему дочь за 1500 піастровъ. Оскорбленная мать заламываетъ руки, плачетъ, но бѣдность принуждаетъ ее принять предложеніе. Посланникъ графъ Б. сначала занялся воспитаніемъ молодой фанаріотки Софіи и обученіемъ ея; затѣмъ когда правительство отозвало его изъ Турціи, не желая подвергать непріятностямъ и опасностямъ морскаго путешествія свою воспитанницу, рѣшили возвратиться во Францію сухимъ путемъ на Хотимъ и Каменецъ. Комендантомъ Каменца въ это время былъ молодой Витъ, получившій это мѣсто по протекціи графа деля-Гардъ ¹⁾. Посланникъ Б. былъ имъ принятъ самымъ гостепріимнѣйшимъ образомъ и остановился жить въ домѣ коменданта на нѣсколько времени, желая отдохнуть съ дороги. Воспользовавшись случаемъ, когда графъ Б. выѣхалъ изъ Каменца верхомъ для осмотра окрестностей, Витъ признался въ своей любви прекрасной фанаріоткѣ и предложилъ ей обвѣнчаться. Софія согласилась. Крѣпостныя ворота сейчасъ же были заперты, и любовники отправились въ костель, гдѣ ихъ и обвѣнчали. Графъ Б., возвратясь съ прогулки, долго стоялъ у воротъ Каменца, не понимая причины, почему его не пускаютъ. Наконецъ Витъ высылаетъ ему его багажъ, свидѣтельство о своемъ бракосочетаніи, письмо Софіи, оправдывающейся въ своемъ поступкѣ и тысячу пятьсотъ піастровъ, заплаченныхъ въ Константинополѣ ея матери графомъ. Во Францію онъ возвратился уже одинъ. Витъ послѣ этого вскорѣ поѣхалъ за границу. Случиться это должно было около 1782 года; въ Парижѣ у Софіи родился сынъ. Въ Гамбургѣ они встрѣтили Потоцкаго, воз-

¹⁾ Комендантомъ Каменца былъ въ то время старикъ Витъ, а молодой служилъ у него въ гарнизонѣ въ чинѣ маіора.

вращавшагося изъ Италіи ¹⁾. Здѣсь для Вита встрѣчается случай устроить выгодную торговую сдѣлку: за жену, за которую онъ самъ уплатилъ только тысячу пятьсотъ піастровъ, Потоцкій заплатилъ ему два милліона злотыхъ польскихъ (300.000 р. с.).

Пропуская остальные выдумки графа де ля-Гардъ, я скажу только одно, по пословицѣ: онъ слышалъ, что звонили, но не знаетъ въ которой церкви. Здѣсь сообщу жизнеописаніе Софіи Потоцкой, свѣденія для котораго почерпнуты мною изъ очень солидныхъ и достойныхъ вѣроятія источниковъ. Прежде всего: изъ разсказа дочери одного французскаго консула въ Константинополѣ, родившейся отъ гречанки, бывшей замужемъ за поручикомъ Семинскимъ, съ которымъ она развелась и затѣмъ вторично вышла замужъ за надворнаго доктора Потоцкихъ—Мейера. Потомъ я знаю подробности перваго замужества фанаріотки Софіи и Вита изъ разсказовъ подоланъ, очевидцевъ всего совершившагося. Наконецъ я самъ состоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ особами, бывшими свидѣтелями жизни ея съ Потоцкимъ, всего что ее встрѣтило во вдовствѣ и видѣвшими самую ея смерть.

Генеалогія фанаріотки Софіи слѣдующая. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, во время царствованія въ Турціи Амурата IV, одинъ грекъ, по имени Скарлатосъ, занимавшій должность соргуя, т. е. поставщика воловъ и барановъ для всего сераля и яничарскихъ казармъ, имѣлъ дочь Лександру. Прибыльная должность очень его обогатила. Въ Турціи богатство, болѣе чѣмъ гдѣ либо, даетъ власть, вліяніе и почетъ, потому Скарлатосъ покровительствовалъ Василию, господарю

¹⁾ Потоцкій былъ въ Гамбургѣ, въ первый разъ, въ 1792 году, т. е. десять лѣтъ спустя.

Молдавіи. Господарю же Валахіи Матеею онъ наносилъ большой вредъ пятригами въ Диванѣ. Чтобы избавиться отъ опасности, Матеей отправилъ къ нему пословъ и просилъ руки его дочери Лександры. Скарлатось съ радостію согласился на предложеніе и съ большою пышностію отпраздновалъ обрученіе. Но тутъ случилось несчастье: прекрасная Лександра заболѣла оспою, обезобразившею ее ужасно и даже лишившею одного глаза. Скарлатось скрылъ это передъ сватами, и какъ только дочь выздоровѣла отослалъ ее къ зятю, приказавъ быть до самаго совершенія брака всегда съ покрытымъ лицомъ. Въ Тарговицахъ, бывшихъ тогда столицею Валахіи, Лександра держала себя согласно приказаніямъ отца и только послѣ свадебнаго обряда дозволила Матеею видѣть свое лицо. Онъ ужаснулся безобразію своей жены и отослалъ ее къ отцу сейчасъ же со всѣмъ ея богатымъ приданымъ и ста пятьюдесятью кошельками золота, данными ей отцомъ. Скарлатось рѣшился мстить, но не успѣлъ: его убилъ яничарь, подкупленный господаремъ Молдавіи Василюмъ, опасавшимся, чтобы Скарлатось, породнившись съ его соперникомъ, не причинилъ ему вреда, и не знавшимъ объ отсылкѣ Лександры ея мужемъ. Лександра, оставшись одна, постановила выбрать себѣ мужа. Въ Константинополь приѣхалъ одинъ изъ рода Маврокордата, считавшихся изъ царскаго рода императоровъ восточной римской имперіи. Онъ былъ человѣкъ бѣдный, самъ обрабатывалъ свой садъ на островѣ Хіосѣ и самъ воспитывалъ шелковичныхъ червей. Ему приходилось довольно часто приносить свои товары въ домъ Лександры; необыкновенно красивый и потомокъ знатной фамиліи, онъ до того понравился ей, что она сама предложила ему жениться на ней. Бѣдный Панталисъ Маврокордато очень охотно принялъ руку богатой дѣвicy. У нихъ родился сынъ

Александръ, котораго они, замѣчая въ немъ большія способности, послали въ Падуа, гдѣ онъ въ университетѣ получилъ степень доктора философіи и медицины. Возвратясь въ Константинополь Александръ былъ въ школѣ при кафедральной церкви професоромъ философіи и медицины. Но такъ какъ въ Турціи медициной заниматься несравненно выгоднѣе, чѣмъ отвлеченными науками, то скоро молодой профессоръ посвятилъ себя исключительно докторской карьерѣ. Успѣхи его, какъ доктора, скоро открыли ему дорогу къ членамъ Дивана; онъ зналъ хорошо какъ европейскіе, такъ и восточные языки, и ему дали званіе перваго драгомана. Выѣстъ съ Зюльфикаръ Эфенди онъ былъ въ посольствѣ въ Австріи и состоялъ въ числѣ главнѣйшихъ участниковъ при заключеніи карловицкаго трактата, за что императоръ Леопольдъ далъ ему патентъ на званіе имперскаго графа. Два раза онъ попадалъ въ немилость у великихъ визирей, но оба раза счастливо избѣжалъ опасности. Умеръ онъ въ 1709 году, пользуясь большимъ кредитомъ у Высокой Порты. Четверымъ своимъ дѣтямъ — сыновьямъ Николаю и Ивану и дочерямъ Александрѣ и Еленѣ онъ оставилъ огромныя богатства. Одна дочь вышла за князя Гяку, другая — за потомка фамиліи де-Целисъ (de Celise). Каждая изъ этихъ фамилій присоединила къ своему названію еще фамилію родоначальника — Скарлатосъ Маврокордато и Гяки до сихъ поръ сохраняютъ прозвище Скарлатосъ. De Celise обѣднѣли. И отецъ Софіи былъ дѣйствительно доведенъ до большой бѣдности.

Бокампъ, такъ печально погибшій во время революціи при Костюшкѣ въ Варшавѣ, былъ первоначально австрійскимъ резидентомъ при крымскомъ ханѣ Крымъ-Гирейѣ. Не понравившись хану, онъ былъ отозванъ своимъ правитель-

ствомъ, перешелъ на службу въ Польшу, и Станиславъ-Августъ назначилъ его въ Константинополь. Здѣсь онъ увидѣлъ красавицу Софію и уговорилъ ее ѣхать съ нимъ въ Варшаву, предполагая, что она поправится королю. Но въ Варшаву прямо онъ ее почему-то не повезъ. Софія осталась въ Хотимѣ, а Бокамъ съ ея портретомъ поѣхалъ въ Варшаву. Слава о красотѣ Софіи между тѣмъ распространилась очень скоро и достигла Каменца. Молодой Витъ, сынъ коменданта, поспѣшилъ верхомъ на прекрасной лошади, съѣздить посмотреть это чудо. Онъ нашелъ Софію много разъ прекраснѣе, чѣмъ даже молва ее представляла. Онъ началъ съ обѣщанія ей золотыхъ горъ, но молодая дѣвушка была далеко не глупа и объявила, что иначе не полюбитъ его, какъ послѣ свадьбы. Она вообще держала себя какъ можно дальше отъ господина маіора Вита. Кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно оканчиваются подобныя дѣла. Фанаріотка Софья вышла замужъ за Вита. Отецъ, узнавъ о тайномъ бракѣ сына, заковалъ его въ цѣпи и посадилъ въ тюрьму, обѣщая выпустить его не прежде, чѣмъ онъ дастъ согласіе на разводъ съ гречанкою. Молодая жена, хотя и перепуганная такимъ оборотомъ дѣлъ, отважилась явиться въ Каменецъ и броситься къ ногамъ разгнѣваннаго отца, обливаясь слезами и вымаливая прощенье. Просить ей долго не пришлось. Одинъ ея взоръ обезоружилъ стараго коменданта. Онъ поднялъ ее, обнялъ въ знакъ прощенья и благословилъ какъ жену своего сына.

Полковница Ласки полюбила гречанку Софію, занялась ея воспитаніемъ; освоила съ обычаями хорошаго общества и отучила отъ новогреческихъ привычекъ. Софія всегда была ей за это благодарна. Когда полковница овдовѣла, Софія помогла ей выйти за воеводу брацлавскаго — Грохольскаго.

У нея было обязательство Грохольскаго на нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ. Софія согласилась уничтожить это обязательство, если воевода женится на вдовѣ Ласки. По смерти Грохольскаго, во второй разъ овдовѣвшую его жену она приняла на жительство въ Тульчинъ, ухаживала за нею до ея смерти и уважала какъ мать.

Отъ Вита у нея былъ только одинъ сынъ, родившійся въ Парижѣ 1782 г. Слава ея красоты гремѣла въ столицѣ Франціи. Самъ Monsieur, впослѣдствіи Людовикъ XVIII, былъ въ числѣ ея обожателей. Вездѣ, и дома и за границею ее окружали обожатели; мужъ ревновалъ и дома у нихъ никогда не было мира. Черезчуръ строгій надзоръ и подозрительность мужа ей надоели. Она оставила его, и съ madame Мнишекъ, женою хорунжаго короннаго, поѣхала въ Стамбулъ; возвратясь оттуда она думала поселиться въ Львовѣ, но Витъ, едва только узнавъ о ея возвращеніи, сейчасъ же явился и началъ просить позабыть прежнія непріятности, простить его, общая на будущее время не быть ревнивымъ и не стѣснять ея свободы. Софія смягчилась и согласилась жить съ мужемъ вмѣстѣ.

Витъ, послѣ смерти отца, былъ сдѣланъ комендантомъ Каменца. Но во время сейма, за самовольную отлучку изъ крѣпости въ лагерь союзныхъ русскихъ и австрійскихъ войскъ, намѣревавшихся штурмовать Хотимъ, былъ уволенъ отъ должности. Комендантомъ Каменца назначенъ былъ Орловскій, а Витъ перешелъ въ русскую службу съ чиномъ дивизионнаго генерала и командовалъ войсками въ Херсонѣ. Жена съ сыномъ поѣхали съ нимъ въ Херсонъ. Отсюда они часто ѣздили въ Яссы, гдѣ жилъ князь Потемкинъ. Въ Яссы пріѣхалъ и Потоцкій, возвращаясь изъ Вѣны и желая видѣть Потемкина.

Проѣзжая изъ Яссъ въ Петербургъ, Потоцкій заѣхалъ въ Херсонъ и снова видѣлся съ женою генерала Вита.

Еще живя въ Каменцѣ, Софія Витъ собралась однажды съ визитомъ въ Тульчинъ, къ женѣ Потоцкаго, который какъ старшій генералъ, былъ отчасти начальникомъ ея мужа. Но Потоцкая (урожденная Мвишекъ) нашла недостойнымъ себя принять въ своемъ домѣ жену Вита. Передъ самымъ ея пріѣздомъ въ Тульчинъ, гордая магнатка уѣхала въ одну изъ ближайшихъ деревень. Непринятая Софія Витъ, тогда еще не подозрѣвавшая, что она будетъ госпожею въ этомъ самомъ Тульчинѣ, гдѣ ее не хотѣли даже принять, возвратилась домой, осмѣянная придворными Потоцкихъ и униженная гордою соперницею.

Но времена перемѣнились и она стала госпожею въ Тульчинѣ.

По смерти старика Сченснаго Потоцкаго, Софія Потоцкая, вмѣстѣ съ старшимъ пасынкомъ, поѣхала въ Петербургъ, чтобы тамъ успѣшнѣе покончить дѣла по раздѣлу имѣній. Ей, по силѣ узаконеній Литовскаго Статута, назначили часть, равную съ частями пасынковъ, и не пожизненно, а въ вѣчное владѣніе наследственно. Но кончивъ дѣла такъ хорошо для себя, она однакоже не могла избѣжать большой потери. Вторая жена Вита угрожала ей процесомъ, доказывая незаконность ея брака съ Потоцкимъ. Большая сумма денегъ однакоже помогла ей уничтожить этотъ процессъ. По раздѣлу Потоцкая на свое имя и на имя своихъ сыновей получила половину всѣхъ громадныхъ состояній ея мужа; кромѣ этого, всѣ имѣнія старшаго пасынка. Сченснаго Юрія Потоцкаго, и весь Немировъ, подаренный ему отцемъ, заключавшій свыше 10.000 душъ, достался ей. Устрашенная мотовствомъ Сченснаго Юрія Потоцкаго, она отправила его за

границу, приняла на себя всё его долги, достигавшіе громадной суммы, тридцати миллионъвъ злотыхъ (4.500.000 р.), и обязалась выплачивать ему ежегодно по смерть пятнадцать тысячъ червонцевъ.

Сначала у нея недолго управлялъ Чарновскій. Затѣмъ она сама взялась за устройство имѣній. Но она заболѣла, уѣхала лечиться въ Берлинъ и умерла тамъ отъ рака. Послѣдніе дни ея были по истинѣ мученическіе. Доктора берлинскіе рѣшили, что болѣзнь ея неизлечима; облегчить страданья они правда брались, но заранѣе предупредили, что всякая временная остановка болѣзни и страданій непремѣнно повлечетъ за собою тѣмъ сильнѣйшія боли. Софія Потоцкая рѣшилась терпѣть страданья даже усиленные, но требовала, чтобы непремѣнно были паузы въ ея болѣзни. Пользуясь этими паузами, она написала духовную. Для двухъ дочерей были предназначены десять тысячъ душъ въ приданое; двѣ тысячи пятьсотъ душъ назначены были старшему сыну ея Виту; затѣмъ слѣдовали части другимъ сыновьямъ. Кромѣ этого всего, изъ оставшагося имущества легко очистилась сумма, достаточная для покрытія всѣхъ долговъ покойнаго уже тогда Стенснаго Юрія Потоцкаго.

О ней самой можно сказать, что кромѣ пороковъ неизбѣжныхъ, по причинѣ первоначальной жизни ея, какъ искательницы приключеній, Софія Потоцкая обладала и хорошими качествами. Она была доброю матерью, госпожею распорядительною и не скупюю; помогала бѣднымъ, и тѣхъ, которые у нея служили, никогда не оставляла безъ помощи. Что касается собственно ея милосердія, то о ней можно сказать:

Non ignare mali miseris succurrere disco.

КСЕНДЗЪ ДМОХОВСКІЙ ¹⁾.

(Биографическій очеркъ изъ сочиненій Анонима Подольника).

Францъ Дмоховскій родился въ 1762 году 1 декабря и происходилъ изъ дворянской фамиліи. Отецъ и мать его жили въ Подляскомъ воеводствѣ въ имѣніи Дмохи, отъ котораго произошла и самая ихъ фамилія Дмоховскіе. У него было восемь братьевъ и сестеръ. Небогатое состояніе родителей заставило ихъ ограничиться для обезпеченія участи дѣтей стараніями дать имъ хорошее воспитаніе. Всѣ братья Дмоховскаго воспитывались въ Дрогичинской школѣ ксендзовъ піаровъ, взявшихъ въ свои руки воспитаніе по уничтоженію іезуитскаго ордена; двое изъ нихъ вступили въ послѣдствіи въ духовное званіе. Францъ Дмоховскій въ школѣ скоро обратилъ на себя вниманіе учителей своими способностями и при-

¹⁾ Ксендзъ Дмоховскій литераторъ и публицистъ переходной эпохи конца XVIII и начала XIX вѣка, кромѣ своей литературной извѣстности, замѣчательнъ еще, какъ ксендзъ-женатый. Онъ представляетъ далеко не одиночный примѣръ между римско-католическимъ духовенствомъ и виѣсть съ тѣмъ его біографія замѣчательна по тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ подобные ему новаторы не могутъ избѣгнуть, въ ультраментальномъ польскомъ обществѣ.

лежаніємъ. Предугадывая въ немъ будущаго способнаго дѣятеля и видя его замѣчательную способность выражать мысли гладко и понятно, живое воображеніе, охоту и способность къ литературѣ, отцы піары употребляли всѣ возможныя средства, чтобы склонить его вступить въ ихъ общество. Они рассчитывали получить отъ его способностей въ будущемъ большія выгоды. И старанья ихъ не остались тщетны. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Дмоховскій принялъ обѣты монашества по правиламъ общества піаровъ. Какъ новиціуша (испытуемаго—вновь посвященнаго) его послали въ Подоленцы. Здѣсь піары старательно берегли его и ласкали, доставляя ему возможность продолжать свое образованіе. Въ скорости, даже прежде чѣмъ они могли ожидать, Дмоховскій уже началъ отличаться. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ получилъ званіе учителя. Въ Ломжинскихъ школахъ ему довѣрили кафедры грамматики и французскаго языка. Кромѣ того ему дозволили проповѣдывать въ Ломжѣ и въ окрестныхъ костелахъ въ дни «отпустовъ» (молитвенныя собранія, присутствующимъ на которыхъ дается отпущеніе грѣховъ), похоронъ и т. п. На слушателей онъ производилъ впечатлѣніе какъ ораторскимъ своимъ талантомъ, такъ и своими идеями, развиваемыми въ проповѣдяхъ. Онъ имѣлъ замѣчательную память, быстрое понятіе и замѣчательный даръ слова, а его прилежаніе и любовь къ наукамъ скоро открыли ему дорогу для дѣятельности на болѣе широкомъ полѣ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Ломжѣ, отцы піары нашли возможнымъ перевести его въ Варшаву. Здѣсь ему дали сначала въ варшавскихъ піарскихъ школахъ должность учителя поэзіи, а затѣмъ профессуру краснорѣчія. Съ своей стороны Дмоховскій чѣмъ болѣе учился, тѣмъ болѣе желалъ еще усерднѣе заниматься наукою. Онъ учился по нѣмецки

и по англійски. Въ послѣднемъ языкѣ успѣхи его были такъ велики, что онъ занялся переводомъ изъ разныхъ авторовъ, а въ особенности отъ Мильтона. На первыхъ порахъ произведенія эти къ печати не предназначались; скромность монаха и самолюбіе молодого ученаго мѣшали Дмоховскому рѣшиться отдать ихъ въ печать.

Въ это время въ Варшавѣ надѣлалъ большаго шума процессъ англичанки Дугумъ ¹⁾. Въ этой скандальной исторіи были замѣшаны многіе магнаты, Адамъ Чарторыйскій и самъ король. Дмоховскій на этотъ случай написалъ стихотворный помфлетъ «Панъ во владѣніяхъ пана подстоля: орелъ и павлинь—басня». Сочиненіе явилось въ 1786 году и было какъ нельзя болѣе кстати. Но и это сочиненіе авторомъ къ печати не предназначалось; онъ его только читалъ передъ друзьями, изъ которыхъ одинъ по секрету передалъ его въ типографію. Издатель Гроль такъ много продалъ экземпляровъ этого перваго печатнаго произведенія Дмоховскаго и въ такое короткое время, что добровольно уплатилъ ему изъ своихъ барышей около ста червонцевъ.

Ободренный первымъ успѣхомъ, Дмоховскій вскорѣ издалъ переводъ поэмы Мильтона «Потерянный Рай», встрѣченный всеобщимъ сочувствіемъ и похвалами и утвердившій литературную извѣстность автора.

Наступилъ четырехлѣтній сеймъ. Академія Краковская прислала на сеймъ петицію. Дмоховскій написалъ отвѣтъ на это сочиненіе—и опять съ большимъ успѣхомъ. Ему теперь приходилось трудиться днемъ и ночью для многихъ членовъ

¹⁾ Процессъ англичанки Дугумъ былъ началомъ вражды между Игн. Потоцкимъ и королемъ, вслѣдствіе которой И. Потоцкій способствовалъ „Прусской партіи“ на четырехлѣтнемъ сеймѣ.

сейма, имѣвшихъ превосходныя идеи, но не способныхъ облечь ихъ въ приличную и краснорѣчивую форму. Онъ постоянно писалъ и готовилъ рѣчи для засѣданій сейма, что расширило его связи и высоко подняло его личное значеніе и кредитъ. Извѣстный ксендзъ Колонтай, узнавъ о замѣчательныхъ способностяхъ Дмоховскаго, сдѣлалъ его своимъ секретаремъ. Письма Колонтая къ маршалу сейма адресованныя, печатавшіяся и имѣвшія такой успѣхъ, были въ сущности не ему одному принадлежавшія произведенія, а труды Дмоховскаго и только отчасти Колонтая. Оставаться піаромъ при такихъ обстоятельствахъ Дмоховскому было уже неудобно; какъ монахъ всецѣло принадлежавшій своему ордену и какъ человѣкъ, на котораго орденъ налагалъ извѣстныя обязанности, онъ былъ стѣсненъ въ своемъ времени и въ своей свободѣ. Въ уваженіе этихъ причинъ Дмоховскій секуляризовался (перешелъ въ свѣтское духовенство), уступая совѣтамъ своихъ друзей Солтыка, Игнатія и Станислава Потоцкихъ и другихъ. Ему дали званіе пробоща (настоятеля) въ мѣстечкѣ Піонтекъ въ Великой Польшѣ. Доходное и спокойное мѣсто настоятеля не повліяло однако же на Дмоховскаго такъ, чтобы заставить бросить или даже уменьшить его литературныя труды. Обогащеніе тоже не вошло въ планы его жизни, онъ, сдѣлавшись независимъ, тѣмъ съ большею энергіею принялся за работы и началъ переводъ «Иліады» Гомера. Объявленная подписка на это сочиненіе шла довольно хорошо, когда вдругъ политическія событія принудили автора-переводчика бросить все и бѣжать за границу.

Нужда и бѣдность скоро дали ему почувствовать всю свою тяжесть въ чужихъ земляхъ, гдѣ окруженный чужими, онъ не могъ даже надѣяться избавиться отъ своихъ стѣснен-

ныхъ обстоятельствъ. Въ Парижѣ бѣдность принудила переводчика «Иліады» заняться разноскою брошюръ по трактатамъ и кабакамъ. Эти ничтожныя республиканскія брошюры сочинялись за бутылкою и за бутылкою читались разнымъ сбродомъ. Заработокъ выручаемый продажею подобныхъ брошюръ, былъ до крайности ничтоженъ. Дмоховскому пришло на мысль написать самому политическій памфлетъ, подъ заглавіемъ «Савоія наша» (*La Savoie est à nous*). Книгопродавецъ взялся издать брошюру на условіяхъ, чтобы четвертая часть барышей досталась автору. Подписана она была буквами: F. D. и имѣла очень значительный успѣхъ. Правительство предписало даже пѣть въ театрахъ патріотическіе стихи, помѣщенные въ концѣ брошюры, а автору назначило вознагражденіе. Но вознагражденія Дмоховскому не выдали. Его предупредилъ нѣкій самозванецъ, котораго имя и фамилія тоже начинались съ буквъ F. D. и который взялъ награду. Пререканія и споръ настоящаго автора никакого успѣха не имѣли. Обиженный, онъ оставилъ Парижъ вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ, поддерживавшимъ его въ нуждѣ. Изъ Парижа въ Геттингенъ Дмоховскій шелъ пѣшкомъ, съ узелкомъ на плечахъ, въ которомъ было только немного бѣлья, нѣсколько книгъ и рукописей. Его настоятельное мѣсто въ Польшѣ прусское правительство отдало другому въ силу того, что онъ не явился на назначенный срокъ къ вызову. И Дмоховскій теперь не имѣлъ уже ровно никакихъ ресурсовъ на свое содержаніе, кромѣ своихъ личныхъ трудовъ и знаній. Но въ Геттингенѣ ему повезло лучше, нежели въ Парижѣ. Онъ выучился по гречески и усовершенствовался въ англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Работая усердно, Дмоховскій кромѣ того, что содержалъ себя, еще съ успѣхомъ слушалъ лекціи въ университетѣ и усовершенствовался во многихъ отрас-

ляхъ знанія. Въ 1800 году онъ возвратился въ отечество, обогащенный знаніями и съ талантомъ, вполне уже созрѣвшимъ. Въ Польшѣ Дмоховскому совѣтовали просить прусское правительство возвратить ему отнятое пробство (настоятельство); успѣхъ былъ почти несомнѣнный, но Дмоховскій отказался начинать дѣло. «Я знаю новаго настоятеля, сказалъ онъ, когда у него отнимутъ мѣсто, ему придется голодать, а я славу Богу еще здоровъ и могу работать, содержать себя!» Друзья возвратившагося изгнанника сами были бѣдны или доведены были до затрудненій послѣдними политическими событіями; при всемъ желаніи, они ему не могли помочь. Дмоховскій принялся за трудъ, опираясь только на собственныя силы и знанія, согласно своему девизу *Labor ipsa voluptas*. Онъ сейчасъ же опубликовалъ о своемъ возвращеніи въ отечество и заявилъ, что хотя политическія событія и помѣшали ему удовлетворить согласно обѣщанію лицъ, подписавшихся на его переводъ «Илліады» Гомера и заставили его на нѣсколько лѣтъ отложить изданіе, но что онъ теперь возвратясь въ отечество, готовъ удовлетворить своихъ подписчиковъ. Извѣстіе о его возвращеніи и возобновленная подписка на переводъ «Илліады» приняты были публикою очень хорошо; подписка снова пошла успѣшно и дала ему средства издать книгу. «Илліада» имѣла большой успѣхъ и очень понравилась читателямъ, какъ изъ обыкновенной публики, такъ и изъ числа ученыхъ. Любя науки и просвѣщеніе Дмоховскій задумалъ учредить общество Друзей Наукъ въ Варшавѣ. На первомъ засѣданіи онъ, въ качествѣ президента, говорилъ передъ большимъ собраніемъ слушателей, доказывая, что настоящее время самое удобное для занятій науками и литературой въ краѣ, лишенномъ самостоятельности и права распоряженія своею судьбою...

Къ ордену отцовъ піаровъ Дмоховскій по прежнему сохранялъ дружеское расположеніе; будучи основателемъ и членомъ общества Друзей Наукъ, онъ склонилъ это общество первоначально избрать мѣстомъ своего засѣданія монастырь піаровъ.

Въ это время неутомимый Дмоховскій предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго періодическаго журнала «Памятники» (Pamiętniki — Записки). О значеніи и достоинствахъ этого изданія мы здѣсь не будемъ говорить; достаточно того, что основатель употребилъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы сдѣлать Памятники занимательнымъ, полезнымъ и серьезнымъ изданіемъ. Программа его была историко-политическая. Славный своими сочиненіями въ то время во всей Польшѣ Красицкій, епископъ варминскій и впослѣдствіи архіепископъ гнѣздненскій, умирая завѣщалъ Дмоховскому разобрать всѣ его рукописи и издать сочиненія по своему усмотрѣнію и выбору.

Дмоховскій прекрасно выполнилъ это порученіе и доказалъ, что надѣясь на него Красицкій не ошибался. Сочиненія были изданы полнымъ собраніемъ. Изъ нихъ только первые пять томовъ перепечатаны съ прежняго изданія, остальные же Дмоховскій составилъ изъ рукописей, найденныхъ и разобранныхъ имъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти Красицкаго. Изданіе журнала и сочиненій Красицкаго дало большой барышъ. Живя хорошо и въ достаткѣ, Дмоховскій собралъ небольшой капиталъ, и за эти деньги (девять тысячъ червонцевъ) купилъ въ Куявскомъ воеводствѣ имѣніе, управленіе которымъ поручилъ своему женатому брату. Самъ онъ оставался на постоянномъ жительствѣ въ Варшавѣ, не покидая литературныхъ и ученыхъ занятій. У него была уже

очень хорошая бібліотека лучшихъ сочиненій на разныхъ языкахъ.

Между друзьями и почитателями Дмоховскаго была и одна пріятельница Изабелла Микорская. Она не только была его пріятельница, но даже въ нѣкоторой степени благодѣтельница. Еще въ малолѣтствѣ, находясь на попеченіи старшей сестры, Изабелла брала уроки у Дмоховскаго, въ то время принадлежавшаго къ ордену піаровъ. Способности ея были не изъ обыкновенныхъ: исторію и языки Изабелла изучила очень скоро, а впоследствии въ ней развились охота и талантъ къ литературнымъ занятіямъ. Она знала очень хорошо французскій, итальянскій и нѣмецкій языки, кромѣ того довольно порядочно англійскій. Достигнувъ совершеннлѣтія Изабелла поселилась въ Варшавѣ, занималась литературою и жила процентами съ капиталовъ своего приданаго; къ Дмоховскому, какъ къ своему учителю, она сохраняла глубочайшее уваженіе и симпатію. По возвращеніи его изъ за границы, грустное положеніе такого талантливаго человѣка возбудило въ ней сожалѣніе; чтобы помочь ему, она передала въ его распоряженіе всѣ свои капиталы, при помощи которыхъ Дмоховскій легко могъ издать всѣ свои сочиненія и сочиненія Красицкаго, давшія ему большой барышъ. Кромѣ упомянутаго нами уже имѣнія въ Куявскомъ воеводствѣ онъ пріобрѣлъ домъ въ Варшавѣ. Сама Изабелла Микорская, отдавъ все свое состояніе въ его руки, рѣшилась и сама жить съ нимъ вмѣстѣ. Она занялась въ его домѣ хозяйствомъ и кромѣ того помогала ему очень акуратно въ чтеніи корректуръ. Нѣсколько лѣтъ прожили они въ самомъ лучшемъ согласіи и дружбѣ. Только фамилія Микорскихъ осталась недовольна связью между Дмоховскимъ и Изабеллою. Между прочимъ нѣкій каштелянъ Микорскій считалъ

такой поступокъ своей родственницы оскорбленіемъ для фамиліной чести, прочіе члены фамиліи думали видѣть оскорбленіе нравственности въ совмѣстной жизни дѣвицы съ особою духовною. Съ своей стороны Изабелла Микорская, успѣвшая уже привязаться къ Дмоховскому и вполне довольная спокойной и мирной жизнью съ нимъ, не хотѣла и слышать о разрывѣ. Чтобы еще ближе были ихъ отношенія, она уполномочила его употребить ея деньги вмѣстѣ съ своими на покупку имѣнія; оказывалась, что непріятности и преслѣдованія родныхъ только сблизали тѣхъ, которыхъ должны были разъединить. Въ это время два ксендза Вольскій и другой изъ ордена піаровъ—Маціевскій женились. Дмоховскій, уступая настояніямъ Изабеллы, тоже порѣшилъ жениться. Старый примѣръ ксендза ¹⁾ Оржеховскаго, осмѣлившій Вольскаго и Миціевскаго, придавалъ энергіи и Дмоховскому. Прусское правительство, отличавшееся вѣротерпимостію, очень охотно дало ему дозволеніе на вступленіе въ бракъ, который и состоялся въ Кальвинской киркѣ. Въ этомъ дѣлѣ впрочемъ Дмоховскій больше дѣйствовалъ по настоянію Изабеллы, чѣмъ въ силу собственнаго убѣжденія; онъ былъ ей многимъ обязанъ и чувствовалъ, что долженъ поступать по ея желанію и къ сохраненію ея репутаціи. Печальныя послѣдствія этой женитьбы не замедлили вскорѣ сказаться: талантливый ученый и писатель много потерялъ въ публикѣ изъ симпатій и уваженія, которыя прежде всегда были на его сторонѣ. Самая жизнь его измѣнилась. Вмѣсто прежней общественности и дружба съ знакомыми, онъ сталъ вести жизнь уединен-

¹⁾ Оржеховскій не только женился, но и доказывалъ своими сочиненіями, что Римско-католическая религія не воспрещаетъ жениться свѣтскому духовенству.

ми. Солтыкъ и Станиславъ Потоцкій были его искренними друзьями. Аристократическая молодежь: Поцей, Красинскій и Потоцкіе собирались у него три раза въ недѣлю брать уроки литературы, за которыя платили ему по сто червонцевъ и болѣе въ годъ и гордились, что учителемъ ихъ былъ славный Дмоховскій. Виленская академія предложила ему въ официальномъ письмѣ, чтобы онъ, ради блага университета, созданнаго, милостію Императора Александра I принялъ въ немъ каведру съ жалованіемъ въ тысячу червонцевъ въ годъ. Но Дмоховскій не принялъ предложенія; благодаря за честь онъ въ концѣ письма прибавилъ, что не осмѣливается брать на себя столь трудныхъ обязанностей, проживши уже большую половину жизни. Тѣмъ не менѣе Дмоховскій и въ это время не переставалъ усиленно работать; трудъ сдѣлался для него болѣе отдохновеніемъ и увеселеніемъ, чѣмъ собственно трудомъ.

Публикѣ было обѣщано изданіе переводовъ Овидія, выхода книгъ ждали съ нетерпѣніемъ, но при жизни Дмоховскаго имъ не суждено было явиться. Послѣ него впрочемъ осталось очень много рукописей, въ числѣ которыхъ вѣроятно находятся и переводы Овидія. Дмоховскій не любилъ деревенскаго хозяйства и жилъ постоянно въ кругу друзей въ городѣ въ своемъ домѣ. До самой смерти онъ сохранялъ старыя симпатіи къ ордену піаровъ, и всѣ свои сочиненія печаталъ въ ихъ типографіи, что ордену приносило значительные доходы. По четвергамъ у него всегда бывали литературныя обѣды. Жизнь веселая и полная довольства была для него доступна, но совершеннаго счастья на землѣ нѣтъ; и Дмоховскій далеко не былъ вполне счастливъ. Изабелла, жена его, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, не была уже прежней милой и уступчивой женщиной; характеръ ея испортился.

ся. Достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ желаній, она не сдѣлалась довольнѣе и лучше, напротивъ явилась непріятной, тяжелой по характеру и непокорной сварливой женой. По причинѣ ея живаго и сварливаго характера домъ Дмоховскаго былъ постоянно полнъ ссоръ и криковъ. Онъ правда никому не жаловался на свое несчастіе, даже мнѣ (авторъ былъ мужемъ сестры Изабелы Дмоховской) своему старому другу говорилъ объ этомъ неохотно; но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ свое несчастіе и непріятность своего положенія.

— Вотъ это и есть мое наказаніе за грѣхи на этомъ свѣтѣ, говорилъ онъ въ минуты откровенности. Но кромѣ себя никого я обвинять въ этомъ не имѣю права. Хорошо мнѣ и такъ и надо терпѣть до не далекой уже смерти.

Въ его характерѣ и самомъ здоровьѣ въ это время произошла большая перемѣна, далеко не къ лучшему. Въ 1807 году въ княжествѣ Варшавскомъ по поводу послѣднихъ политическихъ событій и благодаря обѣщаніямъ Наполеона началась новая жизнь, и каждому казалось, что онъ самъ съ этого времени начнетъ новую жизнь. Президентъ города Варшавы, всѣми уважаемый Павелъ Бѣлинскій умеръ. Дмоховскій сейчасъ же подалъ въ магистратъ Варшавы заявленіе, предлагая себя кандидатомъ на должность президента. Но зависть, интриги и личности не дозволили принять его кандидатуру. Въ особенности духовенство много повліяло на варшавскій магистратъ, который далъ Дмоховскому отвѣтъ, сначала очень высоко поставивъ его заслуги и способности, но потомъ рѣшительно отклонивъ его предложеніе, какъ предложеніе человѣка отказавшагося отъ вѣры и сана священническаго, что можетъ только быть соблазномъ для другихъ. Огорченный и униженный Дмоховскій въ первый разъ упрекнулъ свою жену, говоря, что слабостію характера и согла-

сіемъ на ея просьбы онъ нанесъ себѣ на старости лѣтъ безчестіе и что она была истинной причиной его несчастія и его униженія.

Изабелла не стерпѣла упрековъ и разсерженная, взявъ сына, уѣхала изъ Варшавы. Дмоховскій остался въ столицѣ одинъ, больной кровохарканьемъ и не имѣя никого изъ близкихъ, которые могли бы смотрѣть за нимъ во время болѣзни. Между тѣмъ его ждали новыя непріятности. Король саксонскій, славившійся набожностію и усердіемъ къ церкви, завялъ престолъ варшавскаго герцогства. Во времена прусскаго владычества, духовныя власти сильно ограничиваемыя, молчали, не надѣясь на ободренія отъ вѣротерпимаго до послѣдней крайности берлинскаго правительства. Теперь напротивъ они начали дѣйствовать энергически и преслѣдовать Дмоховскаго, отчасти справедливо, за его бракъ. При саксонскомъ королѣ духовенство снова получало все свои права. Позволеніе прусскихъ властей на бракъ Дмоховскаго было признано не дѣйствительнымъ, такъ какъ бракъ священника во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать соблазномъ. Въ особенности нападали на Дмоховскаго за его сочиненіе «Ксендзъ женатъ и—ничего новаго и ничего удивительнаго»; сочиненіе это, написанное съ большимъ талантомъ и остроуміемъ и изданное подъ именемъ сочиненія Вольскаго, было причиною большихъ соблазновъ между католическими жителями бывшей Польши, идя въ разрѣзъ съ предписаніями и канонами римской церкви.

Духовныя власти хлопотали о подверженіи Дмоховскаго личной отвѣтственности; признавъ бракъ его незаконнымъ, потребовали удаленія жены на всегда, а отъ него самого—возвращенія къ монашескимъ обѣтамъ. О сынѣ ничего не было упомянуто. Во время процесса, Дмоховскій видя, что

общественное мнѣніе было противъ него, усиливался доказывать свою справедливость, напрягая всѣ силы своего ума. Эти труды и въ особенности огорченія окончательно разстроили его здоровье, у него открылась чахотка, и онъ заболѣлъ смертельно. Въ такомъ положеніи, еще больной, онъ уступая общему противъ себя раздраженію, рѣшился оставить Варшаву и уѣхать въ деревню къ женѣ и сыну. Но на первомъ же ночлегѣ у него бросилась кровь горломъ и онъ умеръ 6 февраля 1808 года. Когда дали знать въ Варшаву о его смерти, друзья, оставшіеся ему вѣрными, посѣщали привезти въ городъ его тѣло; здѣсь всѣ ученые и всѣ тѣ, которымъ онъ дѣлалъ добро при жизни, соединились и похоронили его очень пышно. — Рѣчи, которыя говорили при его похоронахъ, были напечатаны въ газетахъ. Съ моей стороны болѣе нечего прибавлять къ этому очерку, сдѣланному мною въ память друга, участь котораго вызывала мои сожалѣнія.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Отъ переводчика:

Задумывая перевести на русскій языкъ мемоары Дуглана Охотскаго и помѣщенные въ четвертой части этого изданія мемоары абата Охотскаго, Северина Бугара, Хржонстовскаго и Анонима Подолянина, дополняющіе и объясняющіе Дуглана Охотскаго, мы вовсе не имѣли намѣреніе сдѣлать нашъ трудъ историческимъ пособіемъ, т. е. перевести всѣ четыре тома, изданные І. Крашевскимъ, съ буквальною точностію, безъ пропусковъ и сокращеній. По нашему мнѣнію, если ужъ задаваться подобнымъ трудомъ, то необходимо исполнить его не прежде, какъ сличивъ рукопись подлинника съ изданіемъ Крашевскаго. Правда І. Крашевскій говоритъ въ предисловіи: «Нечего въ нихъ измѣнять, или прибавлять къ нимъ что либо мы не рѣшаемся; печатаемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они напи-

саны, только съ неизбѣжнымъ исправленіемъ ошибокъ, вкравшихся при перепискѣ, и другихъ, происшедшихъ вѣроятно отъ поспѣшности, при составленіи мемоаровъ». Но тѣмъ не менѣе изданіе книги, могущей служить историческимъ пособіемъ и имѣющей важное историческое значеніе, по нашему мнѣнію требуетъ большой осмотрительности. Уже самое упоминаніе польскаго издателя о поправкѣ имъ нѣкоторыхъ ошибокъ, говорить, что текстъ записокъ въ печатномъ изданіи не совершенно тождественъ съ подлинникомъ; потомъ изданіе І. Крашевскаго, вышедшее въ 1857 году, было подцензурное; тогда еще не существовало льготы безцензурности для изданій, имѣющихъ болѣе десяти печатныхъ листовъ объема. Цензурныя измѣненія и пропуски, хотя бы самыя ничтожныя, опять таки для книги, составляющей историческое пособіе, очень важны. Говоря это, мы вовсе не имѣемъ въ виду уронить прекрасное изданіе І. Крашевскаго; мы хотимъ только сказать, что посмотримъ на нашу книгу — нашъ переводъ мемоаровъ Дуклана Охотскаго съ дополненіями, какъ на изданіе популярное, а не историческое пособіе.

Быть историческимъ пособіемъ мемоары Д. Охотскаго могутъ съ успѣхомъ только въ одномъ случаѣ: они даютъ очень яркую и вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣрную картину домашней и отчасти только общественной жизни высшихъ классовъ Польши въ концѣ XVIII и началѣ текущаго столѣтія. Въ польскомъ предисловіи

сказано: «Мы не станемъ распространяться надъ оцѣнкою достоинствъ мемоаровъ Д. Охотскаго; предоставляемъ это нашимъ читателямъ и критикѣ. Можетъ быть мы пристрастны, но мы думаемъ, что въ наслѣдіи, оставленномъ намъ XVIII вѣкомъ и даже позднѣйшимъ временемъ, нельзя найти ничего равнаго по достоинству Охотскому, взявъ въ расчетъ его характеристичность и его откровенность. Въ своемъ родѣ, позабывъ только разницу между XVII и XVIII вѣками, онъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и Пасекъ ¹⁾; онъ по наивной правдѣ не уступаетъ своему предшественнику. Судить о немъ однако же нужно не иначе, какъ взявъ въ расчетъ эпоху, въ которой онъ жилъ, людей, которые окружали его въ молодости, воспитаніе того времени, обстоятельства, имѣвшія на него вліяніе, наконецъ духъ вѣка и все прочее, которое сдѣлало его именно такимъ, какимъ онъ является передъ нашими взорами. Мы увѣрены въ одномъ только, что каждый изъ читателей, познакомившись съ мемоарами, лучше и яснѣе будетъ понимать жизнь прошлой и близкой намъ эпохи; все сдѣлается ему понятнѣе, чѣмъ было прежде, когда онъ о многомъ только догадывался и бралъ представленія со сценъ исторической жизни, начертанныхъ тоже по догадкамъ». «Эти особенности и составляютъ по нашему мнѣнію, говоритъ Крашевскій, величайшее достоинство

¹⁾ Мемоары XVII вѣка первоклассные по своей правдивости и историческому значенію.

Охотскаго: они неподражаемо рисуютъ передъ нами минувшую эпоху. Кромѣ мелочей и частныхъ особенностей, здѣсь очень важна цѣлость мемоаровъ — важенъ типъ человѣка весьма характеристичный, важны образы жизни прошлаго вѣка, нарисованные рукою даже съ избыткомъ искреннею и правдивою и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненные жизни».

Мы сами вполне согласны съ такою оцѣнкою мемоаровъ. Кого интересуютъ подробности загадочныхъ послѣднихъ лѣтъ существованія Польши, кого интересуютъ эти странные люди, игравшіе еще болѣе странныя роли въ великой драмѣ, закончившей тысячелѣтнюю самостоятельную жизнь государства, — тому безъ пособія Д. Охотскаго обойтись будетъ очень трудно. Онъ непременно впадетъ въ бѣдноту; онъ не пойметъ этихъ людей, ихъ дѣйствія и духъ вѣка, среди котораго они жили.

Политической исторіи этого времени у насъ нѣтъ. Лучшее и наиболѣе полное сочиненіе о послѣднихъ годахъ Польши принадлежитъ уважаемому нашему историку Н. И. Костамарову, «Послѣдніе годы рѣчи Посполитой», но и это наиболѣе полное и лучшее сочиненіе далеко не даетъ своимъ читателямъ вѣрной картины людей и эпохи, которую рисуетъ. Мы много разъ прочли талантливый и живой рассказъ Н. Костамарова и всякій разъ менѣе и менѣе понимали пружины жизни польскаго народа, а еще того менѣе — характеръ

самыхъ представителей этого народа. Все можетъ быть точно такъ происходило, какъ говоритъ авторъ «Послѣднихъ годовъ рѣчи Посполитой», но только иначе: колоритъ, духъ и стремленія были навѣрное иные. Иначе — это было не государство, а домъ умалишенныхъ; это были не люди, а шайка сумасшедшихъ и жуликовъ. Такъ судить о цѣлой эпохѣ, о представителяхъ цѣлаго народа невозможно. Мы скорѣе думаемъ, что историкомъ упущена изъ виду внутренняя, домашняя сторона жизни польской республики; онъ рисовалъ свои картины по однимъ фактамъ исключительно политической жизни. Но какъ это ни странно, а человеку хорошо изучившему быть Польши, приходится согласиться съ довольно курьезнымъ заключеніемъ: за долго до уничтоженія политической самобытности польскаго народа, его политическое бытіе само собою окончательно прекратилось. Существовала территорія населенная, но никому въ сущности не принадлежавшая и тѣмъ менѣе принадлежавшая лицу, сидѣвшему на польскомъ престолѣ; существовалъ народъ непокоренный, но между тѣмъ не жившій политическою жизнью. Вся Польша жила своею домашнею жизнью. Она дѣлилась на множество большихъ и малыхъ помѣстій, предоставленныхъ произволу случая. Администрація почти отсутствовала; внѣшняя политика, если и подавала иногда признаки чисто механической жизни, то это скорѣе были бессознательные признаки, нежели со-

знательные взгляды и желанія людей, правящихъ государствомъ. Государствомъ впрочемъ никто и не правилъ. За исключеніемъ духовенства, имѣвшаго свои идеи, у кого изъ этого польскаго сената, или изъ этихъ жалкихъ послѣднихъ королей, были какія либо желанія и цѣли, если оставить безъ вниманія ихъ желанія и цѣли чисто домашнія, принадлежавшія внутренней ихъ жизни?

Записки Охотскаго лучше всего говорятъ о такой странной аномаліи среди строго политическихъ государствъ XVIII вѣка. Охотскій не принадлежалъ къ магнатскимъ фамиліямъ, но стоялъ такъ близко ко всѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ лицамъ Польши конца прошлаго вѣка, что всѣ эти лица очерчены у него довольно подробно. Охотскій не принадлежалъ даже по своему родовому значенію къ среднему богатому и вліятельному классу польскихъ дворянъ подобно Северину Букару; онъ только трудомъ и еще болѣе умомъ (*spryтом własnym*) добился чести попасть въ ихъ ряды и удержался въ этихъ рядахъ, сохраняя немалое значеніе, прибрѣтенное сперва при посредствѣ покровительства многомочнаго воеводы Стемпковскаго — тоже представляющаго драгоцѣнный типъ государственнаго чловѣка (сенаторъ, воевода и ближайшій любимецъ короля) въ государствѣ, не представлявшемъ ничего похожего на государство, а скорѣе всего похожего на огромную вотчину, дурно управляемую вѣтранными,

близорукими и невѣжественными людьми, впрочемъ въ сущности честными и даже хорошими людьми. Охотскій, завоевавъ себѣ мѣсто среди этихъ, въ сущности честныхъ и хорошихъ людей, является драгоценнымъ бытописателемъ — правдивымъ и наивнымъ въ высшей степени. Онъ все видѣлъ, все подмѣтилъ, все записалъ, но при всемъ томъ не сталъ даже на одинъ вершокъ выше уровня своихъ современниковъ; не провѣрилъ критически ихъ вѣрованій; ихъ боги остались его богами; ихъ мнѣнія почти всецѣло его мнѣнія. Мемоары его собственно семейная хроника, но такъ какъ въ Польшѣ не было другой жизни, кромѣ семейной, — мемоары его въ сущности оказываются политическими мемоарами, вѣрнымъ зеркаломъ бытовой жизни народа. Они намъ раскрываютъ многое что казалось непонятнымъ въ странныхъ событіяхъ послѣднихъ годовъ жизни польскаго народа. У Охотскаго только относительно «выскачекъ» (dorobkowiczów), замѣнившихъ въ 20—30 годахъ нашего вѣка прежнихъ магнатовъ, проглядываетъ озлобленіе и горечь; только на послѣднихъ страницахъ его «семейной хроники» проглядываетъ недовольство. Но вся главная часть мемоаровъ — подробный и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушный до наивности рассказъ о жизни человѣка умнаго, добраго, даже честнаго по своимъ понятіямъ; человѣка участвовавшаго активно во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ провинціальной жизни той провинціи, гдѣ онъ жилъ;

разъѣзжавшаго по другимъ провинціямъ, уважаемаго современниками и говорящаго о нихъ безъ желчи и злобы, безъ раболѣпства и восторговъ. Это-то отсутствіе тенденціи заранѣе предвзятой или заранѣе овладѣвшей человѣкомъ, по какимъ либо обстоятельствамъ его жизни, и составляетъ драгоцѣнное качество записокъ Охотскаго. Онѣ въ высшей степени субъективны, но всѣ ихъ мотивы и выводы поразительно безпристрастны; жизнь въ нихъ является объективною и нарисованною какъ бы безъ участія мнѣній и симпатій того, кто составилъ эти мемоары.

Мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей еще на личности авторовъ мемоаровъ, дополняющихъ сочиненіе Охотскаго: на абата Охотскаго, Северина Букара, Хржонстовскаго и Анонима Подолянина. Никто изъ нихъ не похожъ на веселаго умнаго, и легкомысленнаго хроникера домашней хроники XVIII вѣка. Северинъ Букаръ, человѣкъ съ очень порядочнымъ образованіемъ, скромный, какъ нравственная личность, стоитъ далеко выше своихъ товарищей и сверстниковъ. Онъ уже не безсознательный протестантъ, не сторонникъ какой либо случайной партіи въ своемъ отечествѣ. Онъ строгій патріотъ и съ однажды избраннаго имъ пути его ничто не можетъ совлечь. Онъ не любитъ русскихъ, врагъ ихъ владычества, хотя и не участвуетъ въ волненіяхъ 1794 года, но и нѣтъ возможности притянуть его на сторону русскихъ. Его записки, коль скоро каса-

ются общественной жизни, сейчас же дѣлаются сжатыми и краткими. Подробныя и очень интересныя тамъ, гдѣ онъ говоритъ о школьной жизни, о подробностяхъ битвъ, они дѣлаются сухи и безсодержательны по вопросамъ жизни политической. У него помѣщенъ довольно подробный отчетъ о его пребываніи въ Петербургѣ, о дворѣ Екатерины II и окружающемъ ее сонмѣ придворныхъ. Но и здѣсь осторожный авторъ остался вѣренъ себѣ. Ни однимъ словомъ не выдалъ онъ своихъ симпатій и антипатій. По факту его отказа перейти на блестящую службу при графѣ Зубовѣ, мы вправѣ заключить, что сердце его не лежало къ переменамъ, измѣнившимъ устройство его родины. Возвратясь домой онъ совершенно уединяется. Даже царствованіе Павла I, увлекшее многихъ на сторону Россіи, ничѣмъ особеннымъ не отразилось на Северинѣ Букарѣ. Его мемоары интересны только, какъ дающіе нѣсколько подробныхъ свѣдѣній о школьной жизни въ корпусѣ кадетовъ въ Варшавѣ и о бытности польскихъ делегатовъ въ Петербургѣ въ 1793 году. Только одинъ Любовидзскій очерченъ рѣзко и правдиво, безъ недомолвокъ и неизбѣжныхъ *но*. Если мы вспомнимъ кто былъ Любовидзскій и какую онъ игралъ роль въ послѣдніе годы Польши и сейчас же послѣ присоединенія польскихъ провинцій къ Россіи, намъ сдѣлается еще понятнѣе фигура Северина Букара, его понятія и мнѣнія. Живя и главнымъ образомъ дѣйствуя въ XVIII вѣкѣ, онъ принадлежитъ уже къ поля-

водъ съ нѣжно любимой первой своей женой. Между нимъ и Радзивилломъ легко провести паралель. Но Радзивиллъ не дожилъ до великихъ политическихъ переворотовъ въ своемъ отечествѣ. Впрочемъ, подобно Потоцкому, онъ бы навѣрное ничего не сумѣлъ сдѣлать при всей своей неограниченной почти всевластности. Посторонніе люди поставили на сцену Сченснаго Потоцкаго, держали его пока онъ былъ имъ нуженъ и совершенно незамѣтно освободились отъ него, когда онъ сталъ излишенъ. Онъ до того былъ малъ по своему нравственному значенію, что устраненіе его съ высоты, на которую его поставили люди и обстоятельства, въ сущности даже не стоило никому никакихъ усилій. Онъ исчезъ подобно мыльному пузырю, лопнувъ въ пространствѣ. Біографія Сченснаго Потоцкаго, какъ характеристика—особенно драгоцѣнна для историка.

Послѣдніе мемоары—Анонима Подолянина заключаютъ въ себѣ біографію ученаго и духовной особы, имѣвшей въ свое время большое значеніе въ польской литературѣ. Выдающійся фактъ въ жизни Дмоховскаго—піара и впоследствии священника—редактора и литератора, безъ сомнѣнія есть его бракъ съ Изабеллой Микарской. Въ фактъ этомъ однако же не слѣдуетъ усматривать сознательнаго протеста противъ стѣснительнаго целебата, навязываемаго католическому духовенству. Это не есть слѣдствіе идеи ксендза Оржеховскаго. У Дмоховскаго побужденія гораздо мизер-

нѣе и ничтожнѣе: его склоняетъ на такой смѣлый поступокъ прежде всего настоянія любимой женщины, а потомъ — безнаказанность подъ управленіемъ пруссаковъ-лютеранъ. Дмоховскій тоже истинный сынъ своего времени.

Высказавъ наше мнѣніе о предлагаемыхъ читателямъ нашимъ мемоарахъ, мы теперь перейдемъ къ самымъ приѣмамъ, на которые мы рѣшились исполняя предпринятую нами работу.

Мы желали дать русской публикѣ популярную книгу, которая помогла бы ей уразумѣть духъ и личности любопытной эпохи послѣднихъ лѣтъ жизни польскаго народа. Кромѣ чисто характеристическихъ чертъ и подробностей, всѣ переведенные нами мемоары заключаютъ въ себѣ подробности фамилныя, какъ самихъ авторовъ, такъ и разныхъ родовъ польскаго дворянства. Для русской публики эти страницы не имѣютъ никакого значенія. Напримѣръ Охотскій очень отчетливо, изъ года въ годъ, передаетъ намъ результаты дворянскихъ выборовъ въ Житомиръ; онъ передаетъ, какой помѣщикъ былъ избранъ предводителемъ губернскимъ, какіе попали въ уѣздные предводители; кто сдѣлался предсѣдателемъ палаты, даже кто попалъ въ исправники и засѣдатели. Мы позволили себѣ пропустить эти неинтересныя страницы въ нашемъ переводѣ. Они могутъ быть дороги развѣ только для житомирской публики и то не нынѣшней, а для той, ко-

торая еще сохраняла связи со всѣми этими лицами, шедшими на предводителей, председателей и исправниковъ періода 1801—1830 года. Неменѣе подробно Охотскій и Северинъ Букаръ говорятъ въ своихъ мемуарахъ о мельчайшихъ подробностяхъ хода болѣзней или выздоровленія своихъ дѣтей, женъ и знакомыхъ; эти страницы мы перевели возможно кратко, сохраняя однакоже всѣ оттѣнки и тонъ оригинала. Все же прочее въ мемуарахъ, касающееся хотя стороною, хотя однимъ намекомъ сторонъ бытовой или политической жизни, мы перевели съ буквальною точностію, стараясь даже придерживаться по возможности оборотовъ рѣчи подлинника. Вообще во всемъ, гдѣ упомянуто что либо могущее заключить характерную подробность мы старательно и полно передали въ нашемъ переводѣ.

Польскій текстъ сократился разумѣется въ русскомъ переводѣ до объема двухъ томовъ, вмѣсто четырехъ польскихъ; но въ немъ, мы смѣло ручаемся, не пропущено ни одной любопытной страницы; не измѣнена ни одна характерная фраза. Книгѣ приданъ только популярный характеръ и занимательность, вмѣсто чисто научнаго интереса, который имѣли бы мемуары Охотскаго, изданныя въ полномъ переводѣ. Для ученыхъ нашъ переводъ, разумѣется, имѣетъ только относительное значеніе, но для публики, желающей ознакомиться съ любопытною историческою эпохою, мы

уразумѣнія, а затѣмъ и примиренія между двумя національностями, изъ которыхъ благо одной нынѣ немыслима безъ благоденствія другой; исторія одной непонятна безъ изученія исторіи другой.

Предлагаемая нами книга прочтется легко и, мы смѣемъ надѣяться, не безъ интереса и не безъ пользы.

Н. С. П.

